СПОСОБЫ ОТНОСИТЕЛЬНАГО ПОДЧИНЕНІЯ.

ГЛАВА

ИЗЪ СРАВНИТЕЛЬНАГО СИНТАКСИСА.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Ѳ. Корша.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1877.

Н

ПРОВ. 1957

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
838
58

Институт Литературы
ПИИ СССР
им. М. Горького
36-27079

По опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго Московскаго университета печатать разрѣшается. Апрѣля 12-го дня 1877 года.

Деканъ *Н. Тихонравовъ.*

СПОСОБЫ ОТНОСИТЕЛЬНАГО ПОДЧИНЕНІЯ.

ГЛАВА

ИЗЪ СРАВНИТЕЛЬНАГО СИНТАКСИСА.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

Сравнительный методъ, принесшій столько пользы сознательному изученію грамматическихъ формъ арійскихъ языковъ, получаетъ мало-по-малу право гражданства и при объясненіи явленій синтактическихъ, и рядомъ со сравнительной этимологіей, исчерпывавшей еще недавно понятіе сравнительной грамматики, возникаетъ параллельная ей наука—сравнительный синтаксисъ. Задача сравнительнаго метода въ той и въ другой части грамматики въ сущности одна и таже—объясненіе образованія и развитія языка, причемъ первая разсматриваетъ языкъ со стороны его матеріальнаго состава, а вторая—со стороны тѣхъ логическихъ и психологическихъ законовъ, на основаніи которыхъ онъ становился все болѣе и болѣе покорнымъ орудіемъ мысли. Само собою разумѣется, что между тѣмъ и другимъ отдѣломъ грамматики нельзя ставить рѣзкой границы, такъ какъ они находятся въ постоянномъ взаимнодѣйствіи: какъ требованія мысли несомнѣнно вліяютъ на внѣшнюю форму слова, такъ и мысль нерѣдко должна сообразоваться съ этимологическими средствами языка. Исторія языка и состоитъ преимущественно въ постоянной борьбѣ между мыслью и словомъ. Даже такія явленія, причина которыхъ кажется съ перваго взгляда чисто физіологической, какъ напр. утрата извѣстной грамматической формы, порча въ звуковомъ составѣ языка и т. п., объясняются очень часто прежде всего этой борьбой, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ не мо-

жетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что ни флексія, ни вокализмъ не понесли бы никакой потери, еслибы предварительно не исчезла потребность въ данныхъ образованіяхъ, а вмѣстѣ съ нею и отчетливое сознаніе ихъ исконнаго смысла. Но при единствѣ задачи сравнительная этимологія и сравнительный синтаксисъ существенно отличаются другъ отъ друга своими законами вслѣдствіе различія матеріала. Предметъ первой—звукъ, какъ элементъ вещественный, представляетъ настолько-же менѣе гибкости, чѣмъ предметъ послѣдней, насколько вещество неподвижнѣе мысли. Издавна принято сравнивать языкъ съ деревомъ; и въ самомъ дѣлѣ, въ своемъ звуковомъ составѣ онъ растетъ, какъ дерево, изъ извѣстнаго корня и слѣдуетъ въ своемъ развитіи совершенно опредѣленнымъ законамъ, какимъ подлежитъ этотъ корень. Если мы поставимъ растеніе въ другія условія, оно можетъ нѣсколько измѣниться—выродиться или развиться роскошнѣе; чѣмъ дольше оно остается въ новыхъ условіяхъ, тѣмъ измѣненія сильнѣе; но сколько бы оно ни измѣнялось, оно никогда не переродится совершенно и не превратится въ другое растеніе. Точно такъ-же и языкъ можетъ въ теченіе своей жизни измѣниться до такой степени, что наконецъ не сразу доберешься до его происхожденія; тѣмъ не менѣе языкъ арійскаго корня никогда не сдѣлается семитскимъ или туранскимъ; мало того: романское нарѣчіе никогда не превратится въ славянское или германское, хотя родоначальники этихъ нарѣчій—ростки одного и того-же арійскаго корня. Вслѣдствіе того, что отдѣльный языкъ развивается изъ своего корня, сохраняя главныя свойства послѣдняго и продолжая тѣ процессы, которыхъ возможность или даже необходимость содержалась въ самомъ корнѣ, непонятныя съ перваго взгляда этимологическія явленія отдѣльнаго языка въ огромномъ большинствѣ случаевъ разъясняются совершенно удовлетворительно при сравненіи его съ его родичами. Но изъ того-же свойства необходимо слѣдуетъ, что плодотворно только постепенное сближеніе — сначала съ ближайшими

языками, потомъ съ болѣе отдаленными, пока мы шагъ за шагомъ не дойдемъ до первоначальнаго вида извѣстной формы. Такимъ образомъ при изслѣдованіяхъ этимологическихъ мы не должны выходить изъ предѣловъ семьи даннаго языка или языковъ. Совершенно другое мы замѣчаемъ въ области синтаксиса. Конечно, нельзя отрицать силы безсознательнаго преданія и въ отношеніи къ синтактическому складу языка; но стоитъ только сравнить словосочиненіе двухъ языковъ совершенно различнаго происхожденія, чтобы убѣдиться въ той истинѣ, что здѣсь законы, такъ-сказать, физіологическіе отступаютъ назадъ передъ общими всѣмъ народамъ законами психическими. Одинаковыя потребности духа вызываютъ и одинаковыя явленія: мышленіе, воля, чувство ищутъ для себя выраженія во всѣхъ языкахъ безъ различія и создаютъ соотвѣтственные роды предложеній. Употребленіе частей рѣчи и даже флексій у всѣхъ народовъ въ главныхъ чертахъ одно и то-же. До какой степени иногда сходны между собою логическіе процессы, лежащіе въ основаніи соотвѣтственныхъ синтактическихъ категорій самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга языковъ, яснѣе всего покажетъ примѣръ. Такъ въ древнѣйшемъ представителѣ арійской семьи языковъ, въ санскритѣ, предметъ, съ которымъ что нибудь сравнивается, ставится въ падежѣ, означающемъ удаленіе—въ отложительномъ (ablativus); напр. предложеніе „конь красивѣе осла“ должно быть передано по-санскритски такъ: açvaḥ kharâd rûpavattaro 'sti (слово въ слово: конь отъ осла красивѣйшій есть). По-латыни въ этомъ случаѣ употребляется тотъ-же ablativus: equus asino formosior est. Русскій и греческій языки утратили отложительный падежъ или по крайней мѣрѣ перестали сознавать его, какъ такой, и въ большинствѣ его функцій смѣшали его съ родительнымъ, что мы замѣчаемъ и въ данномъ случаѣ: конь красивѣе осла, ὁ ἵππος τοῦ ὄνου καλλίων ἐστίν. Ясно, что здѣсь дѣйствуетъ безсознательное преданіе, простая преемственность. Но вотъ нѣкоторыя славянскія племена, напр. польское, позабывъ, что въ этомъ

случаѣ родительный падежъ является въ значеніи отложительнаго, и сознавая его только какъ родительный, нашли, что онъ недостаточно ясно выражаетъ то отношеніе между предметами, которое требуется выразить. Какъ же перевести по-польски нашъ примѣръ? Koń jest piękniejszy od osła. Такимъ образомъ Поляки, отставъ отъ преданія, вполнѣ самостоятельно выбрали какъ разъ тотъ предлогъ, который по своему смыслу подходитъ ближе всѣхъ остальныхъ къ отложительному падежу. Поляки—Славяне западной вѣтви; но и въ восточной Сербы и Словинцы замѣнили род. пад. при сравнительной степени тѣмъ-же предлогомъ (od). Впослѣдствіи и въ греческомъ языкѣ род. пад. утратилъ древнюю широту своего значенія, и вотъ Греки стали замѣнять его при сравн. степ. между прочимъ предлогомъ ἀπό, напр. Passow popul. carm. Graeciae recent. (Leipz. 1860) 317,3: τὸ ψηλὸ βουνὸ, ψηλότερον ἀπ'ὅλα „высокая гора, выше (отъ) всѣхъ"; ср. 456,9; 538,2. Точно такъ-же прервалось въ этомъ случаѣ преданіе и для другой отрасли санскритскаго корня, языка персидскаго, который совершенно утратилъ падежи; тѣмъ не менѣе въ персидскомъ переводѣ того-же примѣра—asp az ḫar ḫûbtar ast—мы встрѣчаемъ опять-таки предлогъ, соотвѣтствующій отложительному падежу—az=изъ, отъ. Если какой нибудь скептикъ, не внявъ нашимъ указаніямъ на перерывъ преданія въ только что названныхъ языкахъ, продолжалъ бы настаивать на томъ, что единство выраженія данной синтактической категоріи въ упомянутыхъ языкахъ ничего не доказываетъ, потому что все таки эти языки соединены между собою узами родства, мы могли бы въ отвѣтъ сослаться на языки совершенно инаго происхожденія. Турецкій языкъ относится къ туранской семьѣ; тѣмъ не менѣе и по-турецки въ этомъ случаѣ употребляется все тотъ-же отложительный падежъ: ât eşekten güzel dir (слово въ слово: конь отъ осла красивъ есть). Арабскій принадлежитъ къ языкамъ семитскимъ, но и по-арабски, за неимѣніемъ отлож. пад., здѣсь надо прибѣгнуть къ предлогу min=отъ, изъ:

'al-farasu 'aχsanu mina al χimâri [1]). И такъ въ основѣ всѣхъ этихъ синтактическихъ построеній лежитъ одинъ и тотъ-же взглядъ, что предметъ сравниваемый отдѣляется, т. е. отличается отъ того предмета, съ которымъ его сравниваютъ по степени качества,—взглядъ, который мы должны признать общечловѣческимъ, т. е. коренящимся въ свойствахъ человѣческаго представленія вообще. Бываетъ и такъ, что ближайшіе другъ къ другу языки въ извѣстномъ случаѣ расходятся между собою, а совершенно чуждые другъ другу выбираютъ одно и то же сочетаніе грамматическихъ формъ. Возьмемъ примѣръ изъ употребленія все того-же отложительнаго падежа. Въ санскритѣ онъ означаетъ между прочимъ предметъ боязни; такъ предложеніе „овца боится волка“ должно быть передано по-санскритски: aviṛ vṛkâd bibhêti (овца отъ волка боится). Персіяне, которые съ утратой склоненія едва-ли могли унаслѣдовать отъ предковъ что-либо относительно употребленія падежей, все-таки сочиняютъ глаголъ tarsîdan бояться (ср. трясти, terrere вм. tersere, τρέειν вм. τρέσειν) съ соотвѣтствующимъ этому падежу предлогомъ az. Славяне употребляютъ въ этомъ смыслѣ совпадающій у нихъ съ отложительнымъ род. пад., т. е. остаются вѣрны преданію, тогда какъ ихъ южные и западные родичи—Греки, Римляне и Нѣмцы, утративъ первоначальное пластическое представленіе предмета боязни, какъ ея источника, сочиняютъ глаголы страха съ винительнымъ падежемъ. Но тотъ-же отлож. пад. при глаголахъ страха мы находимъ въ языкахъ туранскихъ, напр. въ турецкомъ, а по арабски глаг. ḫâfa (бояться) сочиняется съ соотвѣтственнымъ предлогомъ min. Слѣдовательно и эту конструкцію мы должны счесть за такую, до которой человѣкъ доходитъ естественно, безъ посторонней помощи; и въ

---

[1]) При передачѣ восточныхъ словъ мы обозначаемъ курсивомъ начальную гласную, которая опускается послѣ конечной гласной предшествующаго слова (waçla), и вообще гласныя нѣмыя; въ употребленіи греческихъ буквъ мы слѣдуемъ примѣру нѣкоторыхъ нѣмецкихъ оріэнталистовъ.

самомъ дѣлѣ первобытный человѣкъ, мыслящій образно, едвали могъ найти въ данномъ случаѣ болѣе подходящій по своей наглядности способъ выраженія.

Быть можетъ, намъ возразятъ, что такія аналогіи во взглядахъ чуждыхъ другъ другу народовъ на одну и ту-же логическую или грамматическую категорію объясняются не столько общностью психическихъ законовъ, сколько тѣмъ-же преданіемъ, но уже не племеннымъ, а общечеловѣческимъ. Противъ такого возраженія мы спорить не будемъ, потому что этотъ вопросъ связанъ съ другимъ до сихъ поръ еще не разъясненнымъ,—съ вопросомъ о единствѣ происхожденія рода человѣческаго. Для рѣшенія его—по крайней мѣрѣ, съ лингвистической точки зрѣнія—предстоитъ еще трудная и многосложная работа, которая отчасти уже выполнена для арійскихъ языковъ—распредѣлить всѣ языки земнаго шара по семьямъ, вывести для каждой изъ нихъ, посредствомъ взаимнаго сравненія ея вѣтвей, ея основный первоначальный языкъ и затѣмъ сравнить добытые такимъ образомъ основные языки другъ съ другомъ. Правда, не всѣ ученые убѣждены въ пользѣ и даже возможности выведенія этихъ основныхъ языковъ. Такъ въ послѣднее время явились попытки доказать несостоятельность родословнаго дерева арійскихъ языковъ, составленнаго Шлейхеромъ. Замѣчательнѣйшая изъ нихъ принадлежитъ Шмидту (Ueber die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen. Weimar 1872), который рѣшительно настаиваетъ на томъ, что основнаго арійскаго языка никогда не бывало и быть не могло. Это мнѣніе, впрочемъ, не ново, такъ какъ оно было уже высказано Максомъ Мюллеромъ въ 1-й части его Lectures on the science of language съ указаніемъ на необыкновенную измѣнчивость нарѣчій африканскихъ дикарей при малѣйшей перемѣнѣ условій,—примѣръ тѣмъ болѣе сомнительнаго свойства, что наука еще не опредѣлила, на какой степени развитія стоятъ эти нарѣчія и какъ относятся одно къ другому. Возраженія Шмидта противъ Шлейхеровской родословной арій-

скихъ языковъ особенно существенны въ тѣхъ частяхъ, которыя касаются сѣверной группы (славяно-литовско-нѣмецкой). Онъ старается разбить ее на двѣ—нѣмецкую и славяно-литовскую, такъ какъ послѣдняя кое въ чемъ отличается отъ первой и сходится съ индо-иранской, главнымъ образомъ въ нѣкоторыхъ фонетическихъ явленіяхъ, напр. въ весьма нерѣдкой замѣнѣ обще-арійскаго *к* свистящимъ или шипящимъ звукомъ (греч. δέκα, лат. decem, гот. taihun—слав. *десять*, лит. dészimtis, скр. daçan). Отвѣтомъ на такое сближеніе можетъ служить вполнѣ правдоподобная гипотеза Асколи о существованіи въ основномъ обще-арійскомъ языкѣ двухъ различныхъ *к*—твердаго, которому въ производныхъ языкахъ соотвѣтствуетъ *к* или *кв* (лат. qui, quando, quattuor и т. п.), въ смягченіи—*ч* и *т*, и мягкаго, перешедшаго въ нѣкоторыхъ языкахъ въ свистящій или шипящій звукъ, что, очевидно, еще не доказываетъ ближайшаго сродства между послѣдними: при склонности даннаго звука къ смягченію извѣстнаго рода всѣ эти языки могли придти къ ассибиляціи совершенно независимо одинъ отъ другаго въ силу однихъ и тѣхъ-же физіологическихъ законовъ (ср. Jolly въ Zeitschr. fur Völkerpsych. VIII, стр. 15 слѣд.). До какой степени опасно судить о взаимной близости языковъ по одинаковымъ превращеніямъ отдѣльныхъ звуковъ, видно изъ такихъ примѣровъ, какъ переходъ *кв* въ *п* въ четырехъ языкахъ, правда, родственныхъ, но довольно далекихъ другъ отъ труга,—греческомъ, бритскомъ, умбрскомъ и румынскомъ (πίσυρες, petuar, petur, patru отъ коренной формы, подобной лат. quattuor), измѣненіе зубныхъ передъ зубными въ *с* въ греческомъ, персидскомъ и въ славянскихъ нарѣчіяхъ (καθ-ισ-τήριον, ni-šas-tan, *сѣ-сть*, всѣ три отъ корня sad или sid), ослабленіе *н* въ концѣ слога въ глухой носовой звукъ во французскомъ, црк.-славянскомъ и, вѣроятно, др.-персидскомъ и т. п. Замѣна санскритскихъ звуковъ въ новѣйшихъ индѣйскихъ нарѣчіяхъ почти такая-же, какъ замѣна звуковъ латинскихъ въ нарѣчіяхъ романскихъ. Всѣ эти измѣненія проведены послѣдовательно въ указанныхъ

языкахъ и составляютъ ихъ постоянный, отличительный признакъ. Если же мы обратимъ вниманіе на спорадическіе случаи, то примѣры фонетическаго сходства возрастутъ до безконечности: вспомнимъ вставку *д* между *н* и *р* (рус. простонар. *ндравъ* и пол. Hendryk, гр. ἀνδρός, фр. gendre, нѣм. Fähndrich), *б* между *м* и *р* (гр. ἄμβροτος, фр. chambre), придыханіе нѣмыхъ передъ *т* (рус. *ногти* читай *нохти*, простонар. *хто*, новогр. νύχτα, κόφτω; исл. lopt читай loft; перс. неопред. накл. âšuftan при повелит. âšub; умбр. rehtu), вліяніе йота на предъидущія согласную и гласную вмѣстѣ (гр. κρείσσων изъ κρετjων, фр. raison изъ rationem) и т. п. Но что же все это доказываетъ? Только существованіе общихъ физіологическихъ основъ произношенія. Мы можемъ, пожалуй, и здѣсь, какъ при аналогіяхъ синтактическихъ, шагнуть за предѣлы арійской семьи и указать на такія явленія, которыя мы опять-таки должны будемъ признать за обще-человѣческія. Таковы переходы *г* въ *дж* или *ж* (въ скр., въ нарѣчіяхъ инд., слав., ром. и въ арабскомъ языкѣ кромѣ Египта и значительной части Аравіи), *к* въ *ч* (въ тѣхъ же языкахъ съ нѣкоторыми нарѣчіями новогр.), *й* (j) въ *дж* или *ж* (въ скр., въ нарѣчіяхъ инд., ром. и нѣкоторыхъ татарскихъ), носовыхъ передъ губными въ *м* (въ скр., лат., греч., перс., араб. и многихъ другихъ), шипящихъ въ свистящія или такъ называемое цоканье (въ отдѣльныхъ говорахъ славянскихъ, итальянскихъ, индѣйскихъ, татарскихъ и др.), слитіе *а* съ *і* въ *е* и съ *у* въ *о* (почти во всѣхъ арійскихъ языкахъ и также въ семитскихъ, напр. евр. и разговорн. араб. bêt вм. bait, jôm вм. jaum) и т. д. Такимъ образомъ ясно, что и для фонетики есть общіе всѣмъ языкамъ законы, которые вызываютъ одинаковыя явленія помимо всякаго родства и преданія. Само собою разумѣется, что существованіе такой общей физіологической основы нисколько не подрываетъ важности фонетическихъ сравненій; но они доказательны лишь тогда, когда преемственность сопоставляемыхъ фактовъ лежитъ внѣ всякаго сомнѣнія, при чемъ мѣриломъ должны служить ихъ

оригинальность и многочисленность. На основаніи всего сказаннаго, кажется, позволительно сомнѣваться въ достоинствѣ тѣхъ доказательствъ Шмидта, которыя заимствованы изъ области фонетики. О приводимыхъ имъ лексическихъ данныхъ см. выше упомянутую статью Jolly. Весьма вѣроятно, что родословная арійскихъ языковъ въ томъ видѣ, какъ она является у Шлейхера, требуетъ нѣкоторыхъ поправокъ или смягченій; но, какъ бы то ни было, ученіе объ основномъ арійскомъ языкѣ и его постепенныхъ развѣтвленіяхъ имѣетъ за себя весьма многое—между прочимъ аналогію образованія романскихъ нарѣчій съ ихъ говорами изъ латинскаго языка, которой, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ никто еще не воспользовался, какъ слѣдуетъ, для этой цѣли. Противъ такого сравненія могутъ возразить, что романскія нарѣчія развились не изъ обще-употребительнаго въ Римской имперіи письменнаго языка, а изъ мѣстныхъ говоровъ, болѣе или менѣе объединенныхъ его вліяніемъ. Это совершенно справедливо; но едва-ли можно отрицать существованіе говоровъ и въ родоначальникѣ арійскихъ языковъ, который никогда не подвергался письменной обработкѣ, хотя, конечно, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы его говоры отличались такимъ-же разнообразіемъ и неустойчивостью, какъ вполнѣ темныя для насъ африканскія нарѣчія, во всякомъ случаѣ далеко не первообразныя и даже, можетъ быть, болѣе одичавшія, чѣмъ дикія. Мало того: эти говоры были, по всей вѣроятности, однообразнѣе италійскихъ, такъ какъ самое населеніе арійской родины было однообразнѣе населенія Аппенинскаго полуострова. Далѣе—если устная литература можетъ вліять на языкъ, то въ первобытныхъ арійскихъ говорахъ мы имѣемъ право подозрѣвать даже существованіе объединяющаго элемента: я разумѣю миѳологическія сказанія, изъ которыхъ иныя, напр. объ убійцѣ Вритры или другаго, соотвѣтствующаго Вритрѣ чудовища, относятся къ глубочайшей древности. Какъ бы ни были слабы эти доказательства въ пользу основной мысли Шлейхера, доводы его противниковъ оказы-

ваются чуть-ли не еще слабѣе; а потому впредь до болѣе убѣдительныхъ опроверженій, кажется, безопаснѣе оставаться при ней. Если-же мы допустимъ происхожденіе всѣхъ арійскихъ языковъ отъ одного, изчезнувшаго родоначальника, то мы должны допустить то-же и для другихъ группъ—прежде всего для семитской и туранской, какъ стоящихъ на очереди; а если такъ, то мы должны сочувствовать и попыткамъ ко взаимному сравненію этихъ родоначальниковъ, къ какому бы выводу оно ни привело. По этому всякій, кто раздѣляетъ изложенный выше взглядъ, можетъ только порадоваться выходу въ свѣтъ такого труда, какъ ученая и остроумная книга Delitzsch'a (Studien uber indo-germanisch-semitische Wurzelverwandtschaft. Leipzig 1873). Какъ чуть-ли не первая систематическая попытка въ своемъ родѣ, это изслѣдованіе, конечно, еще далеко не разрѣшило предположенной задачи, но во всякомъ случаѣ оно представляетъ важный шагъ въ этомъ направленіи, особенно благодаря вполнѣ разумной и методической разработкѣ семитскихъ корней. О другихъ подобныхъ попыткахъ (Schlegel, Sinico-Aryaca etc. s'Gravenhage 1872; Schultze, Indogermanisch, Semitisch und Chamitisch. Berlin 1873; Reinisch, Der einheitliche Ursprung d. Sprachen d. alten Welt. Wien 1873) я могу только упомянуть, потому что не знакомъ съ ними непосредственно, но не скрою своего убѣжденія въ ихъ преждевременности, такъ какъ онѣ основаны на сравненіи отдѣльныхъ языковъ, а не родоначальниковъ цѣлыхъ семей. Только путемъ методическаго сближенія этихъ идеальныхъ родоначальниковъ мы можемъ получить надежныя данныя для рѣшенія вопроса объ отношеніи племенъ къ человѣчеству вообще, а до тѣхъ поръ благоразумнѣе воздержаться отъ всякихъ заключеній, опирающихся на предполагаемыя единство или разность человѣчества. Впрочемъ, въ общихъ ли законахъ мышленія или въ общечеловѣческомъ преданіи слѣдуетъ искать причины многочисленныхъ синтактическихъ аналогій въ чуждыхъ другъ другу языкахъ,—для сравнительнаго синтаксиса все равно: здѣсь важенъ самый фактъ существованія такихъ

аналогій, заставляющій предполагать общую основу, какова бы она ни была. Важенъ онъ въ томъ отношеніи, что уясняетъ намъ разницу въ методѣ между сравнительной этимологіей и сравнительнымъ синтаксисомъ. Этимологическія сравненія должны, какъ мы видѣли, идти постепенно: мы не имѣемъ права сблизить напр. русскую грамматическую форму съ французской, а должны подняться съ одной стороны до латинскаго языка, а съ другой до церковно-славянскаго, даже, насколько намъ позволяютъ наши научныя средства, до италогреческаго и германо-славяно-литовскаго, а если нужно, то и до санскрита и даже, опять-таки по мѣрѣ нашихъ средствъ, до первоначальнаго обще-арійскаго языка; иначе наши сближенія не будутъ имѣть никакой цѣны, какъ бы ни было велико сходство въ звукахъ. Такое послѣдовательное, постепенное сравненіе далеко не всегда приложимо къ синтаксису. Нельзя, конечно, отрицать того, что для уясненія извѣстнаго синтактическаго явленія весьма важно прослѣдить его по цѣлой группѣ родственныхъ языковъ; но, во-первыхъ, это не всегда возможно вслѣдствіе частаго перерыва въ преданіи и вслѣдствіе самостоятельности, обнаруживаемой въ этой области отдѣльными языками; во-вторыхъ, относительно весьма многихъ случаевъ надобно признать, что, ограничиваясь лишь одною семьей или группой языковъ, изслѣдователь совершенно напрасно лишаетъ себя того драгоцѣннаго матеріала, который могутъ доставить ему языки хотя и отдаленные, но, быть можетъ, съ большею ясностью и обстоятельностью развившіе данное употребленіе. Само собою разумѣется, что чисто-историческія изслѣдованія должны и по синтактическимъ вопросамъ идти тѣмъ путемъ, какого держится сравнительная этимологія, никогда не выпускающая изъ виду преданія. Мы хотимъ только сказать, что этотъ путь для сравнительнаго синтаксиса съ одной стороны неудовлетворителенъ, потому что при относительной самостоятельности языковъ въ созданіи и выборѣ синтактическихъ построеній мы очень часто не имѣемъ возможности объяснить послѣ-

дующее предъидущимъ, какъ это дѣлается въ сравнительной этимологіи; съ другой стороны этотъ путь не исчерпываетъ всѣхъ тѣхъ средствъ, на которыя сравнительный синтаксисъ имѣетъ право вслѣдствіе того, что за этой синтактической самостоятельностью отдѣльныхъ языковъ мы видимъ несомнѣнно общую почву, общіе законы.

Заключимъ эти соображенія примѣромъ такихъ общихъ законовъ, который по своему объему не могъ занять мѣсто выше. Извѣстно, что такъ называемыя относительныя предложенія во всѣхъ языкахъ болѣе или менѣе первобытныхъ, т. е. не происходящихъ прямо и непосредственно отъ другаго, вполнѣ сложившагося языка, составляютъ явленіе довольно позднее,—такъ сказать, непредусмотрѣнное языкомъ во время его образованія. Поэтому, когда явилась потребность въ такихъ предложеніяхъ, ни въ одномъ первобытномъ языкѣ не было на лице средствъ для ихъ выраженія. Тѣмъ не менѣе мы знаемъ, что средства были найдены, такъ какъ во всѣхъ языкахъ не совершенно дикихъ мы находимъ относительныя предложенія въ большемъ или меньшемъ развитіи. Откуда же взялись эти средства? Отдѣльные языки искали ихъ въ своемъ наличномъ запасѣ конструкцій и корней, распоряжаясь при этомъ вполнѣ независимо одинъ отъ другаго. По крайней мѣрѣ относительно арійской семьи не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что члены ея при своемъ выселеніи изъ общей родины не вынесли съ собою никакихъ, по крайней мѣрѣ, вполнѣ готовыхъ формъ такихъ предложеній. То-же самое можно сказать о языкахъ семитскихъ и, если мы не ошибаемся, туранскихъ. Тѣмъ не менѣе средства, употребленныя въ этомъ случаѣ отдѣльными языками, иногда поразительно сходны, даже въ мелочахъ. Само собою разумѣется, что такой важный шагъ въ словосочиненіи, какъ образованіе относительной конструкціи, совершился не разомъ: мало того, что должно было пройти много времени прежде, чѣмъ данный народъ привыкъ смотрѣть на извѣстное присоединеніе одного независимаго предложенія къ другому,

какъ на подчиненіе извѣстнаго рода; но нерѣдко одинъ и тотъ же языкъ колебался въ выборѣ средствъ для выраженія этой, до тѣхъ поръ невѣдомой, но настоятельно напрашивающейся связи двухъ сужденій. Нашъ собственный языкъ, особенно простонародный и старинный, представляетъ въ этомъ отношеніи необыкновенную пестроту. Возьмемъ для примѣра нѣсколько строкъ изъ такого памятника, въ которомъ по самому его свойству относительныя предложенія должны встрѣчаться очень часто, именно изъ межевой грамоты (запись XVII в. на землю Тетюшскому монастырю), и отмѣтимъ въ нихъ тѣ мѣста, гдѣ мы, люди, говорящіе литературнымъ языкомъ XIX в., употребили бы то мѣстоименіе, которое мы называемъ теперь относительнымъ, т. е. такъ часто повторяемое нами *который*, если бы не предпочли какихъ-нибудь другихъ оборотовъ по причинамъ риторическимъ: „на Покровскаго монастыря землѣ, *что* дана в Тетюшскоі монастырь под убогим домом и под слободу Тетюшскаго города, з животным выпуском, от водороіного врага, *которої* впал в большоі враг, *которої большоі враг* около города, *что в нем* ключь пал в Волгу реку, и у того водороіного врага поставлен столб, *а на нем* грань, а подъ столбом пять камнеі, а напротив того столба яма, *а в неї* каменье, а от того столба и от ямы на столб же, *на нем* двѣ грани; а столб стоит у дорошки, *что* ѣздят іс тоі монастырскоі слободки взвоз в город Тетюши“. Здѣсь мы встрѣчаемъ: 1) *что*, замѣняющее наше *который* въ имен. пад., безъ различія числа и рода,—образъ выраженія, свойственный нетолько простонародному, но и вообще разговорному языку (также въ вин. пад.); 2) современное *который*, во второмъ случаѣ съ повтореніемъ представляемаго имъ существительнаго, какъ часто по-латыни; 3) *что* съ личнымъ мѣстоименіемъ, въ которомъ выражены родъ, число и падежъ, не обозначенные неопредѣленнымъ *что*; 4) союзъ съ личнымъ мѣстоим., представляющимъ то существительное, къ которому относится это предложеніе; 5) такое-же мѣстоименіе

безо всякой грамматической связи съ соотвѣтственнымъ существительнымъ; 6) *что*, какъ въ 1-мъ случаѣ, но въ смыслѣ косвеннаго падежа. Итакъ, сколько способовъ перебралъ языкъ, пока остановился на томъ образѣ выраженія, который въ наши дни вытѣснилъ всѣ остальные! Но ни одинъ изъ этихъ способовъ не составляетъ исключительно нашего достоянія: всѣ они, по одиночкѣ или по нѣскольку вмѣстѣ встрѣчаются и во многихъ другихъ языкахъ. Разсмотримъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности.

Такъ какъ въ исторіи синтактическаго развитія рѣчи сочиненіе предшествуетъ подчиненію, древнѣйшими способами слѣдуетъ признать присоединеніе къ логически-главному предложенію другаго, логически-подчиненнаго, но грамматически вполнѣ самостоятельнаго съ соединительнымъ союзомъ или безо всякой внѣшней связи. Первый изъ этихъ двухъ способовъ чуть-ли не еще древнѣе, чѣмъ второй, такъ какъ безсоюзіе предполагаетъ уже такое сильное развитіе логическаго подчиненія, которое неизбѣжно должно выработать для себя особенную внѣшнюю форму. Впрочемъ, какъ ни самостоятельно предложеніе съ соединительнымъ союзомъ, все-таки не трудно отличить при такой связи предложеніе логически-самостоятельное отъ логически-подчиненнаго по самой его постановкѣ. Совершенно ясные примѣры такихъ предложеній съ союзомъ представляетъ намъ арабскій языкъ, въ которомъ очень употребительны выраженія въ родѣ слѣдующихъ: Qâla 'Abû Mu'awwijati wa kâna min 'ulamâ'i *a*n-nâsi „Сказалъ Абу Моаввія и былъ (=который былъ) изъ ученыхъ людей.“ Wa 'ammâ 'aḫî *a*l-ḫâmisa wa-kâna maqtûa *a*l-'âḏâni fa-kâna raǧulân faqîrân „Что же касается моего пятаго брата и былъ съ обрѣзанными ушами (=у котораго были отрѣзаны уши; ближе: ἀποτετμημένος τὼ ὦτε), то онъ былъ человѣкъ бѣдный.“ Но не менѣе ясно выступаетъ относительная связь въ средневерхне-нѣмецкомъ нарѣчіи. Nibel. 1148, 3 L.: Ergezet si der leide, und ir ir habet getân „Вознаградите ее за тѣ огорченія, и (=которыя) вы ей причинили“, и еще рѣзче 2034,

2: Ir hapt sô vil gesunder, und turrens (=turren si) uns bestân, Daz si uns sturmmüede lâzent niht genesen „У васъ есть столько здоровыхъ, и дерзаютъ они (=которые д.) съ нами сразиться, что они насъ утомленныхъ боемъ не допустятъ уцѣлѣть“. О томъ-же явленіи и въ др.-в.-нѣм. см. Tobler Germania Jahrg. XIII стр. 91 слѣд. Какъ въ арабскомъ, такъ и въ нѣмецкомъ этотъ оборотъ, очевидно, вполнѣ совпадаетъ съ настоящей относительной конструкціей. Примѣры такого употребленія попадаются и въ другихъ языкахъ, особенно тѣхъ, которые еще не подверглись окончательной литературной обработкѣ, хотя, быть можетъ, и не въ такомъ рѣзкомъ видѣ; напр. Ип. лѣт. стр. 34 (1-го изд.): „Бьюче же Михаиля, отторгоша крестъ на немъ и съ цепьми, а въ немъ гривна золота“, гдѣ мы сказали бы: сорвали крестъ, въ которомъ была гривна золота, вмѣстѣ съ цѣпями. Въ древнесканд.: Hverr er sâ hinn hvelli, Er gengr hardhar götur, Ok hefir hann thaer fyrr um farit—? „Кто этотъ свѣтлый, что ходитъ твердыми дорогами, и онъ ихъ прежде объѣздилъ?“. Нѣчто въ родѣ относительной связи представляетъ и слѣдующій англійскій примѣръ изъ баллады Робинъ-Гудова цикла (Sir Guy of Gisborne): For yonder I hear Sir Guy's horn blow, And he hath slain Robin Hood. Это явленіе встрѣчается даже въ романскихъ нарѣчіяхъ, хотя они происходятъ прямо изъ готоваго языка (латинскаго) и вынесли изъ него совершенно опредѣленныя относительныя мѣстоименія и нарѣчія; такъ въ провансальскомъ пересказѣ жизни Варлаама и Іоасафа: (el rey) establi los servens e ministres e aquilh eran joves mot e de gran beutat e comandet ad aquels que negun home de la ins non intres „(царь) назначилъ служителей и прислужниковъ, и тѣ (=которые) были молоды и отмѣнно красивы, и приказалъ имъ, чтобы никто не входилъ внутрь (Іоасафова дворца)“. Здѣсь самая постановка второстепеннаго предложенія между частями главнаго указываетъ на его подчиненность. Такіе примѣры попадаются и у Грековъ; такъ Одисс. I 316—8: Δῶρον δ'ὅττι κέ μοι δοῦναι φίλον ἦτορ ἀνώγῃ,

Αὖτις ἀνερχομένῳ δόμεναι οἴκονδε φέρεσθαι, Καὶ μάλα καλὸν ἑλών, σοὶ δ' ἄξιον ἔσται ἀμοιβῆς, гдѣ послѣдній стихъ всего естественнѣе понимать такъ, какъ толкуетъ его Амейзъ: „взявъ даже очень хорошій даръ, который бы на твой взглядъ стоилъ вознагражденія“ (ср. Kühner, Ausfuhrliche Gramm. II § 518, 7). Въ языкѣ современныхъ Грековъ предложенія съ καὶ вмѣсто относит. не рѣдкость, напр. въ сборникѣ Пассова 168, 12: Ποιὸς εἶναι κ' ἦρτε καὶ πατεῖ τὴν πλάκα τοῦ μνημάτου; сл. въ сл.: „кто есть и пришелъ и попираетъ плиту памятника?“ (quis est, qui venit?). Здѣсь, какъ и въ древне-греческомъ и въ обоихъ арабскихъ примѣрахъ, мы не находимъ личнаго мѣстоименія, представляющаго то существительное, которое опредѣляется второстепеннымъ предложеніемъ, тогда какъ въ остальныхъ оно на лице. Но эта разница не существенна, потому что въ первыхъ примѣрахъ падежъ пропущеннаго мѣстоименія былъ бы именительный, въ которомъ личное мѣстоим. по-арабски и по-гречески можетъ безъ ущерба смыслу остаться невыраженнымъ. Возможенъ и обратный случай: вмѣсто личнаго мѣстоименія повторяется опредѣляемое существ. съ указ. мѣстоим., какъ въ хожденіи Даніила Христ. Бусл. 1870 г. стр. 64, 18): „есть печера велика, и въ той печерѣ жила святая Богородица два лѣта„. Само собою разумѣется, что какъ въ этомъ примѣрѣ, такъ и во многихъ ему подобныхъ относит. связь не необходима; но отъ этого такіе случаи не теряютъ своей поучительности: они указываютъ на ту ступень умственнаго развитія, на которой человѣкъ довольствуется еще довольно слабой связью сужденій или предложеній, далеко недостаточной при нашемъ отчетливомъ мышленіи.

Къ глубокой древности относится и второй способъ—логическое подчиненіе безо всякой грамматической связи, хотя едва-ли всякое подобное соединеніе можно признать древнимъ по такому внѣшнему признаку. На сколько основательно это сомнѣніе, увидимъ впослѣдствіи. Арабскій языкъ особенно богатъ примѣрами такого соединенія, но довольно ихъ

и въ англійскомъ, шведскомъ и датскомъ. Начнемъ съ такихъ, гдѣ относительное мѣстоименіе, если бы оно было выражено, являлось бы въ имен. падежѣ. По-арабски: Xâlu-hu ka-χâli *al*-γarîbi mariḍa bi-*al*-γurbati „Положеніе его подобно положенію чужеземца, заболѣлъ (=который заболѣлъ) на чужбинѣ". По-англійски (Percy изд. Таухн. ч. I, стр. 11, ст. 81): He bar a bende-bow in his hande, Was (=which was) made off trusti tre. По-датски (изъ старинной пѣсни): Dog tacker eg Gud, mig (=som mig) haver opvakt „Но я благодарю Бога, (который) меня разбудилъ". Во всѣхъ этихъ примѣрахъ мы не находимъ личнаго мѣст., что̀ для арабскаго языка, какъ мы видѣли, не существенно, но нѣсколько странно въ нарѣчіяхъ ново-германскихъ, которыя не могутъ обойтись безъ личнаго мѣст. въ значеніи подлежащаго. Кромѣ имен. пад. такое построеніе возможно въ вин. и съ предлогами, напр. по-арабски:—mulqin firâšu-hu ʿAla*i* madraǧin jaʿtâdu-hu *al*-'asadu *al*-wardu „постель его брошена на тропѣ, посѣщаетъ ее (=которую) рыжій левъ"; 'al-miqrâtu *al*-mauḍiʿu jaǧtamaʿu fî-hi *al*-mâ'u „стокъ—мѣсто, собирается въ немъ (=въ которомъ) вода". Но англійскій и ново-скандинавскіе языки оказываются въ этомъ случаѣ не только на одной доскѣ съ арабскимъ, но далеко оставляютъ его за собою въ смѣлости выраженія, такъ какъ они опускаютъ мѣст. и въ вин. пад., напр. англ. the man I saw, швед. den mannen jag saag [2]), и даже съ предлогами, причемъ послѣдніе ставятся послѣ глагола подчиненнаго предложенія, напр. англ. the person you are angry with, швед. Hvad är det för ett land jag kommen är uppaa? „Что эта за земля, я прибылъ на"? (=на которую я п.). И такъ condicio sine qua non такой конструкціи въ арабскомъ языкѣ—присутствіе личнаго мѣст. (которое въ им. пад. подразумѣвается), въ англ. и ново-скандинавскихъ—его

---

[2]) Соединеніе *aa*, принятое у Датчанъ, тогда какъ Шведы выражаютъ этотъ звукъ (о) соединеніемъ *a* (внизу) съ *o* (наверху), выбранъ нами для удобства печатанія.

отсутствіе. Откуда эта разница и оба ли способа одинаково древни? Отвѣтъ на эти вопросы можетъ быть данъ лишь по разсмотрѣніи другихъ способовъ относ. связи.

За то несомнѣнно древенъ способъ выраженія относ. зависимости посредствомъ личнаго или указательнаго мѣстоим., поставленнаго съ особенной силой во главѣ подчиненнаго предложенія. Мѣстоименія первыхъ двухъ лицъ неудобны для этой цѣли, потому что ими плохо выражается подчиненіе; впрочемъ, можетъ быть, сюда слѣдуетъ отнести такіе случаи, какъ древне-аллеманское Fatter unser, thu pist in himile; см. Grimm's Deutsche Gramm. III стр. 17 слѣд. и Tobler Germania XVII (1872) стр. 277. Но бо́льшія удобства представляло для этого мѣстоим. 3-го лица или, что̀ то-же самое, мѣстоим. указ. Большинство арійскихъ языковъ прибѣгло въ этомъ случаѣ къ сложенію указ. корней i (лат. i—s)+a=ja (о чемъ см. статью Виндиша въ Курціевыхъ Studien II стр. 246 слѣдд.) и къ корнямъ sa (сь) и ta (тъ), употребляющимся нерѣдко въ падежахъ одного и того-же мѣстоим.; такъ погреч. имен. пад. ὁ (вм: sa), род. τοῦ и т. д. Въ санскритѣ кор. ja является уже окончательно и исключительно относительнымъ, но въ зендѣ мы встрѣчаемъ его еще въ обоихъ значеніяхъ, какъ видно напр. изъ слѣдующихъ словъ Зендавесты о Керешаспѣ: jô ǧanat ažim Çrvarem jim açpogarem, naregarem, jim vîsavantem, zairitem „который поразилъ змѣя Срвару того конеѣда, людоѣда, того ядовитаго, зеленаго". Греч. ὅς ἥ ὅ (изъ jas, jâ, jat) употребляется въ смыслѣ относ. мѣстоим., но древнее его значеніе сохранилось еще у Гомера (см. Ebeling, Lexicon Homer. II стр. 82 столб. 1) и даже позже, напр. у Θеогнида 800: Ἀλλ' ὃς λώιος, ὃς μὴ πλεόνεσσι μέλοι (по одной изъ лучшихъ рукописей, Венеціанской), впослѣдствіи лишь въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, каковы καὶ ὅς, ὃς καὶ ὅς, ἥ δ' ὅς, ὁ μὲν—ὃς δέ (Демодокъ въ Антол. Бергка Eleg. IX 1 и Фокилидъ тамъ-же X 1) или ὃς μὲν—ὁ δέ (Эврипидъ Ифиг. въ Тавр. 419 слѣд.) и даже ὃς μὲν—ὃς δέ, особенно въ эпоху преобладанія общегреческаго нарѣчія (ἡ κοινὴ

διάλεκτος), напр. Палат. Антол. XI 280, C. I. G. 6012 c, 4; нѣсколько иначе въ надписи 117 г. до Р. Х., найденной въ Македоніи (Revue Archeol. 1875 стр. 6 и слѣд.): καὶ πολλοὺς μὲν αὐτῶν ἐν χε(ι)ρῶν νομαῖς ἀπέκτεινεν, οὓς δὲ ζωγρίαις συνέλαβεν (ср. Kühner, Ausführliche Gramm. II § 518, 3 и 4; Krüger I § 50, 1, 5). На ряду съ ὅς встрѣчается по нарѣчіямъ и ὁ, ἡ, τό въ видѣ относ. мѣстоим. [3]); попадаются въ двойномъ значеніи—указ. и относ.—и другія, первоначально указ. образованія, напр.. ἔνθα отъ корня a или an (онъ). Тоже двойное значеніе замѣчается и въ древне-перс. hja (вм. sja), чередующемся съ основой tja; напр. съ одной стороны: Baga vazraka Auramazdâ, hja imâm bumim adâ „Богъ великій Аурамазда, который создалъ эту землю“, съ другой: Adam Bardija amij hja Kuraus putra Ἐγὼ Σμέρδις εἰμὶ ὁ Κύρου υἱός. Нѣкоторыя слав. нарѣчія прибѣгли къ личному мѣст. *и* (изъ ja-s), прибавивъ къ нему частицу *же* [4]). Кор. ta употребляется какъ относит. во всѣхъ германскихъ нарѣчіяхъ, не переставая въ то-же время быть указат., какъ это видно напр. изъ нѣм. der, die, das. Есть примѣръ относ.

---

[3]) Такое употребленіе сохранилось отчасти въ ново-греч., о чемъ будетъ сказано подробно въ особомъ изслѣдованіи.

[4]) *И-же* по значенію составныхъ частей напоминаетъ гомер. ὅ ῥα, напр. Ил. II 308· δράκων ἐπὶ νῶτα δαφοινός, Σμερδαλέος, τον ῥ᾽αυτὸς Ὀλύμπιος ἧκε φόωσδε. Какъ наша, такъ и греческая частица указываютъ на связь съ предъидущимъ. Въ такомъ смыслѣ мы употребляемъ *же* въ вопросѣ, вызванномъ предшествовавшими словами собесѣдника (кто-же? и т. п.), при повторительномъ понужденіи (напр. иди-же), для показанія тождества предмета, о которомъ говоримъ, съ тѣмъ, о которомъ говорилось прежде,—въ мѣстоим. *тотъ-же*, *такой-же* съ принадлежащими къ нимъ нарѣчіями, а въ старину и въ другихъ случаяхъ, напр. въ оборотѣ *и—же*=и также (въ хожд Даніила стр. 64, 19 христ. Бусл.: „И есть же путь отъ Іерусалима въ Галилею“, ср. выше стр. 59, 8: „И есть путь отъ Іерусалима къ Іордану“), и даже безъ помощи другаго союза, напр. Лавр. лѣт. 50, 27 „Аще ли ускочить створивый убой и убѣжить, аще будеть имовѣть, да возмуть имѣнье его ближніи убьеныго; аще ли есть не имовить и ускочить же, да ищуть его“. Сравни также въ извѣстной пѣснѣ чешскаго короля Вячеслава: Spasenie ocima wsie-zie blasienstuye moye.—Sirdce misl-zie iei odtach. Ona tie prud wsiech slasti pocietie-

значенія корня ta и у Славянъ, именно въ полабскомъ переводѣ молитвы Господней—ta toy chiss wa nebisgài (по другому списку: tu toy liss wa nebisshay), но Шлейхеръ, конечно, правъ, считая это выраженіе дословной передачей нѣм. der, du bist—; см. его Laut-und Formenlehre der polab. Spr. § 215. Но какимъ-же образомъ указательныя мѣстоименія могли получить смыслъ относ.? Переходомъ отъ кореннаго ихъ значенія къ производному послужило ихъ употребленіе въ смыслѣ м—ній *анафорическихъ*, какъ выражается Виндишъ, слѣдуя Аполлонію Дисколу, т. е. такихъ, которыхъ указаніе относится уже не къ видимымъ, а только къ упомянутымъ предметамъ. Такое указаніе требуетъ непремѣнно двухъ предложеній: въ первомъ называется самый предметъ, во второмъ высказывается относящаяся къ нему второстепенная мысль, при чемъ стоящее во главѣ его анафорическое мѣстоим. показываетъ тождество предметовъ рѣчи въ обоихъ предлож. (см. статью Виндиша, особенно со стр. 400). Еще сильнѣе выражается это тождество посредствомъ двойнаго указанія однимъ и тѣмъ-же словомъ: въ первомъ предлож.—на послѣдующее, во второмъ—на предъидущее, напр. Од. XIV 227: Αὐτὰρ ἐμοὶ τὰ φίλ' ἔσκε, τά που θεὸς ἐν φρεσὶ θῆκεν. Percy I стр. 53, ст. 15: I know not that ladye in any lande, That is able to marry with me. Nibel. 1720, 2 Lachm.: Zwiu sold ich den êren, der mir ist gehaz? Такъ-же говорилось so—so, напр.: so fram, so mir God gewizzi indi maht furgibit „на столько времени, на сколько мнѣ Богъ предоставитъ сознаніе и силу“, изъ чего

---

zie uebele. Я счелъ нужнымъ указать на значеніе этой частицы въ виду мнѣнія, высказаннаго Виндишемъ въ упомянутой статьѣ стр. 209 и 417,—что *же*, какъ греч. γε, служитъ къ простому усиленію мѣстоименія. Впрочемъ извѣстно, что кор. ja встрѣчается у Славянъ въ относ значеніи и безъ *же*, именно въ производныхъ *яко*, *егда*, *еликъ*, *зане* (поне-же) и др. Въ Краледворской рукописи мы находимъ въ такомъ смыслѣ даже мѣст. *и* (если, конечно, это не описка), см. пѣсню о Забоѣ стр. 90 изд. Некрас.: Dua sina, ieiu hlasi p(rze)chazesta w muska, uichazenasta w les.

составилось so so въ смыслѣ одного относ. нарѣчія (sowie, sicut, какъ у насъ въ другомъ смыслѣ *такъ какъ*=cum или quoniam): напр. въ молитвѣ Господней: Werde willo din so in himile, so so in erdu (такъ—какъ). Такъ у Англичанъ the more, the better; as fast as she could hye (Percy I стр. 133, 66 рядомъ съ sa fast as she could hie ib. стр. 99, 30; сравни стр. 102, 128; стр. 129, 130 и др.—въ шотландской балладѣ); а прежде и у Нѣмцевъ als liep als ich iu sî (Nib. 1715, 3 L., но также sô rehte minneclîchen, als ir uns hapt getân ib. 2119, 3; als=al—sô ср. ib. 2118, 3). Точно такъ-же употреблялось у нихъ и слово ê (ehe), хотя оно и не м-ннаго происхожденія, напр. Nib. 2280, 1—3: Jâ naeme ich ê die suone, sprach aber Hagene, E ich sô lesterlîche ûz einem gademe Flühe—„Скорѣе принялъ бы я примиреніе, *чѣмъ* бѣжалъ бы позорно". Извѣстно, что такимъ-же образомъ повторяется греч. πρίν, напр. Ил. XXIV 781: Μὴ πρὶν πημανέειν, πρὶν ὀωδεκάτη μόλῃ ἠώς. Ясно, что въ подобныхъ примѣрахъ оно принимаетъ смыслъ относ. нарѣчія (впослѣдствіи—союза, какъ въ данномъ случаѣ союза ἤ)—смыслъ, который оно удерживаетъ и послѣ другихъ, равносильныхъ словъ (πρόσθεν Xenoph. An. I, 2, 2, πρότερον Plato Phaed. p. 62 c) и заключаетъ въ себѣ нерѣдко независимо отъ предъидущаго (πρίν=πρὶν ἤ). Что второе πρίν было первоначально простымъ повтореніемъ перваго, доказывается такими примѣрами, какъ Ил. V 287: ἀτὰρ οὐ μὲν σφῶί γ' ὀίω Πρίν γ'ἀποπαύσεσθαι, Πρίν γ' ἢ ἕτερόν γε πεσόντα Αἵματος ἆσαι Ἄρηα. Вѣроятно, отсюда, а не изъ пропуска относ. нарѣчія (или союза), объясняется относ. значеніе нѣм. während, bis, seit, bevor и т. п. Какъ опредѣленно ни сложилась относительная конструкція въ латинскомъ языкѣ, и въ немъ сохранилось слово, которое обличаетъ предшествовавшее колебаніе при выборѣ средствъ для ея выраженія; это слово—нарѣчіе (потомъ союзъ) dum, не имѣвшее первоначально относ. значенія и получившее его лишь впослѣдствіи тѣмъ-же путемъ; см. Катулла 62, 45: Sic virgo, dum intacta manet, dum cara

suis est и 56: Sic virgo, dum intacta manet, dum inculta senescit. Впрочемъ этотъ примѣръ такъ-же мало можетъ служить образчикомъ древнѣйшаго соотношенія, какъ Ил. 1 125: Ἀλλὰ τὰ μὲν πολίων ἐξεπράθομεν, τὰ δέδασται или Nib. 2161, 2 L.: Die dô darinne wâren, die muosen lîden nôt: подчиненное предложеніе съ личнымъ или указ. мѣстоим. (или нарѣчіемъ) во главѣ по самой своей сущности должно было первоначально слѣдовать за главнымъ, а не предшествовать ему; послѣднее возможно лишь въ тѣхъ языкахъ, въ которыхъ относ. построеніе сложилось окончательно и укрѣпилось въ сознаніи народа.

Кромѣ объясненныхъ способовъ мы встрѣтили въ приведенномъ выше отрывкѣ тетюшской грамоты и современное, общепринятое мѣстоим. *который*. Употребленіе вопрос. м-ній въ смыслѣ относ. принадлежитъ также къ числу способовъ, усвоенныхъ многими народами совершенно самостоятельно. Этотъ способъ мы находимъ напр. у Италиковъ, у Кельтовъ, у Германцевъ, у Литовцевъ, у Славянъ. До какой степени у послѣднихъ вопрос. м-нія слились съ относ., видно изъ того, что напр. *якъ* и *якій* (отъ корня ja) употребляются у нѣкоторыхъ изъ нихъ (Поляковъ, Чеховъ, Малороссовъ) въ смыслѣ вопросительномъ. Переходъ вопрос. значенія въ относ. Гольцманъ (Zeitschr. f. Völkerpsych VIII, 50) объясняетъ вопросами въ родѣ слѣдующихъ: Exsequias ire cui commodum est? (Is) ito. Wer kann mir den Becher wieder zeigen? Er mag ihn behalten Ср. въ средне-греч. переводѣ Аполлонія Тирскаго у Вагнера Carmina Graeca medii aevi (Lips. 1874) ст. 608 (стр. 268): Τίς θὲν' ἀκούῃ ἄσματα, αἰνίγματα καὶ λόγους Καὶ ὑμνῳδιὰν (καὶ) τραγῳδιὰν, εἰς τὴν Ταρσιὰν ἂς πάγῃ „Кто хочетъ слышать пѣсни, загадки и притчи и гимны и трагедію? тотъ пусть идетъ къ Тарсіянкѣ“ или, можетъ быть, „кто—, тотъ—“, потому что выраженіе относительной связи посредствомъ вопросительныхъ корней не чуждо и греческому языку, какъ будетъ показано въ изслѣдованіи о новогреческихъ относ. м-ніяхъ. Такимъ образомъ при одномъ

логическомъ подлежащемъ то предложеніе, которое впослѣдствіи сдѣлалось подчиненнымъ, выражало во время своей самостоятельности нѣчто въ родѣ вызова человѣка или предмета, удовлетворяющаго предлагаемымъ условіямъ, а въ томъ, которое соотвѣтствуетъ позднѣйшему главному, заключалась мысль, относящаяся къ такому человѣку или предмету, если онъ оказывается на лицe; при двухъ логическихъ подлежащихъ въ первомъ предложеніи содержался вопросъ о качествѣ, количествѣ и т. п. даннаго предмета, а во второмъ—то, что̀ изъ предполагаемаго отвѣта на этотъ вопросъ слѣдуетъ вывести для другаго предмета: Qualis rex? talis grex. Quot capita? tot sententiae. „Каковъ попъ? таковъ и приходъ". Слѣдовательно при этомъ способѣ порядокъ предложеній долженъ быть противоположенъ тому, котораго требовалъ первоначально способъ предъидущій [5]).

---

[5]) Объясненіе Гольцмана кажется намъ самымъ естественнымъ и единственно возможнымъ. Правда, *формально* съ перваго взгляда можетъ показаться вѣроятнымъ происхожденіе относ. мѣстоименій вопрос. корня отъ совпадающихъ съ ними по виду мѣст. неопредѣл. Но такое объясненіе, имѣющее также своихъ представителей, неправдоподобно уже потому, что и неопред. м-нія произошли, по всей вѣроятности, изъ вопрос. Въ неопред. мѣстоименіи непремѣнно скрывается вопросъ, но вопросъ, не выраженный формально, потому что онъ не имѣетъ въ виду отвѣта, а служитъ только для того, чтобы высказать недоумѣніе говорящаго Поэтому м-нія вопрос. и м-нія неопред. первоначально одни и тѣ-же и различаются лишь тѣмъ, что первыя произносятся съ бо́льшимъ напряженіемъ голоса, или съ болѣе знаменательнымъ ударе́ніемъ, нежели послѣднія: τίς; τις, ποῖος; ποιός, quis? quis (siquis) нарѣчія ποῦ, που, ubi? ubi (sicubi) и т. п. Арабскій языкъ представляетъ намъ этотъ логическій пріемъ во всей его первобытности: для того, чтобы выразить ἦλθεν ἄνθρωπός τις πρὸς ἐμέ (ко мнѣ пришелъ какой-то человѣкъ), по-арабски надобно сказать 'atâ-nî ragûlun, 'ajju ragûlin? пришелъ ко мнѣ человѣкъ—что за человѣкъ? Кромѣ того: есть языки, въ которыхъ вопрос. м-нія употребляются какъ относ., но не какъ неопред., напр. арабскій, татарскій. Но главное неудобство такого объясненія заключается въ неясности перехода значеній. Неопред. м-нія вопрос. корня, кромѣ своего обыкновеннаго значенія, допускаютъ лишь одно: иной, какъ Дан. Зат. „Кому любовь, а мнѣ горе лютое; кому Бѣло озеро, а мнѣ черныя смолы" и т. д., но всегда въ смыслѣ раздѣлительномъ, что̀ особенно ясно при повтореніи: кто богатъ, а кто бѣденъ; chi è ricco e chi è povero; καὶ τὶς μπαρκούτα βάσταζε, τὶς ἔλμον

Такимъ образомъ корни относ. м-ній въ однихъ изъ разсмотрѣнныхъ нами языковъ оказываются указательными, въ другихъ—вопросительными; таково происхожденіе относ. корней во всѣхъ арійскихъ языкахъ и, если не во всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ очень многихъ другихъ. Но, воспользовавшись этими корнями, не всѣ народы нашли нужнымъ или возможнымъ создать себѣ относ. м-нія въ полномъ смыслѣ этого слова, т. е. вполнѣ опредѣленныя и склоняемыя замѣны существительнаго въ подчиненномъ предложеніи: нѣкоторые изъ нихъ остановились на относ. частицахъ, т. е. на какихънибудь неизмѣняемыхъ образованіяхъ относительнаго (указ. или вопрос.) корня со значеніемъ, первоначально опредѣленнымъ,

---

στὸ κεφάλι (изъ средне-греч. романа: кто шишакъ носилъ, а кто шлемъ на головѣ). Но это единственное переносное значеніе ставитъ неопред. м-нія ближе къ указательнымъ, чѣмъ къ относ., что видно изъ того, что въ этомъ смыслѣ они легко замѣняются первыми: тотъ богатъ, а тотъ бѣденъ; questo (tale) è ricco e quello (tale) è povero; ὁ μὲν πλούσιός ἐστιν, ὁ δὲ πένης; den sitzen, disen leinen sach man manegen degen (Nibel.), occupat hic collem, cymba sedet alter aduncа (Ovid. Met. I 293 sqq.). Переходъ отъ неопред. м-ній къ относ. былъ бы возможенъ черезъ неопредѣленно-относ., но послѣднія образовались очевидно изъ относ.. qui-cumque, кто бы ни, swelher (изъ sô welher) и т. д., кромѣ развѣ лат. удвоенныхъ quisquis, quicquid, которыя сложились, быть можетъ, по аналогіи другихъ удвоенныхъ: utut, quamquam и т. п., при чемъ имѣлось въ виду не столько относительное, сколько неопред. значеніе такихъ образованій. Что значеніе лат. неопред. относ. развивалось именно въ эту сторону, видно изъ позднѣйшаго ихъ употребленія сравнительно съ древнѣйшимъ: quocumque или quoquo modo и т. п. были первоначально выраженіями относ., а впослѣдствіи просто неопред. Что-же касается такихъ неопред. м-ній, которыя не были бы въ то-же время и вопрос., то едва-ли найдутся примѣры ихъ употребленія въ смыслѣ относ. Ново-греч. относ. ποιός (который) не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія: въ др.-греч. ему соотвѣтствуетъ не ποιός, а ποῖος или, вѣрнѣе, ὁποῖος, которое и употребляется доселѣ въ книжномъ языкѣ. Ποιός произносится теперь и вопрос мѣст.: перестановка ударенія зависитъ отъ того, что въ немъ, какъ и въ относ., οι утратило гласность и превратилось въ j. Ср. παιδιοῦ, χωριά (2 слога), μιά (1 сл.) вм. παιδίου и т. д.; βασιλιάς, πωλιέται (3 сл.), ἐννιά (2 сл.), πλιό (1 сл.) вм. βασιλέας и пр.; δυό (1 сл.) вм. δύο, какъ ит. figliuólo изъ лат. filiolus и, вѣроятно, наши бью, выю, лью изъ бію, вію, лію съ удареніемъ на первомъ слогѣ, суди по аналогіи другихъ глаг. съ односложной гласной основой: знаю, мою, дую, млю.

но впослѣдствіи расширеннымъ до такой степени, что они сдѣлались годными для выраженія относительнаго подчиненія вообще [6]). Главное неудобство такого способа, бросающееся въ глаза съ перваго взгляда, состоитъ въ отсутствіи возможности обозначать падежи. Оно устраняется въ нѣкоторыхъ языкахъ совмѣстнымъ употребленіемъ опредѣленныхъ относ. мѣст., какъ у насъ *который* рядомъ съ неизмѣняемымъ *что*, въ иныхъ—прибавкой личныхъ или указ. мѣст. въ требуемыхъ падежахъ. Какъ ни страненъ послѣдній способъ, распространеніе его чрезвычайно широко и даже переходитъ за предѣлы какой-нибудь одной семьи языковъ. Разсмотримъ это любопытное явленіе по отдѣльнымъ языкамъ.

---

[6]) Въ примѣрахъ, приведенныхъ ниже, мы передаемъ относ. частицы нашимъ *что*. Но это м-ніе далеко не выражаетъ значенія настоящихъ относительныхъ частицъ. послѣднія непереводимы ни однимъ относ. м-ніемъ или нарѣчіемъ, которыя представляютъ относ. связь не иначе, какъ пріуроченною къ какой-нибудь грамматической категоріи—предмета, качества, количества, мѣста, времени, образа дѣйствія и проч. Наше *что* есть, конечно, не только мѣст. ср. р. и союзъ, сопровождающій глаголы sentiendi et declarandi и т. п., но все-таки значеніе его сравнительно тѣсно: помимо двухъ упомянутыхъ случаевъ въ большей части остальныхъ *что* совпадаетъ съ *какъ*. Сахаровъ, пѣсни хоров. 27 „Ужь какъ мой милъ идетъ, *что* ясенъ соколъ летитъ“. 43: „Черезъ рѣченьку лежала тонка, гибка жердиночка; *что* де никто по той жердиночкѣ не проѣдетъ, только шли прошли стары бабы“; сравни свад. 28: „какъ на той на рѣченькѣ да лежала дощечка и тонкая и гибкая (и) дощечка дубовая; *какъ* по той дощечкѣ никто не хаживалъ... перешелъ Михаилъ сударь“. 49: „Какъ нѣтъ такого молодца, *что* Александра Александровича“, что̀ чуть-ли не чаще поется такъ: „ужь и небыло такого молодца, *какъ* (такого-то)“. Есть и другіе случаи употребленія *что*, но относ. значеніе этого слова въ нихъ не ясно. Кажется, разнообразнѣе употребляется малор. *що*; по крайней мѣрѣ оно встрѣчается въ значеніяхъ, чуждыхъ нашему *что*, напр. Метлинск. 39: „Ой повій ты, буйный витре, з глыбокого яру; Прыбудь, прыбудь, мій мылэнькый, з далекого краю. Як же мени повиваты, що (=когда) яры глыбоки; як же мени прыбуваты, що то краи далеки“ или 54: „Не пускае маты, що (=потому что) я молода“. Образчикомъ относ. частицы можетъ служить романское que (che), которое напр. по-франц. употребляется вмѣсто косвенныхъ над. относительнаго мѣст. обоихъ чиселъ и родовъ, въ смыслѣ союзовъ *что* и *чѣмъ*, какъ замѣна нарѣчій и относ. союзовъ всякаго рода во второмъ членѣ слитнаго предложенія (напр. quand — et que) и т. п., см. Diez, Gramm. der rom. Sprachen III стр. 322—324, 332—340, 366, 378—379, 397. 416—417.

Одинъ примѣръ такого употребленія мы видѣли въ приведенномъ выше отрывкѣ изъ тетюшской грамоты. У насъ, какъ извѣстно, *что* въ имен. и вин. пад. обоихъ чиселъ — дѣло весьма обыкновенное, но съ косвенными пад личнаго мѣст. встрѣчается не часто. За то у Малороссовъ этотъ образъ выраженія болѣе употребителенъ, чѣмъ опредѣл. мѣст. *который* или *котрый*, и попадается даже въ им. пад., напр. Закревскаго Старосв. Бандур. № 160: „Не жаль тому козаченьку поснѣдати дати, Що вонъ иде изъ улици, якъ стане свѣтати". Приведемъ нѣсколько примѣровъ косвенныхъ падежей. Изъ того-же сборника народныхъ пѣсень № 5: „А де жь тіи, пане Саво, сукнй едамашки, Що въ ихъ ходивъ по Вкраинѣ, водячи затяжки? А де жь тіи, пане Саво, битіи таляры, Що ихъ набравъ въ Украинѣ, роблячи тяжары?" № 35: „Нема тоей дѣвчиноньки, що я въ ей кохався". Пословица: „Бѣда той курцѣ, що на нѣй сокола заправляють на ловы". Шевченко, Катерина (II): „Де жъ ті люде, де жъ ті добрі, Що серце збіралось Зъ ними жити, іхъ любити"? [7]). Иногда Малороссы находятъ возможнымъ обойтись безъ личнаго м—нія даже въ косв. падежахъ подобно тому, какъ оно пропущено при третьемъ *что* отрывка тетюшской грамоты, и тогда-то обнаруживается вся широта, т. е. неопредѣленность этого *що*. Старосв. Банд. № 38: „А де жь тая крыниченька, що голубъ купався (въ нѣй)? А де жь тая дѣвчинонька, що я женихався (зъ нею, какъ № 45)"? № 128: „Позычь ты бандуры, що сама граешь (на нѣй)". Метлинск. 65: „ты думаешь, ти любляться, що багато грошей (в них)" [8]).

---

[7]) Въ болгарскомъ переводѣ Жинзифова это мѣсто значится такъ (Новобългарска Сбирка стр. 159): „Камъ тѣ люди, камъ тѣ добри, Готвѣшеся сърдце, Да живѣитъ, нихъ да любитъ (?)". Здѣсь (помимо нѣкоторой неточности въ передачѣ) не достаетъ относ. мѣст. Что это· произволъ переводчика или свойство языка?

[8]) Не берусь рѣшить, куда относятся такіе примѣры, какъ Закр. № 58· — на тую дѣвчиноньку, що чорніи брови (въ неи?) и 105: Нема жь мого миленького, що карій очи (почти тоже 123). Можетъ быть, въ нихъ надо видѣть

Що съ личн. мѣст. въ косв. пад. есть и въ словарѣ Памвы Берынды: „Почерпало—каждая рѣчь, що черпаютъ нею, яко ведро, коновъ, ковшъ“. У него этотъ оборотъ могъ явиться, какъ изъ малорусскаго, такъ и изъ польскаго языка, гдѣ онъ довольно обыкновененъ, напр. въ нар. пѣснѣ: Rozmaryn do kolan, com go siała poście и въ слѣдующемъ краковякѣ, чуть-ли не искусственномъ (Sbjór pjeśnj śvjatovich, vidal Cenôva, seszit drugj стр. 128): Nie ten u mnie możnym, co go zowią panem, Lecz ten, co nad biednym lituje się stanem. Это соединеніе особенно употребительно въ старо-польскомъ языкѣ.

Точно такъ-же Сербы употребляютъ *што*, какъ въ народномъ, такъ и въ книжномъ языкѣ, напр. (изъ искусственнаго стихотв.): „Ја тьу љуби песму читат', Што ју пишем сад.“ [9]) Замѣчательно, что при этомъ *што* можетъ повторяться существительное, къ которому оно относится, какъ оно повторяется послѣ опред. относ. мѣст. (который, qui и т. д., см. выше), напр.: „Уд'ри на се дибу и кадифу, Поноситу чоху сајалију, Што од воде чоха црвенија, А од сунца чоха руменија“ (надѣлъ на себя—кафтанъ, который кафтанъ отъ воды краснѣе, а отъ солнца багрянѣе). Что значитъ это описаніе, я не знаю и привожу его только потому, что оно, сколько мнѣ извѣстно, представляетъ собою эпическую формулу. Но вотъ примѣръ вполнѣ понятный: „Викну бане из бијела грла Некаквога хрта Карамана, Што је хрче на лов научио“ (кликнулъ банъ изъ бѣлаго горла нѣкую собаку Карамана, которую собаку онъ натаскалъ для охоты). Кромѣ *што* точно такъ-же употребляется *дье* (=гдѣ, какъ нѣм. областное wo, общеупотребительное въ соединеніяхъ wovon, worin и т. п., и новогреч. ποῦ, о которомъ ниже). Имен. пад. (безъ личн.

приложенія въ видѣ эпитета, какъ № 82: Ой ты, дѣвчино—чорніи очи. Ср. сапожки—зеленъ сафьянъ, туръ—золотые рога и т. п.

[9]) Значеніе этого оборота у нихъ чуть-ли не общѣе, чѣмъ у другихъ Славянъ; напр. въ слѣд. мѣстѣ былины о Страхиничѣ онъ соотвѣтствуетъ нашему *какой*, а не *который*: „Има дьога коња од мегдана, Што га данас у Србина нема“.

мѣст.): „Ропче моје змијо од Турака, Дье пропаде у тамници мојој!“ Косв. над.: „Ту надьоше једну невјестицу, Дье јој горе и ноге и руке“ (=которой или: у которой горятъ—) [10]). Этимъ двумъ частицамъ соотвѣтствуютъ у Болгаръ *що* и *дъ-то* [11]) съ личнымъ м-ніемъ въ косвенныхъ падежахъ.

Словинцы (Хорутанцы) употребляютъ для той-же цѣли частицу ki (корень тотъ-же, что́ въ вопрос. kaj что), и при томъ по крайней мѣрѣ такъ-же часто, какъ мѣст. kteri. Вотъ примѣръ соединенія того и другаго (изъ Преширна V spomin Andreja Smoleta): V zemlji Slovenski, v predragi deželi, Ki si jo ljubil presrčno ves čas, V kteri očetja so naši slovéli, ktera zdaj ima grob komaj za nas „Въ землѣ Словинской, въ дражайшей странѣ, что̀ ты ее (=которую ты) любилъ сердечно все время, въ которой славились наши отцы, которая теперь едва имѣетъ могилу для насъ“. Любопытно сличить два примѣра изъ Анакреонта съ переводомъ Водника, хотя относ. конструкція перевода не всегда соотвѣтствуетъ таковой-же въ подлинникѣ. Антол. Бергка Mel. XX, 14, 25: Ταυῦν ἔδω μὲν ἄρτον Ἀφαρπάσασα χειρῶν Ἀναχρέοντος αὐτοῦ· Πιεῖν δέ μοι δίδωσιν Τὸν οἶνον, ὃν προπίνει=Golobica: Mar zobljem njich [12]) pogačo, K' iz roke si jo pulim Anakreonta sam'ga. Pit dajejo mi vina, K' napijajo ga sebi. Тамъ-же 27

---

[10]) Это *дье* соотвѣтствуетъ нашему *что* не только какъ неопред. относ. мѣст., но и какъ союзъ послѣ verba sent. et declar. (вмѣсто обыкновеннаго *да*).

[11]) *То* въ *дъ-то* едва-ли слѣдуетъ понимать въ смыслѣ члена, такъ какъ оно является безъ измѣненій по родамъ и числамъ также въ относ. м-ніи *кои-то, коя-то, кое-то,* а потому *дъ-то* надлежитъ сравнивать не съ фр lequel, ит. il quale, рум. care-le, англ. (стар.) the which, ново-греч. ὁ ὁποῖος, а съ старорусскимъ *кто-то* (въ договорѣ Мстислава Смоленскаго съ Ригою и Готскимъ берегомъ 1229 г.: „всемъ темъ, кто то на оустово моря ходитъ“) и т. п., старо-англ. which that, what that и т. п. и еще болѣе съ польскимъ co to, напр. у Кохановскаго Satyr: Oho, znaé papieżnika. Po czemże? Po mowie. Mniemałem by po rogach, co to mam na głowie. Въ арабскомъ относ. м-нія 'al-la-dî, ж. р. 'al-la-tî мы находимъ и членъ и указ. м-ніе.

[12]) Для читателей, не знающихъ по-хорутански, замѣтимъ, что Словинцы, говоря о лицахъ, уважаемыхъ по своему положенію, употребляютъ множ. ч.; такъ здѣсь объ Анакреонтѣ, какъ господинѣ, и далѣе о Ладѣ (Кипридѣ).

A, 5: Ἀχίδας δ' ἔβαπτε Κύπρις Μέλι τὸ γλυκὺ λαβοῦσα. Ὁ δ' Ἔρως χολὴν ἔμισγεν=Ljubeznove pušćíce: Ostí kalili Lada So v sladkem med', k' je žolča Ljubezen vanj primésil. Род. пад. такъ-же, какъ и дат., по чему-то рѣже попадается у Словинцевъ въ этой конструкціи; но вотъ примѣръ изъ того-же Водника Ilirija Oživljena 17: Nazaj spet junake Kdo bode mi dal, Ki jich se spartanski Je vojvoda bal? „Кто возвратитъ мнѣ витязей, что ихъ (=которыхъ) боялся спартанскій воевода?".

Въ ново-греч. языкѣ относ. частицей служитъ, какъ было сказано, нарѣчіе мѣста ποῦ или, вѣрнѣе, ὅπου (ὁποῦ), употребляемое въ просторѣчіи гораздо чаще, чѣмъ м-ніе ποιός или ὅποιος (то и другое, когда относ. предлож. предшествуетъ главному). Дат. пад., какъ извѣстно, исчезъ изъ ново-гр. языка, но род. съ ποῦ попадается, напр. Pass. 315, 5: Κι αὐτοῦ 'ς τὴν δίπλην τοῦ χοροῦ χορεύ' ἡ Ζερβοπούλα, Ποῦ λάμπουν τὰ μανίκια της κι ἀστράφτ' ἡ φορεσιά της „И тамъ въ перегибѣ хоровода пляшетъ Зервопула (собств. имя ?), что̀ блистаютъ рукава ея и сверкаетъ одежда ея" (=которой рукава и пр.); также 569, 2: Καὶ πῶς νὰ τήνε 'παρνηθῶ τὴν 'Αρβανιτοπούλα, Ποὖν' τὸ κορμί της μάλαγμα κ' ἡ μέση της ἀσῆμι „И какъ я отъ нея откажусь, отъ Арнаутки, что тѣло ея золото и станъ ея серебро?" (=которой тѣло и пр.). Косв. пад. съ предлогомъ Пасс. 174, 24: Γιάτρεψ' τὸν ἀδερφούλη μου, τὰ μάτια καὶ τὸ φῶς μου, Ποῦ 'γὼ γι αὐτῆνον ἔχαμα δώδεκα χρόνους κλέφτης „Вылѣчи моего братца—мои глаза и свѣтъ мой, что я изъ-за него (=изъ-за котораго) прожила двѣнадцать лѣтъ клефтомъ". Пропускъ личнаго мѣст., встрѣченный нами въ малорусскомъ языкѣ, попадается въ греч. даже тамъ, гдѣ ποῦ должно выражать род. пад., напр. у Пассова 501, 7 (объ орлѣ, у котораго птенцы попадали изъ гнѣзда): ἐσὺ ποὔπεσαν τὰ πουλιά „ты, что попадали птенцы". Неудивительно, что въ вин. над. эта частица нерѣдко обходится безъ личн. мѣст., какъ и наше *что̀*, напр. 561, 2: Κάθονται μέσα μάνα καὶ κόρη, ὅπ' ἀγαπῶ „Сидятъ внутри мать и дочь, что я люблю". Но чаще вин. пад.

выражается при помощи личн. мѣст., какъ 361: Ἐγῶμ' ἐκεῖνο τὸ πουλὶ, ποῦ τὸ λέγουν κανάρι „Я та птица, что ее (=которую) зовутъ канарейкой“ Сравни 45, 4; 450, 12; 483, 8; 554 кон.; 585, 19; 588, 7; 622, 1; 628, 9 и мн. др. Это обстоятельство объясняется склонностію ново-гр. языка ставить непосредственно передъ глаголомъ зависящее отъ него личное мѣст., даже если дополненіе выражено существительнымъ, но не слѣдуетъ за глаголомъ, а предшествуетъ ему, какъ dist. 1030: Τὸν Φράγκον δὲν τὸν θέλω. Поэтому иные говорятъ и съ опред. относ. мѣст.: ὁ ἄνθρωπος, τὸν ὁποῖον τὸν εἶδα „человѣкъ, котораго его я видѣлъ“. Но, очевидно, это употребленіе не относится къ нашей задачѣ [13]).

---

[13]) Диць въ своей грамм. ром нарѣчій т. III стр. 65 приводитъ изъ нихъ примѣры, весьма сходные съ тѣми, которые мы разобрали выше, но всѣ они объясняются тою-же самою склонностью, которая особенно сильно развилась именно въ романскихъ нарѣчіяхъ. Если не ошибаемся, косвенный пад. (вин. и дат.) личнаго мѣст. послѣ относ. всего чаще встрѣчается въ румынскомъ языкѣ, изъ котораго Диць привелъ примѣровъ меньше, чѣмъ изъ другихъ. Порум., точно, говорится. epistola, carea ti o scriu acuma „письмо, которое тебѣ *его* пишу теперь“ или съ неопред. относ. мѣст.:—ce ti o scriu „что тебѣ его пишу“. Псалтырь 1,4: ci eĭ sunt ca pléva, pre carea o spulbera vêntulŭ „но они суть какъ прахъ, который *его* возметаетъ вѣтеръ“. Но то-же самое мы видимъ и при другихъ мѣст., напр. личныхъ. Вотъ нѣсколько мѣстъ изъ 1 гл. Евангелія отъ Іоанна: Si lumina întru întunericŭ luminéză, si întunericulŭ pre dênsa nu o a coprinsŭ (5) „И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма онаго не *его* покрыла“ (=тьма его не покрыла). Si lumea pre dênsulŭ nu lŭ-a conoscutŭ (10) „И міръ онаго не его позналъ“ (=м. его не п.). Jar căti lŭ-aĭ priimitŭ pre dênsulŭ, le-a datŭ lorŭ stăpânire—(12) „А кто *его* приняли онаго, *имъ* далъ онымъ власть—“. Въ объясненіе этого дословнаго перевода замѣтимъ, что главное личн. мѣст., т. е. настоящее дополненіе, мы выразили м-ніемъ *оный*, а добавочное—обыкновеннымъ мѣст. 3-го л. Ясно, что, если какое изъ двухъ личн. мѣст. служитъ къ ближайшему обозначенію падежа, то скорѣе главное, но никакъ не добавочное. См. объ этой особенности Diez III 63 слѣд. Впрочемъ соединеніе относ. частицы съ личнымъ и даже съ притяж. мѣст. (род. пад.) не чуждо романскимъ нарѣчіямъ, напр. исп.: la fuente que beben todos della „источникъ, что пьютъ всѣ изъ него“ (=изъ котораго и пр.). См. тамъ же стр. 380. Замѣчательный провансальскій примѣръ приводитъ Тоблеръ Germania XVII (1872) стр. 293: Tal home am que sos aibs nom azauta E m'azauta sos aibs de tal non am „Иного (такого) человѣка люблю, что свое (или его=котораго) поведеніе мнѣ не нравится, и мнѣ нравится свое (его) пове-

Какъ послѣдовательны Греки въ примѣненіи разбираемаго способа, видно изъ того, что они прилагаютъ его не только къ 3-му лицу, къ которому относились всѣ приведенные выше примѣры (кромѣ примѣч. 13), но и къ остальнымъ. По крайней мѣрѣ 2-е лице является у Пассова 529: Ὦ ψηλὸ λιχνὸ, ψηλὸ λιχνό μου ῥόδο, Ὁποῦ γιά τ' ἐσὲ στερεύομαι τὸν κόσμο и т. д. „О высокая, стройная моя роза, чтò изъ-за тебя (=ты, изъ-за которой) я не могу оставаться на свѣтѣ“. Вин. ποῦ σε (ты, котораго) 310,13. Мѣст. 2-го лица (σοῦ) подразумѣвается и въ указанномъ уже 501, 7: ἐσὺ, ποὔπεσαν τὰ πουλιὰ „ты, чтò (=котораго или: у котораго) попáдали птенцы“. Замѣтимъ въ заключеніе, что кромѣ ποῦ есть у Грековъ другая относ. частица—τὰ (мн. ч. ср. р. отъ ὁ), напр. 467,2: τὸ κάτεργον, ποῦ περπατεῖ, καὶ τἄλογον, τὰ τρέχει „Галера, чтò разгуливаетъ, и лошадь, чтò бѣгаетъ“, гдѣ она является рядомъ съ ποῦ. Другіе примѣры съ ней мнѣ неизвѣстны [14]).

У Германцевъ, рядомъ съ опредѣленными относ. м-ніями есть и неопредѣленныя частицы; но для выраженія косвенныхъ падежей они охотнѣе употребляютъ первыя. Исключеніе составляютъ Саксы, которые иногда соединяли свои частицы sô (древне-с.) и the (англо-с.) съ косв. пад. мѣст. 3-го л. Вотъ нѣсколько англо-с. примѣровъ, приводимыхъ Эттмюллеромъ въ Lexicon Anglosax. Вин. пад.: Thaer gelifan sceal dryhtnes dômê se the hine deadh nimedh=Ibi manere debet ex domini sententia is, quem mors eripiat (сл. въ сл.:

деніе иного, котораго я не люблю“, гдѣ второй стихъ, помимо пропуска относ. м-нія представляетъ еще ту странность, что притяж. sos поставлено впереди того слова, безъ котораго оно непонятно; ср. провакс. son cosin del dalfin у Дица III стр. 74. Личное мѣст. при относ. частицѣ въ ин. пад., какъ по-малорусски, тамъ-же стр. 373: je suis tel (=тотъ) qu'amour j'avois en vous (Marot).

[14]) Ср. стр. 21 и прим. 3. Что же касается ποῦ, то и оно можетъ выражать качественность, какъ срб. *што*, напр. Pass. 225: Ὁ ἥλιος ἐσκοτίδιασε καὶ τὸ φεγγάρι χάθη, Ποῦ βάρεσαν τὸν Μπότσαρη, τ' ἄξιο τὸ παλληκάρι, Ποῦ 'ς τὸν ντουνιὰ δὲν ἤτανε καὶ δὲν μεταγενιέται „Солнце омрачилось и мѣсяцъ пропалъ, когда поразили Боцари, достойнаго витязя, Чтò (=какого) на свѣтѣ не было и не народится“.

что его=quem). Род. пад.: hvât se god waere, the this his beacen vâs=quis ille deus esset, cuius hoc signum fuit (сл. въ сл.: что это его=cuius hoc). Тотъ-же пад., но безъ личн. мѣст. (рѣдко): on svâ edhelîcum thingum, the ve biddadh „въ такихъ удобоисполнимыхъ вещахъ, что мы просимъ“ вмѣсто the heora, такъ какъ глаг. biddan сочиняется съ род. пад. Это единственный примѣръ, который приводитъ Этмюллеръ, да и тотъ можно, кажется, истолковать иначе, принявъ the въ болѣе общемъ смыслѣ. Dativum (безъ личн. мѣст.) non inveni, признается Этмюллеръ. Что же касается вин. пад., то на него, какъ и слѣдовало ожидать, примѣровъ много. Въ древне-сакс. so is котораго, so im которому и т. д. [15]).

Намъ остается разсмотрѣть еще одинъ арійскій языкъ, въ которомъ разбираемый способъ развитъ тѣмъ болѣе, что другаго способа онъ не знаетъ. Мы разумѣемъ языкъ новоперсидскій съ его неопред. частицей ki (вопрос. и относ. м-ніе и союзъ или даже нарѣчіе). Къ ней присоединяются личн. мѣст., особенно û (3 л.), для выраженія всѣхъ падежныхъ отношеній,—такъ какъ настоящее склоненіе въ этомъ языкѣ утрачено. Въ такой формѣ является даже имен. пад. (ki û или сокращ. kû), что мы видѣли до сихъ поръ только въ малорусскомъ. (и во франц.—примѣч. 13). Но любопытнѣе косвенные пад., на которые мы даемъ нѣсколько примѣровъ изъ Вуллерсовой Chrestomathia Schahnamiana—стр. 71,5: Bi gâh-i šahinšâh-i Nûšînravân, Ki nâm-aš bi-mânda 'st-i dâim ğavân „Во время царя царей Нушірвана, что имя его (=ко-

---

[15]) So въ томъ-же смыслѣ, но безъ личнаго м-нія, какъ извѣстно, не чуждо и ново-в.-нѣм., напр Hofmann v. Hofmannswaldau, Abschied: Der Gipfel, so sich itzt bewegt, Das Rauschen, so dein Ohr verspuret, Wird durch der Seufzer Trieb erregt, Die meine matte Zunge führet. Такъ-же употребляются у Скандинавовъ частицы sem и er, но съ болѣе широкимъ значеніемъ и иногда въ своеобразномъ соединеніи съ предлогами, о чемъ см. ниже. Но извѣстно ли было имъ соединеніе относ. частицъ съ личными мѣст, какъ замѣна косв. падежей относ. м-нія? Рѣшеніе этого вопроса я долженъ предоставить doctioribus.

тораго имя) осталось вѣчно юнымъ.“ Стр. 68,551: Jakî ḥaĺat ârâst-i šâh-i zamîn, Ki ḥwândand-i har kas bar-û âfarîn „Одинъ халатъ приготовилъ царь земли, что надъ нимъ (=надъ которымъ или: которому) всѣ произносили похвалу“. Изъ христом. Шпигеля стр. 120,5: Ân âtaš-râ, ki ʿišq az-û ḥâst „Тотъ огонь, что любовь изъ него (=изъ котораго л.) развилась“. Съ мѣст. 2-го л. тамъ-же стр. 1: Ân î tu, ki az nâm-i tu mî-bârad ʿisq „Ты (еси) та, что изъ имени твоего (=изъ имени которой) прыщетъ любовь“ [16]).

Тотъ-же самый способъ склоненія примѣняется къ относ. м-ніямъ и въ языкахъ семитскихъ и тюркскихъ, хотя въ нихъ мы имѣемъ дѣло не только съ частицами, но и съ опредѣленными, хотя несклоняемыми мѣст. У Арабовъ есть три относ. мѣст.: ʾallaḏî который, измѣняющееся по родамъ (ж. ʾallatî) и числамъ (мн. ʾallaḏîna и т. д.), и неизмѣняемыя man кто и mâ что; послѣднія употребляются и какъ вопрос. Всѣ три включаютъ въ себѣ вмѣстѣ съ относ. мѣст. понятіе указательнаго [17]), къ которому и относится поставленный передъ ними предлогъ; такъ ʾilaî man значитъ „къ тому, кто“, а не „къ кому“ (сравни франц. de qui que ce soit, à qui veut

---

[16]) Кажется, тотъ-же оборотъ, но съ указ. нарѣчіемъ вмѣсто личн. мѣст. съ предлогомъ, слѣдуетъ признать Chrest. Schahn. стр. 20, 261: Ǧihân-dâr-i Dârâ bi Ćahram rasîd, Ki ânǧâ budî ganǧahâ-râ kalîd „Міродержецъ Дарій въ Чахремъ пришелъ, что тамъ (=гдѣ) была сокровищница“ (а не „потому что тамъ“; см. все мѣсто). Какъ бы то ни было, чуть-ли не единственное исключеніе изъ указаннаго способа составляетъ непосредственное соединеніе ki съ признакомъ вин. и дат. над. râ вмѣсто ki û-râ или просто ki. См. напр. поэму Низами Xikâyat-i dûḫtar-i pâdišâh-i rûs стр. 106 изд. Эрдманна: Har, ki-râ ân nikâr-i mî-bâjad, Na jakî ǧân — hazâr-i mî-bâjad „Всякому, кому нужна эта картина, не одна душа нужна, а тысяча“, гдѣ я выпустилъ однажды слово ǧân, повторенное у Эрдманна послѣ hazâr вопреки размѣру и риѳмѣ. Съ этимъ соединеніемъ нельзя сравнивать ki-š, напр. христ. Богдырева I стр. 86: Hunarvar, ki baḫt-aš na bâšad bi kâm, Bi ǧâî ravad, ki-š na dânand-i nâm „Доблестный, который недоволенъ своей долей, идетъ въ мѣсто, что его не знаютъ имя“ (= котораго имени не знаютъ), такъ какъ —š не простой признакъ падежа, но вмѣстѣ и м-ніе.

[17]) Это, впрочемъ, не мѣшаетъ Арабамъ ставить иногда въ главномъ предл., если оно слѣдуетъ за подчиненнымъ, личное мѣст., соотвѣтствующее относи-

l'entendre и т. п., о чемъ Diez III 382 слѣд.). Личное мѣстоим. придается къ нимъ и въ им. пад., что̀ впрочемъ рѣдко, напр. 'Ajna allaḏîna humu kânû li-nâ sakanân? „Гдѣ тѣ-которые они были для насъ отдохновеніемъ?“ (поэт.) Въ косвенныхъ пад.: Wa la-ka as-sâ'atu allatî 'anta fî-hâ „И тебѣ (принадлежитъ лишь) часъ тотъ-который ты въ немъ“ (= въ которомъ ты находишься, т. е. текущій). 'Ihdi-nâ çirâṭa al-mustaqîma, çirâta allaḏîna 'an'amta 'alaj-him „Веди насъ путемъ прямымъ, путемъ тѣхъ-которые ты излилъ благодѣянія на нихъ“ (=на которыхъ и т. д.). 'Al-ṭabîbu allaḏî ibnu-hu 'ind-î „врачъ тотъ-который сынъ его у меня“ (=котораго и т. д.). Вин. пад. обыкновенно съ мѣст., напр. Man lasa'at-hu al-χajjatu, mina al-χabli jahâfu „Тотъ-кто укусила его (=кого у.) змѣя, веревки боится“, гдѣ мѣстоим. необходимо; но иногда и безъ него, какъ въ слѣд. двустишіи: Fa 'arǧi'u 'an ra'î allaḏî kuntu 'artâ'î Fa 'aḏkuru mâ 'a'dadtu, χîna taγîbu „И я отказываюсь отъ намѣренія, которое я принялъ, и вспоминаю то, что̀ приготовилъ (лишь тогда), когда она удалится“.

У Евреевъ нѣтъ другихъ средствъ для выраженія относительной зависимости, кромѣ частицы 'ašer, которая ставится впереди личныхъ и указ. м-ній и указ. нарѣчій и сообщаетъ имъ относ. значеніе, напр. съ мѣст. 1-го л.: Anî Jôçêph 'aχî-khem 'ašer mĕkhartem 'ôth-î „Я Іосифъ, братъ вашъ, что̀ вы продали меня“ (=котораго вы п.)

Татары въ смыслѣ относ. м-нія употребляютъ вопрос. несклон. kim кто, обозначая косвенные пад. личнымъ мѣст., напр. въ пословицѣ: Adam bar, kim âdamłarnin naqši-dur, âdam bar, kim χajvân andan jahši-dur сл. въ сл.: „Человѣкъ бываетъ, кто̀ людей образецъ есть, человѣкъ бываетъ, кто

тельному въ подчин. предлож., напр. у Локмана: 'Allaḏî azdarajtu fî-hi, huwa allaça-nî „То, что̀ я презиралъ, оно спасло меня“ (т. е. что̀ я пр., то именно и сп. м.), что̀ напоминаетъ такіе случаи, какъ Cic. Or. I, 23, 109: Sin autem ea, quae observata sunt in usu ac tractatione dicendi, haec ab hominibus callidis ac peritis animadversa... sunt etc.

скотина его (= кого ск.) лучше есть“ (т. е. бываютъ люди образцевые, бываютъ и хуже скота). Турки такимъ-же образомъ сочиняютъ мѣст. ki кто: bâzargân, ki ondan aty-my aldym „купецъ, что̀ у него (=у котораго) мою лошадь я купилъ“; о âdam, ki onun qary-sy Fâtima ola „тотъ человѣкъ, что̀ его (=котораго) жена Фатыма есть“. Но и Татары и Турки избѣгаютъ такого образа выраженія и замѣняютъ его другими оборотами [18]). Впрочемъ это замѣчаніе прилагается въ большей или меньшей степени почти ко всѣмъ

---

[18]) Настоящіе тур. обороты: bana aty-my satmyš bâzargân мнѣ лошадь мою продавшій купецъ, о Fâtima qary-sy var olan âdam тотъ Фатыма жена его (или: у него) имѣющаяся человѣкъ. Для уразумѣнія послѣдняго примѣра необходимо замѣтить, что тур. языкъ не знаетъ родовъ, такъ что въ данномъ случаѣ возможенъ, пожалуй, и такой переводъ: тотъ Фатыма жена у него имѣющійся человѣкъ. Такимъ образомъ причастіе, замѣняющее относ. построеніе, можетъ казаться согласованнымъ съ тѣмъ словомъ, отъ котораго, по нашимъ понятіямъ, должно зависѣть относ. предложеніе. Правда, такое согласованіе противорѣчитъ смыслу; но относ. построеніе представляетъ для многихъ народовъ такія трудности, что они готовы иногда пожертвовать логикой,—только бы вышла грамматическая связь. Даже Арабы, при всемъ разнообразіи относ. конструкцій въ ихъ языкѣ, прибѣгаютъ иногда къ причастію, согласованному не съ тѣмъ словомъ, къ которому оно логически относится; напр.; ʿalaı mawlûdi la-hu rizqu al-wâlidati, что̀ переводится слово въ слово: „на родившемся ему пропитаніе родившей“, а на самомъ дѣлѣ значитъ: „на томъ, отъ кого родился ребенокъ, лежитъ обязанность“ и пр. То-же самое можно было бы выразить гораздо логичнѣе и яснѣе по выше объясненному способу: ʿAlaı man wulida la-hu waladun—„на томъ-кто родился ему ребенокъ—“. По всей вѣроятности, страд. прич. mawlûdun (рожденный) сокращено изъ выраженія man wulida, которое, будучи взято отдѣльно, въ самомъ дѣлѣ значитъ „кто родился“. Такимъ образомъ здѣсь происходитъ сдѣлка грамматической формы со смысломъ. Сюда-же относятся такіе примѣры, какъ ʿAmrûn ’al-qâtilu ’abû-hu Maχmûdân „Амру, убившій отецъ его Махмуда“ (=отецъ котораго убилъ М.) или Zajdun maqtûlun ’abû-hû „Зейдъ, убитый отецъ его“ (=отецъ котораго убитъ). И въ томъ и въ другомъ случаѣ можно допустить сокращеніе конструкціи съ ’allaδî: ʿAmrûn ’allaδî qatala ’abû-hu Maχmûdân „Амру тотъ-который убилъ отецъ его М.“, Zajdun ’allaδî qutila ’abû-hu „Зейдъ, тотъ-который былъ убитъ отецъ его“. При сокращеніи относительнаго предл. въ причастіе послѣднее по смыслу относится, конечно, къ подлежащему подчиненнаго предл., но грамматически оно связывается съ опредѣляемымъ словомъ, иначе не будетъ относ. конструкціи, которой требуетъ опять-таки смыслъ.

народамъ, употребляющимъ этотъ способъ: одни прибѣгаютъ къ опредѣленнымъ относ. мѣст., другіе, за неимѣніемъ таковыхъ, или употребляютъ иные обороты или просто говорятъ самостоятельными предложеніями: отсутствіе измѣняемыхъ относ. мѣст. есть вѣрный признакъ лишь незначительной потребности въ относительномъ построеніи. Но помимо этого сравнительно рѣдкое употребленіе этого способа можетъ быть отчасти объяснено его неудобствомъ. Въ самомъ дѣлѣ: кому изъ занимавшихся тѣми языками, которые имъ пользуются, не случалось иной разъ, хотя бы на одно мгновеніе, становиться въ тупикъ при видѣ относ. м-нія въ безразличной формѣ съ послѣдующимъ личнымъ въ косв. пад.? можетъ быть, это замѣна косвеннаго пад. относ. м-нія, а можетъ быть, и просто относительное мѣстоименіе въ имен. пад., какъ подлежащее, и личное мѣст., какъ дополненіе глагола, родительное опредѣленіе и т. п. Такое сомнѣніе вполнѣ возможно, напр. когда при мѣст. 3-го л. (самомъ употребительномъ въ этой конструкціи) глаголъ поставленъ въ 3-мъ л. и родъ личнаго мѣст. тотъ-же, что̀ опредѣляемаго слова. Эта возможность усиливается, когда имѣешь дѣло съ такимъ языкомъ, въ которомъ личное мѣст. въ значеніи подлежащаго можетъ быть опущено. Предположимъ хоть новогреческій расказъ, начинающійся прямо съ того, что нѣкто вышелъ изъ-дому; за этимъ непосредственно слѣдуетъ: Ὁ πρῶτος, ποῦ τὸν εἶδε εἰς τὸ σοκάκι, ἦτο πτωχός „Первый, что̀ его увидѣлъ на улицѣ, былъ нищій“. Читатель имѣетъ полное право спросить, кто кого увидѣлъ: нищій-ли вышедшаго изъ-дому или вышедшій изъ-дому нищаго? Само собою разумѣется, что это сомнѣніе должно разрѣшиться въ теченіе расказа; но оборотъ, который способенъ хоть не надолго возбудить сомнѣніе, не можетъ быть признанъ удобнымъ, особенно если причина этой темноты кроется въ его сущности. Ср. у Пассова 628,4: Ἔχουν καὶ δούλους εὐμόρφους ποῦ τοὺς κέρνοῦν, гдѣ только смыслъ слова δούλους показываетъ, кто кому наливаетъ. Поэтому тотъ, кто хочетъ выра-

жаться вполнѣ ясно, во многихъ случаяхъ принужденъ избѣгать этого способа. Такого рода неудобство можетъ оказаться въ одинаковой степени какъ при несклоняемыхъ относ. мѣст. (у Арабовъ и Тюрковъ), такъ и при относ. частицахъ. Но вотъ причина неясности, свойственная однимъ частицамъ. Значеніе ихъ, какъ мы видѣли, очень неопредѣленно; нѣкоторыя изъ нихъ обозначаютъ только относительную зависимость и потому переводятся, напр. по-русски, всѣми возможными относ. словами: который, кто, чтѳ, какой, когда, гдѣ, какъ, что (союзъ), чтобы, потому что и т. п. Такимъ образомъ очень легко увидѣть относ. м-ніе тамъ, гдѣ имѣется въ виду напр. союзъ и наоборотъ. Во избѣжаніе подобныхъ недоразумѣній Скандинавы ставили непосредственно передъ относ. частицей указ. м-ніе въ падежѣ того слова, отъ котораго зависитъ относ. предложеніе: Aettgôdhir men, their er ecki flyja „Благородные люди, что не бѣгутъ“ (=—люди, которые—). Въ косв. пад.: Matar ok vâdha er manni thörf, theim er hefir um fiall faridh „Пища и платье человѣку нужны, тому что ѣхалъ черезъ горы“. Такъ-же и Англосаксы, но чуть-ли не въ одномъ им. пад.: se Hengest, se the väs lâdteov „тотъ Г., тотъ что былъ вождемъ“. Дат. и род. Эттмюллеру не встрѣчались. Для обозначенія вин. пад. указательное мѣст. ставится само въ вин. пад., каковъ бы ни былъ пад. опредѣляемаго слова: mid his ealdormannum, thâ the he vîseste viste „со своими старшинами, тѣхъ что (= которыхъ) онъ зналъ за мудрѣйшихъ“, — способъ, сходный съ тѣмъ, который обыкновенно употребляется у Англосаксовъ для обозначенія косвенныхъ пад. при the, но съ другимъ порядкомъ элементовъ и съ указ. м-ніемъ вмѣсто личнаго. По-готски передъ относ. частицей ei ставится такимъ образомъ не только указ. мѣст., но и любое, напр. Корине. I, 15,9: ik ei ni im vairths, ei haitaidau apaustaulus ὃς οὐκ εἰμὶ ἱκανὸς καλεῖσθαι ἀπόστολος [19]).

[19]) Хотя Готы ставили личн. и указ м-нія всегда передъ относ. частицей, какъ Скандинавы, они все-таки обозначали косвенные пад. при ei, склоняя

Разобравъ такимъ образомъ главные способы выраженія относительной зависимости въ языкахъ не только арійскихъ, но и семитскихъ и тюркскихъ, мы запаслись данными, съ которыми мы можемъ наконецъ приступить къ разсмотрѣнію способа англо-скандинавскаго. Итакъ имѣетъ ли онъ что-нибудь общее съ предъидущими или стоитъ особнякомъ? Жолли (Curtius, Studien VI, стр. 217 слѣд.) видитъ въ немъ die einfachste Art der Hypotaxis, т. е. простое сочиненіе безъ помощи какой бы то ни было грамматической спайки, о которомъ мы говорили выше, какъ объ одномъ изъ древнѣйшихъ способовъ. Напротивъ, въ обыкновенныхъ грамматикахъ англійскаго, шведскаго и датскаго языковъ дѣло объясняется пропускомъ относ. м-нія. Принявъ послѣднее толкованіе, мы должны будемъ отодвинуть этотъ способъ въ эпоху весьма позднюю, которая предполагаетъ не только существованіе относительныхъ мѣст, но и такое развитіе относительной конструкціи и такой навыкъ въ ея употребленіи, что она могла быть понятна даже безъ своего знаменателя.

Гдѣ же истина? Вѣроятно, тамъ-же, гдѣ она бываетъ большею частью,—въ серединѣ. Прежнее общепринятое объясненіе съ перваго же взгляда возбуждаетъ къ себѣ недовѣріе тѣмъ, что оно касается не однихъ новыхъ сѣверо-германскихъ нарѣчій, но и древне-верхне-нѣмецкаго, въ которомъ трудно допустить такое позднее явленіе, не смотря на замѣчаніе Тоблера (см. прим. 11), что во всѣхъ германскихъ нарѣчіяхъ издревле существовали относ. м-нія, или, по крайней мѣрѣ, относ. частицы и относ. связь въ нихъ обыкновенно выражается. Но точно такъ-же съ перваго взгляда очевидно; что и аргументація Жолли не безгрѣшна, такъ какъ онъ смѣшиваетъ совершенно различные случаи и всѣ безъ разбора считаетъ одинаково древними. Такое смѣшеніе осо-

---

мѣст., напр. Іоанн. 13,29: bugei. thiz ei thaurbeima ἀγόρασον ὧν χρείαν ἔχομεν. См. Гримма грамм. III стр. 16.

бенно странно потому, что всѣ примѣры заимствованы имъ изъ статьи Тоблера, гдѣ они строго распредѣлены по извѣстнымъ рубрикамъ. Кромѣ того онъ часто ссылается на аналогію союзовъ, которая далеко не вездѣ приложима. Конечно, тамъ, гдѣ можетъ остаться невыраженнымъ такой важный элементъ, какъ относ. мѣст., союзъ долженъ выпускаться съ особенною лёгкостью; но дѣло въ томъ, что недостатокъ союза далеко не такъ чувствителенъ, какъ недостатокъ относ. мѣст., а потому союзъ выпускается нерѣдко и въ тѣхъ языкахъ, которые не могутъ обойтись безъ относ. мѣст. Мы напр. не говоримъ: „человѣкъ я видѣлъ“, какъ Англичане — the man I saw, но англійское I thought you would not come мы передаемъ буквально: „я думалъ, Вы не придете“. Хожд. Дан. (о горѣ Θаворѣ) „Есть же мѣста такая (: или —) по каменію лѣзти на ню. руками держася“. Даже въ образцевомъ по своей точности латинскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ разговорномъ, былъ возможенъ такойже образъ выраженія, какой мы находимъ въ этомъ древнерусскомъ примѣрѣ; см. примѣчаніе Уссинга къ Плавтову Amphitr. 952. Мало того: Жолли, по видимому, не замѣтилъ даже внѣшнихъ признаковъ разбираемаго имъ явленія. По крайней мѣрѣ, примѣръ изъ Отфрида (1,17,75): In droume si in zelitun then uueg si faran scoltun (сл. въ сл.: во снѣ они имъ расказали ту дорогу они ѣхать были должны), въ которомъ Тоблеръ будто бы переводитъ den Weg, welchen [20]), онъ толкуетъ такъ: einen Weg, sie sollten ihn — (стр. 233). Но, не говоря уже о томъ, что then и einen не одно и тоже, ihn въ подлинникѣ нѣтъ; а между тѣмъ все дѣло стало за отсутствіемъ всякаго мѣст., которое соотвѣтствовало бы относительному: будь такое мѣст. на лице, какъ по-арабски,

[20]) У Тоблера на стр. 268 читается точно: „nicht: welchen Weg, sondern: den Weg, welchen“; но всякому, кто прочтетъ внимательно отдѣлъ Verschränkung съ начала (стр. 267) и толкованія къ остальнымъ относящимся сюда примѣрамъ, станетъ совершенно очевидно, что слѣдуетъ читать наоборотъ, т. е. nicht: den Weg, welchen, sondern: welchen Weg.

не изъ чего было бы и хлопотать. Кромѣ того полемика его съ Тоблеромъ такова, что по ней можно принять послѣдняго за отчаяннаго представителя стараго взгляда, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ всячески старается уменьшить число примѣровъ съ пропущеннымъ относ. мѣст., давая имъ другое объясненіе. На его-то изслѣдованіи этого вопроса, какъ самомъ полномъ и зрѣломъ, основаны тѣ соображенія, которыя мы рѣшаемся предложить читателю, предпославъ имъ оговорку Горація:

Si quid novisti rectius istis,
Candidus imperti; si non, his utere mecum.

Всѣ древне-верхне-нѣм. примѣры, въ которыхъ какъ будто недостаетъ относ. м-нія, мы, слѣдуя главнымъ образомъ Тоблеру, подводимъ подъ четыре отдѣла:

1) Притяженіе (аттракція), подобное греческому: относ. м-ніе принимаетъ падежъ предшествующаго указ., которое можетъ остаться не выраженнымъ, но съ тою разницею, что по-греч. притяженію подвергаются только косвенные пад., а по-нѣм. также имен., что̀ нѣсколько разъ встрѣчается у Исидора de nativ. dom.; напр.: Dhanne so dhrato mihhil undarscheit ist undar dhem chiscapti chiliihnissu endi dhes izs al chiscuof=dum multum distet imago creaturae ab eo qui creavit, ближе: „тогда какъ огромная разница есть между сотвореннаго образомъ и кого (или чьимъ = того, кто) все это сотворилъ“. По-греч. такое притяженіе (καὶ οὗ вм. καὶ ἐκείνου, ὃς) было бы непонятно, потому ὅς принадлежитъ несомнѣнно и исключительно подчиненному предложенію, а для главнаго есть οὗτος, ἐκεῖνος и т. п., между тѣмъ какъ по-нѣм. ther (или dher) колеблется между тѣмъ и другимъ, такъ какъ оно значитъ и ὅς и ἐκεῖνος. Само собою разумѣется, что такая конструкція возникла еще въ тѣ времена, когда понятіе относ. м-нія было шатко; но даже и тогда, когда оно окончательно опредѣлилось, она была еще возможна при относ. м-ніяхъ вопросительнаго корня, какъ Nib. 1677, 1 L.: nu sît willekomen, swem (=dem, swer) iuch gerne siht.

2) Перемѣщеніе (Verschränkung) опредѣляемаго слова изъ главнаго предложенія въ подчиненное, гдѣ оно примыкаетъ къ относ. м-нію. По-лат. и по-русски этотъ случай тѣмъ болѣе обыкновененъ, что таково исконное положеніе опредѣляемаго при относ. мѣст. вопросительнаго корня, напр.: Quae cupiditates a natura proficiscuntur, facile explentur sine ulla iniuria (Madv. § 319); „А которая женщина или дѣвка рукодѣльна, и той дѣла указати“ (Домостр.). Съм-ніемъ указ. корня, какъ въ нѣмецкомъ языкѣ, такой порядокъ предполагаетъ уже значительный шагъ впередъ въ обращеніи съ относ. конструкціей. Такая постановка опредѣляемаго встрѣчается напр. у Отфрида 4, 24, 9: Ther man thaz giagaleizit, thaz sih kuning heizit, Ther uuiderot... themo keisero „Который человѣкъ стремится къ тому, чтобы называться царемъ, тотъ противникъ кесарю“. Самый убѣдительный примѣръ Тоблеръ приводитъ изъ средне-верхне-нѣм. памятника—Parziwal 749, 1: O wol diu wîp dich suln sehn, гдѣ diu wîp поставлено очевидно вмѣсто обыкновеннаго den wîben, diu. Сюда-же относится выше упомянутое then uueg si faran scoltun „которой дорогой они должны ѣхать“ (не косв. вопросъ, а вм. ту дорогу, которой—) и, вѣроятно, другой примѣръ изъ Отфрида 2, 14, 43: Thu mohtis, quad siu, einan ruam joh ein gifuari mir giduan, Mit themo brunnen thu nu quist, mih uuenegun gidranktist „Ты могъ бы, сказала она, славу и пользу мнѣ принести, (если) которымъ колодцемъ ты вотъ говоришь (=изъ того к., о которомъ ты г.), меня немного напоилъ бы“; здѣсь мы видимъ перемѣщеніе, осложненное притяженіемъ, что̀ напоминаетъ Ливіево quibus quisque poterat elatis. Что такой образъ выраженія тяжелъ и теменъ, о томъ не можетъ быть спора; за то и встрѣчается онъ одинъ разъ и то у Отфрида, у котораго, по выраженію Тоблера, можно найти все возможное и даже все невозможное.

И такъ въ обоихъ разобранныхъ случаяхъ относ. м-ніе оказалось на лице. Остаются еще два, гдѣ нѣтъ никакого м-нія. Вотъ они:

3) Отфр. 1, 17, 24: Ist iaman hiar in lante || es iauuiht thoh firstante? „Есть-ли кто-нибудь здѣсь въ странѣ (,кто) изъ этого что-нибудь прослышалъ бы?“ Здѣсь мы, дѣйствительно, должны вставить относ. м-ніе, потому что, какъ оно ни нужно по нашимъ понятіямъ, его нѣтъ; да нѣтъ и указ. или личнаго мѣст., при которыхъ мы могли бы назвать данный случай сочиненіемъ или, по примѣру Жолли, die einfachste Art der Hypotaxis, что̀ у него значитъ, по видимому, отсутствіе всякой Hypotaxis, по скольку она проявляется внѣшнимъ образомъ. Но внѣшній признакъ есть—отсутствіе связывающаго мѣст. Однако имѣемъ ли мы право видѣть здѣсь пропускъ относ. м-нія, какой, что ни говори, сознаетъ напр. Англичанинъ въ подобныхъ выраженіяхъ своего языка? Едвали: для такой съ перваго взгляда einfachste, а на самомъ дѣлѣ complicirteste Art der Hypotaxis необходимъ прецедентъ, по примѣру котораго она могла бы сложиться; а между тѣмъ мы застаемъ древне-верхне-нѣмецкое нарѣчіе еще въ томъ періодѣ, когда работа надъ образованіемъ относительной зависимости была покончена только въ-чернѣ и указ. м-ніе, получивъ значеніе относительнаго, какъ будто еще не совсѣмъ привыкло къ своей новой роли, такъ что нуждается подчасъ въ подпоркахъ въ родѣ thar (dar) или the (ther thar=der da и т. п. у того же Отфрида, ср. Гримм. грамм. III стр. 20 и Тоблера стр. 284 слѣд.), какъ личныя мѣст. въ томъ-же смслѣ (ih dar, dû dar=ego qui, tu qui); употребленіе вопрос. м-ній для той-же цѣли, такъ распространенное въ англ. языкѣ, въ др.-в.-нѣм. еще неизвѣстно. Такое состояніе относ. конструкціи исключаетъ и другое условіе, очевидно, необходимое для пропуска относ. м-ній, именно опошленіе ихъ вслѣдствіе навыка къ относ. связи,—навыка, до такой степени сильнаго, что она узнается безо всякаго внѣшняго признака,—по крайней мѣрѣ, положительнаго, и что становится возможнымъ такое заключеніе: здѣсь связи нѣтъ, ergo—здѣсь относ. связь. На основаніи такихъ соображеній мы оставимъ до времени въ сторонѣ теорію эллипсиса и поищемъ другаго объясненія.

Приведенный выше примѣръ состоитъ логически изъ двухъ сужденій (или предложеній): a) ist iaman hiar in lante? и б) iaman hiar in lante es iauuiht thoh firstante. Сопоставивъ эти сужденія, мы получимъ die einfachste Art и притомъ не der Hypotaxis, но der Parataxis. Мало того: этотъ способъ до такой степени простъ, что онъ почти не мыслимъ для языка съ какими бы то ни было мѣстоименіями; но за отсутствіемъ именно такого мѣст., какое въ данномъ случаѣ нужно, т. е. относ., въ головѣ почти первобытнаго человѣка, непривыкшаго справляться съ двумя мыслями разомъ, могло мелькнуть и такое соединеніе, но только мелькнуть въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ, безъ точнаго разграниченія обоихъ сужденій, такъ какъ конецъ перваго и начало втораго совершенно тождественны. Это недоумѣніе въ виду двухъ мыслей—различныхъ и въ то-же время заключающихъ въ себѣ нѣчто общее, черезъ которое онѣ какъ будто переливаются одно въ другое, и сказалось въ языкѣ однократнымъ выраженіемъ этого общаго. Первоначально такое соединеніе должно было исключать всякую мысль о какой бы то ни было межѣ: оба сужденія составляли „плоть едину“. Но языкъ любитъ отчетливость и опредѣленность: онъ не допускаетъ безразличныхъ хаотическихъ массъ, и то, что могло существовать въ представленіи, какъ rudis indigestaque moles, должно въ словесномъ выраженіи такъ или иначе расчлениться. Поэтому и относительно настоящаго случая въ сознаніи говорящаго долженъ былъ возникнуть вопросъ: которому изъ двухъ сужденій присудить неподѣленную часть, чтобы сужденія превратились въ предложенія? Для Отфрида этотъ вопросъ, по видимому, рѣшенъ: по крайней мѣрѣ, та часть, передъ которой мы поставили бы относ. м-ніе, можетъ у него помѣщаться не въ одномъ стихѣ съ первою, что́ мы и обозначили въ приведенномъ выше двустишіи двойной раздѣлительной чертой. Такимъ образомъ Отфридъ помѣщалъ прежде общую обоимъ сужденіямъ часть въ первомъ изъ двухъ стиховъ, какъ принадлежащую первому сужденію, став-

шему вслѣдствіе этого предложеніемъ; слѣдовательно остатокъ втораго сужденія (=2-е сужд. — общая часть) также долженъ былъ представляться ему предложеніемъ, но какимъ? Конечно,—тѣсно прилегающимъ къ первому предложенію, неразрывно связаннымъ съ нимъ, пожалуй даже—зависящимъ отъ него, но едва-ли подчиненнымъ, а еще менѣе—относительнымъ при такомъ слабомъ развитіи относ. связи вообще. Само собою разумѣется, что такой способъ соединенія могъ возникнуть только при совершенномъ тождествѣ общаго члена двухъ сужденій, т. е. между прочимъ при одинаковости падежа; правда, есть уклоненія отъ послѣдняго условія, но они объясняются ложной аналогіей, возникшей тогда, когда истинное происхожденіе этого оборота было забыто. Къ тому-же эти уклоненія чуть-ли не ограничиваются сліяніемъ им. падежа съ вин., какъ Otfr. 2, 4, 103: Ellu thisu redina || wir hiar nu scribun obana „Вся эта рѣчь (,что) мы здѣсь вотъ писали выше“.—Но прежде, чѣмъ заключимъ этотъ отдѣлъ, не безполезно указать на слѣдующіе два примѣра, которые какъ будто противорѣчатъ предъидущимъ соображеніямъ. а) Отфр. 1,1,93: Nist untar in thaz thulte, thaz kuning iro unalte „Не есть (=нѣтъ) между ними (,кто) это терпѣлъ бы, чтобы король надъ ними властвовалъ“. Мы не можемъ разложить слова nist untar in thaz thulte на два сужденія съ общимъ членомъ: его-то и не достаетъ. Но возьмемъ другой примѣръ съ отрицаніемъ (1,17,1): Nist man nihein in uuorolti || thaz saman al irsageti „Не есть человѣкъ ни одинъ на свѣтѣ (,кто) это вмѣстѣ все высказалъ бы“. Здѣсь мы находимъ опять два сужденія: nist man nihein in uuorolti и man nihein in uuorolti thaz saman al irsageti съ общимъ членомъ man nihein in uuorolti. Подобный общій членъ скрывается, очевидно, и въ предъидущемъ примѣрѣ: это и есть man nihein или, короче, niaman (никто), которое легко подразумѣвается при отрицаніи. б) Отфр. 1,6,13: Allo uuihi in uuorolti || thir gotes bodo sageti, Sie quement, so gimeinit, ubar thin houbit „Всѣ блага на свѣтѣ (,которыя) тебѣ Божій вѣстникъ назы-

валъ бы (=ни наз.), они приходятъ... на твою голову". Здѣсь также два сужденія съ общимъ членомъ, но они не разнимаются непосредственно, потому что нарушенъ естественный порядокъ: ubar thin houbit quement *allo uuihi in uuoroltı* thir gotes boto sageti, гдѣ общій членъ представляется по отношенію къ первой части въ им. пад., а ко второй—въ вин.; но эту двойственность выдаетъ смыслъ, а не грамматическая форма, которая въ данномъ случаѣ одинакова для обоихъ пад. При возстановленіи естественнаго порядка у насъ оказывается лишнимъ мѣст. sie, представляющее allo uuihi. Причина всего этого безпорядка — риторическая; это важно въ томъ отношеніи, что показываетъ возможность перестановки по произволу, а такая возможность мыслима лишь въ томъ случаѣ, если данный оборотъ пересталъ быть случайнымъ или условнымъ и окончательно усвоенъ сознаніемъ говорящаго, какъ законный и не нуждающійся въ смягчающихъ обстоятельствахъ. Тѣмъ не менѣе онъ не могъ вполнѣ приняться въ др.-в.-нѣм., гдѣ онъ оставался какимъ-то неосмысленнымъ обломкомъ старины; онъ сталъ вполнѣ понятнымъ лишь тогда, когда онъ былъ перетолкованъ въ смыслѣ относ. подчиненія, а это должно было случиться гораздо позже, въ эпоху полнаго развитія относ. конструкціи, т. е. въ языкахъ позднѣйшихъ.

4) Ludwigslied 1: Einan kuning uueiz ih, heizit her Hluduuîg „Одного короля знаю я, зовется господиномъ Хлудвигомъ". Такъ и въ ср.-в.-нѣм., напр. въ Физіологѣ: In demo mere ist einez, heizet serra „Въ морѣ есть нѣчто, называется serra" и т. п. Пропущено ли въ этихъ примѣрахъ относ. мѣст.? Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, сравнимъ съ ними однородныя славянскія выраженія — Сахаровъ, пѣсни пляс. 4: „Я потѣшу ль молодца; Я за то его потѣшу, Что одинъ сынъ у отца, Уродился въ удальца, Зовутъ Ванюшкою Пивоварушкою". Метлинск. стр. 445,32: „Був соби козак Голота, Не боявся ни огня, ни воды, ни лыха, ни всякого болота". Бѣлорусская пѣсня: „Ёсь (=есть) у мене маладзецъ, Дамо-

юхны (=до дому) давядзець". Изъ этихъ примѣровъ развѣ въ послѣднемъ можно добавить относ. м-ніе, но точно такъ-же можно обойтись и безъ него; что-же касается остальныхъ, то чутье намъ подсказываетъ, что въ нихъ точно пропущено мѣст., но не относ., а личное, которое слѣдовательно подразумѣвается и въ бѣлорусскомъ примѣрѣ. Такія-же соединенія встрѣчаются и въ латинскомъ языкѣ, напр. Verg. Aen. I 12: Urbs antiqua fuit, Tyrii tenuere coloni, Karthago; III 13: Terra procul vastis colitur Mavortia campis, Thraces arant, acri quondam regnata Lycurgo; Ovid. Fast. IV 939: Est Canis, Icarium dicunt, quo sidere nato Tota sitit tellus; сложнѣе Prop. V, 4,73: Urbi festus erat, dixere Parilia patres, Hic primus coepit moenibus esse dies, Annua pastorum convivia, lusus in urbe etc. Такія опредѣлительныя предложенія разсматривались Римлянами, конечно, не какъ относительныя, а какъ независимыя, заключенныя въ скобки. Оборотъ этотъ считался у нихъ поэтическимъ и, очевидно, былъ заимствованъ ими у Грековъ; но каковъ-же его греческій первообразъ? см. Одисс. IV 354: Νῆσος ἔπειτά τις ἔστι πολυκλύστῳ ἐνὶ πόντῳ, Αἰγύπτου προπάροιθε, Φάρον δέ ἑ κικλήσκουσι, Τόσσον ἄνευθ', ὅσσον τε и т. д., гдѣ мы находимъ полное вводное предложеніе съ личнымъ м-ніемъ въ качествѣ дополненія. Этотъ способъ не слѣдуетъ смѣшивать съ предъидущимъ, т. е. подразумѣвать не личное мѣст., а прямо то слово, котораго оно служитъ представителемъ. Это невозможно потому, что опредѣляемое можетъ не совпадать съ опущеннымъ мѣст. не только въ падежѣ (что видно изъ др.-в.-нѣм. и изъ русскаго примѣра), но и въ степени опредѣленности, потому что предметъ рѣчи является во второмъ предложеніи уже извѣстнымъ. Такимъ образомъ въ соединеніи этого рода Wir sahen bî dem fiure ein tierli, was gehiure мы не можемъ смотрѣть на *ein* tierli, какъ на общій членъ, потому что во второмъ предложеніи пришлось бы его повторить въ видѣ *daz* tierli (тотъ звѣрокъ, котораго мы увидѣли у огня), тогда какъ м-ніе въ этомъ случаѣ безразлично. Но по че-

му же оно выпускается? Очевидно, вслѣдствіе особенно тѣсной связи двухъ предложеній, которую мы выразили бы, пожалуй, посредствомъ относ. м-нія, но что это связь не относительная, видно 1) изъ невозможности добавить относ. мѣст. во многихъ изъ принадлежащихъ сюда примѣровъ, 2) изъ того, что она употребительна и въ тѣхъ языкахъ, въ которыхъ относ. мѣст. никогда не выпускается. Кромѣ того относ. м-ніе не нужно для такихъ урѣзанныхъ предложеній по самой ихъ сущности: исконное ихъ назначеніе—не опредѣлять предметъ, а только указывать на одинъ изъ его признаковъ. Поэтому такого рода характеристика приложима къ *нѣкто*, *нѣчто*, къ предмету неопредѣленному (ein), который до времени такъ и можетъ остаться неопредѣленнымъ. Такое выраженіе, какъ Wolfdietr. 960,3: Mit hundert tûsend heiden, het er bracht in daz lant, кажется неловкимъ не потому, что м-ніе подразумѣвается не въ имен. пад.—вин. одинаково возможенъ въ этомъ построеніи — ,но потому, что второе предложеніе опредѣляетъ то слово, къ которому относится, т. е. имѣетъ въ виду отличіе предмета отъ другихъ ему подобныхъ, а не его характеристику, какъ такую. Въ томъ-же отношеніи нѣсколько грѣшитъ и бѣлорусскій примѣръ; оттого-то въ немъ и можно было бы добавить не только личное, но, пожалуй, и относ. мѣст. Но у Славянъ такіе случаи составляютъ, конечно, исключеніе, объяснимое небрежностью,—тѣмъ болѣе, что и самая конструкція никогда не сознавалась ими, какъ особенный, постоянный оборотъ, тогда какъ въ ср.-в.-нѣм. нарѣчіи она получила право гражданства, а потому и приложеніе ея должно было расшириться, т. е. во многихъ случаяхъ совпасть съ функціями относ. м-ній. Этимъ расширеніемъ объясняются такіе примѣры, какъ заглавія басенъ Бонера Von einer wisel wart gevangen, Von einem slangen was gebunden, совершенно невозможные напр. въ нашемъ языкѣ, или даже такіе, какъ Dietr. 1 Ausf. 2: Wol achzig ritter unverzeit, Im hulfen dick aus nöten, Gab im zu steur die künigin her „Восемьдесять отважныхъ рыцарей,

(которые) его выручали часто изъ бѣдъ, дала ему въ дань царица“ или Reinhart (Генриха der Glîchesaere) 1239 Gr.: Diz geschach in eime lantvride, Den hât geboten bî der wide Ein lewe, was Vrevel genant, Gewaltec über daz lant „Это случилось во время земскаго мира, который предписалъ подъ страхомъ висѣлицы одинъ левъ, (который) былъ Фрефелемъ называемъ, властвующій въ этой странѣ“. Въ двухъ послѣднихъ примѣрахъ предложенія того рода, о которомъ идетъ рѣчь, вставлены между частями главныхъ, т. е, сравнены съ подчиненными, откуда недалеко признаніе ихъ относительными. Впрочемъ такое смѣлое вторженіе въ область относ. мѣстоименій, какое представляетъ предпослѣдній примѣръ, принадлежитъ и въ ср.-в.-нѣм. нарѣчіи къ числу исключеній.

И такъ въ др.-в.-нѣм. нарѣчіи всѣ тѣ случаи, которые прежде принято было объяснять пропускомъ относ. м-ній, допускаютъ иное толкованіе, что̀ при первобытности этого нарѣчія говоритъ, по нашему мнѣнію, прямо противъ теоріи эллипсиса. Само собою разумѣется, что въ послѣдующемъ изложеніи мы будемъ обращать вниманіе только на тѣ случаи, которые относятся къ отдѣламъ 1, 3 и 4, такъ какъ отдѣлъ 2 не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ занимающимъ насъ вопросомъ; впрочемъ и 1 связанъ съ нимъ часто внѣшнимъ образомъ. Изъ важныхъ для насъ отдѣловъ ср.-в.-нѣм. нарѣчіе усвоило себѣ 1 и особенно 4, который, какъ мы видѣли, достигъ въ немъ бо́льшаго развитія, чѣмъ въ др.-в.-нѣм., вѣроятно, благодаря отчасти вліянію уже сложившейся относительной конструкціи, отчасти, быть можетъ, смѣшенію съ 3. Но и въ ср.-в.-нѣм. мы еще не имѣемъ права отождествить эти остатки старины съ относительною связью, потому что примѣры, которые могли бы дать намъ это право, очень не многочисленны сравнительно со случаями правильнаго примѣненія 4 способа съ одной стороны и употребленія относ. мѣстоименій съ другой. Извѣстно, что въ ново-в.-нѣм. нѣтъ ничего похожаго на пропускъ относ. мѣст. За то, какъ было сказано выше, въ англійскомъ и новоскандинавскихъ языкахъ

произошло положительное смѣшеніе старинныхъ способовъ сочиненія съ относ. подчиненіемъ. Правда, этихъ способовъ (за исключеніемъ, быть можетъ, четвертаго въ самомъ умѣренномъ примѣненіи) мы не встрѣчаемъ ни въ англо-саксонскихъ, ни въ древне скандинавскихъ памятникахъ; но едвали это можетъ служить доказательствомъ противъ существованія самыхъ оборотовъ въ названныхъ языкахъ, такъ какъ памятники ихъ относятся уже къ тому времени, когда они были литературно разработаны. Вѣдь не встрѣчаемъ же мы этихъ оборотовъ и въ пѣснѣ о Нибелунгахъ, а между тѣмъ они отзываются въ ср.-в. нѣм. еще много времени спустя; это объясняется только ихъ существованіемъ въ народѣ, откуда они и проникали отъ времени до времени въ письменность, смотря по вкусу и образованію ея представителей. Если они, не смотря на это, не принялись въ ново-в.-нѣм. такъ, какъ въ сѣверо-германскихъ языкахъ, т. е. не слились съ относительной конструкціей, то на это были, конечно, особыя причины, которыхъ слѣдуетъ искать въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія языка. Таковы были, можетъ быть, склонность ново-в.-нѣм. къ періодическому построенію, которое требуетъ вполнѣ ясныхъ признаковъ относительной связи, и особенный порядокъ словъ въ подчиненныхъ предложеніяхъ, противоположный тому, который соблюдался при старинномъ способѣ, какъ основанномъ на сочиненіи. Какъ бы то ни было, мы должны предположить существованіе такихъ оборотовъ и въ англосаксонскомъ и въ древне-скандинавскомъ языкахъ, разумѣя, конечно, существованіе до литературное, не вполнѣ прекратившееся и по образованіи литературной рѣчи. Не знаю, встрѣчаются ли примѣры пропуска относ. м-ній въ такъ называемомъ middle-saxon, но изъ позднѣйшаго скандинавскаго Тоблеръ приводитъ ихъ нѣсколько (стр. 279 и 280). По всей вѣроятности, это слѣды, такъ сказать, подпольной жизни этихъ оборотовъ; но если бы и не было этихъ слѣдовъ, она достаточно доказывается тѣмъ, что пропускъ относ. м-ній въ англійскомъ и ново-сканд. языкахъ

развился въ особенное грамматическое правило: это было бы невозможно, если бы почва не была подготовлена къ тому изстари какими-нибудь иными, но до нѣкоторой степени сходными явленіями. Въ самомъ дѣлѣ значительная часть случаевъ, связанныхъ съ этимъ правиломъ, сводится на выше указанные старинные обороты. Для краткости ограничимся англійскимъ языкомъ. 1) Настоящаго притяженія по-англ. быть не можетъ за отсутствіемъ склоненій; но сюда можно отнести тѣ случаи, когда вмѣсто указ. м-нія и относ. того-же корня ставится одно изъ нихъ, но которое именно, трудно рѣшить вслѣдствіе ихъ тождества. Такой примѣръ есть уже въ ср.-в.-нѣм.: Daz ich singe owê von der (=von der, der) ich iemer dienen sol. По англ. Percy I p. 132 v. 55: And pleased him with that she had (=гомер. χαριζομένη παρεόν των). Съ нарѣчіемъ: til ye be there you lest=гдѣ вамъ угодно быть (Chaucer). Сюда могутъ относиться такіе союзы, какъ англ. after that послѣ того какъ, голл. omdat потому что, нѣм. nachdem послѣ того какъ,—послѣднее съ настоящимъ притяженіемъ: nach dem daz (дат. и имен. пад.). [21]) 2) Благодаря

---

[21]) Совершенно такія-же соединенія употребительны въ ново-греч. языкѣ, напр. въ поученіи Алексія Комнина (у Вагнера Carm Graeca) 43: *στίχους ἐκ τοὺς ἠγάπας* „стихи изъ (такихъ,) какіе ты любилъ“; но сравненіе съ такими примѣрами, какъ слѣдующій стихъ Карачучи: Ἀλλ᾽ *ἀνάθεμα εἰς ἴσους τοῦ διαμεύουσι τὰς χεῖρας*, ясно показываетъ, что по-греч. пропускается указ. м-ніе. За пропускъ того-же м-нія говоритъ аналогія древне-греческаго и латинскаго языка съ романскими нарѣчіями (ἐξ οὗ, ex quo, dès que и т. п.). Весьма вѣроятно, что подобные примѣры въ германскихъ нарѣчіяхъ объясняются также пропускомъ указ. м-нія, но такъ ли слѣдуетъ смотрѣть на такіе союзы, какъ перечисленные въ текстѣ, въ томъ можно сомнѣваться, такъ какъ есть указанія на то, что при нихъ пропущено относ. м-ніе, какъ въ нашемъ простонародномъ *потому* вм. *потому что*. Ср. Rieger, Altsachsische u. Angelsachs. Verskunst въ Zeitschrift f. deutsche Philol. VII стр. 35, гдѣ этотъ пропускъ объясняется тѣмъ, что то слово главнаго предложенія, которое указываетъ на придаточное и находится непосредственно передъ нимъ, „лежитъ не по ею, а по ту сторону синтактической паузы, отдѣляющей главное предложеніе отъ придаточнаго, и относится къ ритмической массѣ (betonungsmasse) не перваго, а послѣдняго“ Это тонкое наблюденіе оправдывается не только на германскихъ нарѣчіяхъ, но и на многихъ другихъ языкахъ.

отсутствію склоненія, сюда можно причислить случаи съ опредѣленнымъ членомъ, какъ the man I saw=quem hominem vidi вм. homo, q. v.; но точно ли ихъ слѣдуетъ объяснять такъ, а не иначе,—это, конечно, остается подъ сомнѣніемъ. 3) и 4) (повидимому смѣшаны). Выше приведенный примѣръ: He bar a bende bow in his hande, Was made of trusti tre можно поставить на ряду съ такими, какъ In demo mere ist einez (стр. 47), но иные поразительно напоминаютъ 3-й отдѣлъ, напр. слѣдующій изъ одной баллады о Робинъ-Гудѣ (Richard of the Lee): There is no man in this countrie May hold this good knight's lands; ср. nist man nihein in uuorolti (стр. 46). Но всѣ эти случаи были впослѣдствіи истолкованы народнымъ сознаніемъ въ смыслѣ пропуска относ. м-нія, что̀ должно было съ одной стороны расширить ихъ приложеніе, съ другой—нѣсколько ограничить его, такъ какъ всякая вольность при переходѣ или, пожалуй, даже расширеніи въ правило неизбѣжно опредѣляется, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ограничивается. Такимъ образомъ эти старинные обороты, заимствовавъ новый смыслъ у относ. м-ній, отплатили имъ тѣмъ, что содѣйствовали ихъ опущенію.

Другое обстоятельство, благопріятствовавшее тому-же процессу, заключается въ частой замѣнѣ относ. м-ній частицами. Значеніе ихъ, какъ было уже сказано, въ высшей степени неопредѣленно и, слѣдовательно, слабо: это не *который*, не *кто*, не *гдѣ*, не *когда*, не *какъ* и даже не *что*, а какой-то̀ неуловимый значекъ относительности, какъ отвлеченнаго понятія, не связаннаго ни съ какой категоріей исключительно или даже преимущественно. Между прочимъ онѣ употребляются и въ смыслѣ союзовъ (что, чтобы), которые, какъ извѣстно, легко опускаются. У Скандинавовъ относ. частицы er и sem были употребительнѣе, чѣмъ настоящее мѣст. (указ. или вопрос.). До какой степени эти частицы износились, видно изъ того, что по-исландски ихъ можно, пожалуй, поставить и въ концѣ предложенія, т. е. тамъ, гдѣ онѣ ужь ненужны, какъ въ стихѣ Сигурда Пе-

турсона: Sâ, hlô i dag er, â morgun graetr „Тотъ, смѣялся сегодня что̀ (или: который), завтра плачетъ“ [22]). Въ англійскомъ языкѣ можно прослѣдить по различнымъ родамъ слога, что, чѣмъ кто чаще замѣняетъ относ. м-нія частицей that или as [23]), тѣмъ чаще онъ оставляетъ относ. связь не выраженной, и наоборотъ эта неточность встрѣчается рѣже у того, кто предпочитаетъ относ. м-нія частицамъ. Другимъ доказательствомъ участія послѣднихъ въ опущеніи знака относ. связи служитъ мѣсто, которое занимаютъ при этомъ предлоги. Мы видѣли уже, что предлогъ, относящійся къ невыраженному относ. мѣст., ставится (какъ по-англ., такъ и въ ново-сканд. языкахъ) послѣ глагола—непосредственно или посредственно, смотря по обстоятельствамъ: the person I am looking at, the book you have spoken of и т. п. Такое положеніе предлога допускается при which и who только въ видѣ исключенія,—вѣроятно, при извѣстныхъ условіяхъ, о которыхъ, впрочемъ, въ обыкновенныхъ учебникахъ нѣтъ и рѣчи; но при that оно обязательно: the person that I am looking at, а не at that I am l. Такъ-же и въ англос.

---

[22]) Само собою разумѣется, что частица должна стоять во главѣ подчиненаго предложенія (если только мѣст., показывающее падежъ, не находится передъ нею, какъ въ готскомъ), такъ какъ при ея неопредѣленности все то, что ей предшествуетъ, легко можно принять за часть другаго предложенія. Исключенія возможны лишь при особенныхъ условіяхъ, напр. Pass. 251, 21 Ἕνας Λατῖνος τὸ σκυλὶ, τὸ χέρ' ποῦ νὰ τοῦ πέσῃ „Одинъ Латинянинъ собака, рука что чтобы его отвалилась“ (=у котораго чтобъ рука отвалилась!), гдѣ относ. предложеніе отдѣлено отъ предшествующихъ словъ цезурой. То-же смягчающее обстоятельство, подкрѣпленное риѳмой, въ балладѣ Lord Soulis (Walter Scott, Minstrelsy of the Scottish border): Save a pyat, on a turret that sat. Pass. 265,3 относ. предложеніе въ другомъ стихѣ.

[23]) As въ смыслѣ относ. частицы встрѣчается нерѣдко въ старинныхъ памятникахъ, напр. у Чосера: There, as my heart is set, there will I wive. He came a night alone there, as she lay. I will no thing ne n' ill (=nor never will) no thing certain, But as you list. Если as встрѣчается съ такимъ значеніемъ въ нынѣшнемъ литературномъ языкѣ, то во всякомъ случаѣ къ нему присоединяется теперь оттѣнокъ качественности, напр. such a discovery as will enrich the town=eiusmodi inventum, quod urbem ditaturum sit.

при част. the: thät hveól the Ixion väs tô gebunden „то колесо, что Иксіонъ былъ къ привязанъ“; но tô tham I. v. g. „къ которому И. б. п.“. Тоже самое и въ др.-сканд., по крайней мѣрѣ въ позднѣйшую пору, напр. Dieterich Altnord. Lesebuch стр. 105,2: thâ viliom ver nû trûa â thann Gudh, sem thû trûir â „Въ такомъ случаѣ мы увѣруемъ въ Бога, что ты вѣруешь въ“ (=въ котораго ты в.). Тамъ-же стр. 117,2: Fridhthiofr... maelti til Biarnar, er hann tefldhi vidh „Фридтіофъ сказалъ Бьярну, что онъ игралъ въ кости съ“ (=съ которымъ онъ и т. д.). Есть еще одна точка соприкосновенія между пропускомъ относ. м-ній и употребленіемъ частицъ: въ такихъ случаяхъ, какъ in the direction they came, in the manner you did, in the best wise he can, если не принимать въ нихъ Verschränkung (отдѣлъ 2), что едва-ли возможно безъ натяжки, приходится признать пропускъ м-нія вмѣстѣ съ предлогомъ; но извѣстно, что частица сама по себѣ въ силу неопредѣленности своего значенія можетъ отвѣчать за м-ніе и за предлогъ вмѣстѣ, какъ у Расина: Me voyoit-il de l'oeil qu'il (=duquel il) me voit aujourd'hui? См. Diez III стр. 379. Въ этомъ случаѣ частица подходитъ близко къ союзу; см. тамъ-же стр. 378. Вспомнимъ, что и въ ср.-в.-нѣм. употреблялась частица sô, какъ впослѣдствіи она-же и кое-гдѣ wo; но литературный ново-в.-нѣм. языкъ знаетъ только опредѣленныя м-нія и нарѣчія.

Случаи пропуска относ. спайки попадаются и въ другихъ языкахъ, хотя въ послѣднихъ они рѣдки и какъ бы случайны, что объясняется отсутствіемъ аналогій, хотя бы и ложныхъ, на предшествующихъ ступеняхъ ихъ развитія. Такіе примѣры есть уже въ еврейскомъ, какъ va-jjippôl bĕ-šaχa jiph'al „и падаетъ въ яму дѣлаетъ“ (=которую роетъ), но это случай рѣдкій. Чуть-ли не чаще это явленіе встрѣчается въ новогреч. Такъ въ извѣстной комедіи Визáнтія Βαβυλωνία, именно тамъ, гдѣ говоритъ малоазійскій Грекъ, напр. III 4: Ποιὸς εἶναι πρὲ, φωνάζει γιὸ γιό; „кто есть, эй, кричитъ йо йо? “ (=quis est, qui clamat io?), какъ тамъ-же 6: Ποιὸς εἶναι,

σκοτεινὰ φωνάζει ἀλοὶ ἀλοί; Впрочемъ кромѣ ποῦ въ этихъ примѣрахъ можетъ быть подразумѣваемо καί (см. стр. 18) или, какъ въ отдѣлѣ 4, личное мѣст. Послѣднее толкованіе примѣняется къ Pass. 45 a, 24: Ἐδῶν' Ἀνδροῦτσος ξακουστὸς, Ἀνδροῦτσος ξακουσμένος, Ποτὲ Τούρκους δὲν σκιάζεται οὔτε καὶ Ἀρβανίταις „Здѣсь Андруцо славный, Андруцо прославленный, никогда Турокъ не боится, ни-же Арнаутовъ", если только не слѣдуетъ вмѣстѣ съ Пассовомъ раздѣлить эти два предложенія точкой; сравни впрочемъ 514,20: Κ' ἐγῶμ' ὁ Γιάνης ξακουστὸς, Γιάνης ὁ ξακουσμένος, Ποῦ τὰ σκοτώνω τὰ στοιχειὰ 'ς τὴ μέσ' ἀπὸ τὸν κάμπο „И я Иванъ славный, Иванъ прославленный, что ихъ убиваю, духовъ, середи поля" (въ открытомъ полѣ?). Но едва-ли можно съ нимъ согласиться, когда онъ ставитъ точку въ 81,23—мѣстѣ аналогическомъ, но съ другимъ пад.: Ἐγῶμ' ὁ Τσάρας ξακουστὸς, ὁ Τσάρας ξακουσμένος, Τρέμουν ἡ χώραις καὶ χωριὰ, τρέμει τὸ Σαλονίκι „Я Цара славный, Цара прославленный, трепещутъ города и деревни, трепещетъ Солунь": здѣсь, повидимому, подразумѣвается личное мѣст., если не прямо относ.; сравни 94,10: Ἐγῶμ' ὁ ἀνδρειομένος, τ' Ἀνδριανόπουλο, Ποῦ τρέμει ὁ κόσμος ὅλος κι ὅλα τὰ χωριά. Личное м-ніе возможно подразумѣвать въ трапезунтской пѣснѣ 482,3: Ἐπῆραν καὶ τὴν μάναν μου, στ' (σ' ?) ἐμὲν ἔμπαιδος ἔτον „Взяли и мою мать, мной беременна была"; но такое объясненіе было бы уже очевидною натяжкой относительно 547,2: Μαῦρο 'ν' καὶ τὸ γαρούφαλο, πουλιέται μὲ τὸ δράμι „Черна и гвоздика, продается по драхмѣ", гдѣ, судя по пословицѣ: Τὸ γ. εἶναι μ., μὸν (но) π. μὲ τὸ δ., пропущенъ союзъ; кромѣ того 647,7: Τέσσερα κάντουν' (?) 'χει ὁ σταυρὸς, κρέμεται 'ς τὸ λαιμό σου „Четыре угла имѣетъ крестъ, виситъ на твоей шеѣ", и Wagner XVII 575: Δεικνύει καὶ τὸ ψυχικὸν τῆς ἔδωκεν ὁ ἄρχος „Показываетъ и милостыню, ей далъ бояринъ"—примѣры, живо напоминающіе ist iaman hiar in lante и т. п. Pass. 433,9 недостаетъ, кажется, нарѣчія. Иногда обѣ конструкціи—и сокращенная и полная—встрѣчаются рядомъ, напр. 176,12: Εἶδα τὸν ἥλιο ὁπῶλαμψε καὶ τὸ

φεγγάρ' ἀστράφτει, Εἶδα καὶ τ'ἄσπρο σου βυζὶ ποῦν' ἄσπρο σὰν τὸ χιόνι „Я видѣлъ солнце, что блеснуло, и мѣсяцъ сверкаетъ, я видѣлъ и бѣлую твою грудь, что бѣла какъ снѣгъ", гдѣ τὸ φεγγάρι едва-ли можно принять за им. падежъ. 595,4, гдѣ говорится о заснувшемъ молодцѣ (παλληκάρι): Κανεὶς δὲν ἀποκότησε νὰ πᾷ νὰ τὸ ξυπνήσῃ, Μόνον κόρη τὸν ἀγαπᾷ κι ὁποῦ καλὸν τὸν θέλει „Никто не осмѣлился пойти его разбудить,— только дѣвушка его любитъ и что желаетъ его себѣ въ мужья (?)" [24]).

Нѣсколько примѣровъ того-же явленія въ романскихъ нарѣчіяхъ приводитъ Дицъ III стр. 368 и Тоблёръ стр. 282, и при томъ не только такихъ, какъ Маккіавеллевское di qui nasce quello ho detto „изъ того возникаетъ то (,что) я сказалъ", гдѣ можно было бы, хоть и не безъ натяжки, думать о пропускѣ личнаго мѣст. по аналогіи случаевъ 4-го отдѣла; но есть и такіе, гдѣ ясно не достаетъ относ. м-нія, какъ французскій: Mal ait, por ceu vos arait en vilté „Худо да будетъ (тому, кто) за это сталъ бы презирать васъ!"

Нечего и говорить, что всѣ случаи пропуска относ. м-ній, особенно въ тѣхъ языкахъ, которыхъ прошедшее не представляло для этого прецедентовъ, объясняются отчасти небрежностью, производящею, какъ извѣстно, самыя произвольныя сокращенія. Стоитъ только вспомнить, во что превратились наконецъ нѣкоторыя общеупотребительныя формулы именно потому, что, расчитывая на ихъ извѣстность, мы не находимъ нужнымъ произносить ихъ отчетливо, напр. нѣмецкое привѣтствіе: Ich wünsche dir (euch, Ihnen) einen guten Morgen,

---

[24]) Не ручаясь за вѣрность такого перевода, я считаю нужнымъ указать на примѣръ, какъ мнѣ кажется, аналогичный словамъ καλὸν τὸν θέλει, именно Pass. 176,17. Ἐγὼ δὲν θέλω ψυχογιός вм. νὰ εἶμαι ψυχογιός σου (быть твоимъ пріемышемъ). Что касается всего стиха, то грамматически полная его форма читается у Кинда Neugriech. Anthologie (Leipzig 1847) стр. 46: Ἡ κόρη ποῦ τὸν ἀγαπᾷ, ἡ κόρη ποῦ τὸν θέλει. Сюда-же относится третье мѣсто изъ Вавилоніи III 4: Ἔτζι γράφουνε ἀναφορά, ὄχι τροπάρι ἔγραψες ἐσύ, если только оно значитъ: такъ пишутъ просьбу, а не тропарь (,что или: какой) написалъ ты. Здѣсь все зависитъ отъ знаковъ препинанія.

которое въ устахъ берлинскаго простолюдина звучитъ: Morgen или даже Mo'jn, или ит. che cosa?, сократившееся въ cosa? — случай, особенно поучительный при занимающемъ насъ вопросѣ, такъ какъ и здѣсь опущено характеристическое мѣст. Само собою разумѣется, что поступать такимъ образомъ съ конструкціей можно лишь тогда, когда она сдѣлается до такой степени общеизвѣстною и привычною, что въ отсутствіи грамматической связи всякій почуетъ именно ту связь, которую разумѣетъ говорящій; потому-то, какъ мы замѣтили, пропускъ относ. м-ній совершенно не мыслимъ въ языкѣ еще не сложившемся. Но, помимо склонности выражаться кое-какъ, свойственной роду человѣческому вообще, въ языкахъ еврейскомъ и ново-греческомъ и романскихъ нарѣчіяхъ есть особенныя причины небрежности въ этомъ отношеніи: и въ нихъ, какъ мы видѣли, сильно развито употребленіе относ. частицъ—ποῦ, 'ašer, que или che; о пропускѣ послѣднихъ въ смыслѣ союзовъ см. Diez III 340 слѣд., 344,351,378,400 и особенно 381—переходъ къ мѣст. [25]). Кромѣ того относ. связь, по свидѣтельству спеціалистовъ, остается иногда не выраженной въ нарѣчіяхъ кельтскихъ и въ языкѣ литовскомъ, въ которыхъ я тѣмъ болѣе затрудняюсь обсуждать это явленіе, что у меня нѣтъ подъ рукой достаточнаго матеріала. Но и они едва-ли составляютъ въ этомъ случаѣ исключеніе: въ кельтскихъ нарѣчіяхъ знаменателемъ относ. связи служитъ частица (*a*), а не мѣстоименія; въ литовскомъ же, сколько мнѣ извѣстно, относ. связь обыкновенно выражается, и при томъ настоящими относ. мѣст. (или нарѣчія-

[25]) Какъ изъ пропуска союза (ср. стр. 41) можетъ возникнуть ложная аналогія для пропуска относ. м-нія, наглядно выясняется такими примѣрами, какъ Jeannaraki, Kreta's Volkslieder (Leipz. 1876) 255,3 (парень жалуется на свою мать): Ἐπῆρέ μου μιὰ γυναῖκα, Τρώει πίνει ὡσὰ δέκα „Взяла мнѣ жену — Ѣстъ, пьетъ за десятерыхъ", гдѣ какъ будто пропущено *которая*, а на самомъ дѣлѣ логическая связь слѣдующая: такую жену, *что* она и т. д. Какъ эмфатическое произношеніе слова „жену" въ смыслѣ „такую жену", такъ и пропускъ союза зависятъ отъ патетическаго тона, которому можно приписать и безсоюзное „ѣстъ—пьетъ".

ми), такъ что пропускъ знака относ. связи долженъ быть въ этомъ языкѣ довольно рѣдкимъ явленіемъ, зависящимъ исключительно отъ небрежности. И такъ, если только предшествующія соображенія вѣрны, такъ называемый пропускъ относ. м-ній въ англійскомъ и ново-скандинавскихъ языкахъ сводится къ ложной аналогіи извѣстныхъ старинныхъ оборотовъ, основанныхъ на сочиненіи, и отчасти къ тѣмъ недоразумѣніямъ, къ которымъ могло подать поводъ тождество относительныхъ и указательныхъ м-ній и нарѣчій. Въ такомъ случаѣ этотъ оригинальный способъ подчиненія не стоитъ особнякомъ, а примыкаетъ къ двумъ способамъ, находимымъ и въ другихъ языкахъ—сочиненію и употребленію указательныхъ м-ній въ смыслѣ относительныхъ.

Таковы мои выводы по вопросу о замѣчательнѣйшей особенности относительной связи въ германскихъ нарѣчіяхъ, возникшіе отчасти изъ сравненія результатовъ, добытыхъ прежними изслѣдователями, отчасти изъ моихъ собственныхъ наблюденій, какъ они ни скудны и ни отрывочны. Едва-ли нужно прибавлять, что я далекъ отъ мысли считать эти выводы окончательными: шаткость нѣкоторыхъ изъ нихъ до такой степени очевидна, что, если авторъ и можетъ придавать какое-нибудь значеніе этой попыткѣ, то развѣ временное, которое она должна утратить въ его собственныхъ глазахъ, какъ только появится болѣе удовлетворительное разрѣшеніе этой грамматической загадки.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Для уясненія нѣкоторыхъ положеній, выраженныхъ выше, я нахожу нужнымъ прибавить нѣсколько замѣчаній, которыя не вошли въ текстъ отчасти потому, что для нихъ не нашлось удобнаго мѣста, отчасти по чисто внѣшнимъ причинамъ.

На стр. 23, 24 и др. было замѣчено, что въ связи съ относ. м-ніями состоятъ тѣ союзы, которые служатъ признакомъ при-

даточнаго предложенія: *что* (ὅτι, ὥστε), *чтобы*, *какъ* (ὡς, ὅπως, ὅτε, ἐπεί), *если* (когда), *хотя* и др., а также сравнительное *чѣмъ*. Многіе изъ этихъ союзовъ не что иное, какъ разные падежи относ. м-нія (что, чѣмъ, еже-ли, dass=das, quod, ὅτι или ὅ, какъ Ил. I 120: Λεύσσετε γὰρ τό γε πάντες, ὅ μοι γέρας ἔρχεται ἄλλῃ и т. п.) или относ. нарѣчія (когда, какъ, wenn, da, cum, ut, ὡς и др.), а потому къ нимъ прилагается все то, что было сказано объ относ. м-ніяхъ. Но какъ вмѣсто относительной конструкціи мы находимъ иногда простое сочиненіе при посредствѣ соединительныхъ или противоположительныхъ союзовъ (и, а), такъ ими-же замѣняются иногда и выше упомянутые союзы, которые мы можемъ назвать относительными. Объ этомъ явленіи въ нѣмецкихъ нарѣчіяхъ см. статьи Тоблера въ Germania Jahrg. XIII 91—104 и XVII 257 слѣд., гдѣ есть примѣры относ. предложеній съ inti или enti (=und), не только слѣдующихъ за главными, но и предшествующихъ имъ (условныя или уступительныя). Древне-сканд. ok также замѣняетъ относ. союзъ въ извѣстныхъ выраженіяхъ, напр. jafn ok âdhr, что по-латыни передается слово въ слово: aeque ac prius, такъ какъ atque или ac близко подходитъ къ quam въ соединеніи съ aequus, idem, simul, alius и др. и даже со сравнительной степенью, напр. у Горація Epod. 12,14; 15,5; Sat. I, 1,47; 5,5; 6,130. Точно такъ-же употребляется и древне-греч. καί послѣ ὁ αὐτός, ἴσος, παραπλήσιος, ὅμοιος съ ихъ нарѣчіями и послѣ οὐ φθάνω, ἅμα и т. п. (см. Krüger II, 69, 32, 5 и 6). Но такое употребленіе καί особенно развилось въ ново-греческомъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Вотъ главныя значенія этого союза, какъ относительнаго, поясненныя примѣрами изъ современнаго языка съ указаніями на средне-греческіе памятники.

1) что=ut consecut. (ὥστε, ὥστε νά или просто νά), напр. Pass. d. 846,2: Τόσο ψηλὸ 'ναι τὸ δενδρὸ καὶ δὲν μπορῶ νὰ σώσω „Такъ высоко дерево, что я не могу достать“, гдѣ καί совпадаетъ съ ποῦ, напр. d. 413,4: Καὶ τόσον μ' ἐφαρμάκωσες ποῦ δὲν μεταστολίσθμαι „И такъ ты меня отравилъ, что я болѣе не одѣ-

нусь“ (говоритъ поле). Во второй части слитнаго вопрос. предложенія καί представляетъ иногда нѣчто среднее между ὥστε и ὅτι, близкое къ древнему ὥστε съ изъяв. накл., т. е. оно вводитъ то предложеніе, содержаніе котораго вызвало предшествующій вопросъ. 237,5 (272,17): Ἄχ ποῦσαι καὶ δὲ φαίνεσαι—; „Ахъ, гдѣ ты, что не показываешься?“ 498,6: τί ’χω καὶ μοῦ ζουλεύεις; „что у меня (такое), что ты мнѣ завидуешь?“. D. 504: Κυπαρισσάκι μου ψηλὸ, ποιὰ βρύσις σὲ ποτίζει Καὶ στέκεις πάντα δροσερὸ κι ἀνθεῖς καὶ λουλουδίζεις; „Кипарисикъ мой высокій, какой ключъ тебя поитъ, что ты стоишь всегда свѣжъ и въ цвѣту?“. D. 582,1: Μηγάρης ἐγεννήθηκα ’ς τὰ φίδια καὶ φοβᾶσαι; „Развѣ я родился межъ змѣй, что ты боишься?“. D. 993,1: Τί σᾶς ἔκαμ’ ὁ καϊμένος καὶ μὲ λέγετε φονιά; „Что я вамъ сдѣлалъ горемыка, что вы меня зовете убійцей?“, гдѣ послѣдствіе представляется какъ фактъ (такъ и Wagner XVII 684); иначе 508,5: Δράκο μου, καὶ τί σῶκαμα γιὰ νὰ μὲ φᾷς τὸ δόλιο; „Змѣй мой, а что я тебѣ сдѣлалъ для того, чтобы ты меня съѣлъ несчастнаго?“. Часто въ выраженіи τί ἔχεις καὶ—; „что съ тобою, что—?“ и т. д., напр. 473,1: τί ἔχει ἡ κλίνη σου καὶ τρίζει σὰν καλάμι; „что съ твоей кроватью, что она скрипитъ, какъ тростникъ?“; ср. 472,14, гдѣ вторая половина стиха является въ слѣдующемъ видѣ: τί (=ὅτι) ὅλον τριζοκοπιέται. И въ этомъ случаѣ καί совпадаетъ съ ποῦ; ср. 632,1: Τί ἔχει ἡ ποδοῦλα σου κ’εἶναι ματωμένη; „Что съ твоимъ передникомъ, что онъ окровавленъ?“ и 631,15: Τί ἔχ’ τὸ φουστανάκι (юбочка) σου ποὖν’ ματωμένο. Нерѣдко вмѣсто переходнаго глагола употребляется, какъ болѣе сильный образъ выраженія, гл. κάμνω (дѣлаю=efficio) съ καί и страдательнымъ или соотвѣтствующимъ ему по смыслу непереходнымъ глаголомъ, котораго подлежащее остается въ главномъ предложеніи въ видѣ дополненія къ κάμνω, напр. 239,5: ἔκαμαν ὅλην τὴν Τουρκιὰν κ’ ἐκλείσθη μὲς ’ς τὰ κάστρα „Они заперли всѣхъ Турокъ въ крѣпостяхъ“ ближе: довели Турокъ до того, что они и т. д.=ὥστε ἐκλείσθη; но d. 938,1: Τὰ μάτια σου τὰ μώρινα κάμνουν με νὰ μωρήσω „Твои черные (?) глаза дово-

дятъ меня до безумія“=ὥστε τὴν γνώμην μου παρακινηθῆναι. Такое-же описаніе съ εἶμαι, напр. пѣсня у Іоаннида Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζοῦντος (Ἐν Κ—πόλει 1870) стр. 284: Ἂν ἐν καὶ ἔρθες ἰὰ χαράν, какъ по-фр. Si c' est grâce à un heureux accident que tu es venu; часто и безъ усиленія одного слова, напр. Wagner V, 117: Ἂν ἐν καὶ θέλεις „если ты хочешь“. Ἂν ἐν ὅτι (ἐβγάλῃς τον) „если удастся“ (тебѣ его выманить) ib. XVII 664 (стр. 270). Сюда относится употребленіе καί послѣ глаголовъ случайности, напр. Legrand, Recueil de chansons populaires grecques (Paris 1873) 103,3: Ἂν τύχῃ καὶ μ' ἀπαρνηθῇς „Если случится, что ты отъ меня откажешься“ и 131,8: μὴ λάχῃ καὶ σὲ κόψω „чтобы мнѣ не довелось тебя зарубить“; ср. Wagner X I 613; 223;687. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ καὶ съ изъявительнымъ наклоненіемъ очень близко подходитъ къ обыкновенной замѣнѣ неопредѣленнаго наклоненія въ ново-греч.—νὰ съ сослаг., а въ иныхъ—почти съ нимъ совпадаетъ, какъ Pass. 459 (послѣдній стихъ варіанта): τί ξέρεις καὶ δουλεύεις; (=νὰ δουλεύῃς) „что ты умѣешь дѣлать?“ или „какую знаешь работу?“, гдѣ καὶ возможно потому, что работница, которой предлагается этотъ вопросъ, не только ξέρει νὰ δουλεύῃ, но, нанявшись, и δουλεύει ποῦ ξέρει. Такъ d. 989,1: ἀρχίνησες καὶ κάνεις, т. е. „начала дѣлать и въ самомъ дѣлѣ дѣлаешь“; но едва-ли можно сказать напр. въ сослагательномъ наклоненіи ἤθελα ἀρχινήσει καὶ κάμνω вм. νὰ κ. [a]).—Замѣтимъ здѣсь еще одинъ видъ сочиненія съ καί — въ относительныхъ и вопросительныхъ слитныхъ предложеніяхъ, въ которыхъ, по нашимъ понятіи-

a) Зачатки такого употребленія соединительнаго союза можно найти и въ другихъ языкахъ, между прочимъ и въ русскомъ мы иногда охотно замѣняемъ относ. союзъ или неопредѣленное наклоненіе западныхъ языковъ союзомъ и съ тѣмъ-же ограниченіемъ, какъ въ ново-гр. Такимъ образомъ мы переводимъ нѣм. ich benutzte diese Gelegenheit um mich zu entfernen или фр. je profitai de cette occasion pour me retirer — „я воспользовался этимъ случаемъ и ушелъ“. Нижне-нѣм. (plattdeutsch): He kunn nich begripen, wa se so dumm weer un ehr Glück mit Föten vun sick stöten wull (Sager, Schön Anna).

ямъ, первая половина должна быть подчинена второй. Эта вольность встрѣчается всего чаще въ относ. слитныхъ предлож., какъ 437,30: Ὁποῦ γελᾷ καὶ πέφτουνε τὰ ῥόδα 'ς τὴν ποδιάν της сл. въ сл. „Которая смѣется и падаютъ розы ей въ передникъ", т. е. которой, когда она смѣется, розы падаютъ въ передникъ. D. 247 a: 'Εγῶμ' ἐκεῖνο τὸ πουλὶ, ὁποῦ τὸ λὲν σαίνη, Ποῦ χάνει τὸ ταιράκι του καὶ πλιὸ νερὸ δὲν πίνει „Я та птица, что зовутъ соколомъ, которая теряетъ своего сожителя и больше не пьетъ воды", т. е. когда потеряетъ—, больше—. D. 283: 'Ελεημοσύνη σου ζητῶ, ὡσὰν τὸ διακονάρη, Ὁποῦ τοῦ δίνουν τὸ ψωμὶ καὶ σ' ἄλλη πόρτα πάγει „Милостыни у тебя прошу, какъ нищій, которому даютъ хлѣбъ и къ другой двери идетъ", т. е. который, когда ему подадутъ—,идетъ—. Сюда-же, вѣроятно, относятся 449,8: Ποιὸς ἤτο ποῦ ναστέναξε καὶ ῥάγισ' ἡ φρεγάδα; „Кто былъ (тотъ), что вздохнулъ и треснулъ фрегатъ?" и 525 посл.: Ὁποῦ κηλαύγει ταῖς αὐγαῖς καὶ τὰ πουλιὰ ξυπνοῦσι „Которая поетъ по зарямъ и птицы просыпаются": и здѣсь и тамъ центръ тяжести, помимо м-нія, лежитъ въ томъ, что слѣдуетъ за καί: отъ чьего вздоха треснулъ фрегатъ? которая, распѣвая по зарямъ, будитъ птицъ. Въ противномъ случаѣ καί значило бы то-же, что ὥστε съ изъявительнымъ наклоненіемъ.

2) Послѣ глаголовъ βλέπω, θωρῶ (вм. θεωρῶ), ἀκούω, εὑρίσκω (или βρίσκω) и т. п., гдѣ трудно рѣшить, служитъ-ли καί замѣной относ. союза или относ. м-нія. Какъ бы то ни было, въ этомъ случаѣ καί вполнѣ совпадаетъ съ ποῦ, напр. 418,28: Βρίσκει ψαλτάδες κ' ἔψαλλαν „Онъ застаетъ пѣвчихъ, которые пѣли" или „за пѣніемъ" и тамъ-же 31: Βρίσκει σκαφτάδες ποὖσκαφταν „—могильщиковъ, которые рыли„ или „за рытьемъ"; 167,3: 'Ακουὼ (см. примѣч. 5 въ концѣ) τὰ δένδρα καὶ βροντοῦν καὶ ταῖς ὀξυαῖς καὶ τρίζουν „Я слышу, какъ деревья шумятъ и буки скрипятъ", а 119,3: 'Ακουὼ τὰ πεύκια (сосны ?) ποῦ — καὶ ταῖς ὀξυαῖς ποῦ —[6]). Что касается аналогій другихъ

---

6) Въ повѣсти объ Аполлоніи ст. 140 (Wagner стр. 253): Ἐκεῖ 'βρεν ἄνθρωπον πτωχὸν, πένητα κ' ἓν ψαράρης союзъ καί замѣняетъ, очевидно, относитель-

языковъ, то я не знаю ни въ одномъ такого оборота, который вполнѣ соотвѣтствовалъ бы этому употребленію καί или ποῦ: оно передается различно, смотря по глаголу главнаго предложенія, напр. по-французски то посредствомъ относ. qui, то посредствомъ неопредѣленнаго наклоненія; послѣднее или причастіе соотвѣтствуетъ ему по-латыни, по древне-гречески преимущественно причастіе, т. е. конструкція, близкая къ относительной; ср. Fabulae Romanenses ed. Eberhard vol. I p.131,2: ὅσους ὁρῶσι μὴ μετὰ ἀγαθῆς καὶ καθαρᾶς γνώμης προσερχομένους τῇ διδασκαλίᾳ αὐτῶν и ново-греческій переводъ этого мѣста тамъ-же стр. 224: ὅσους βλέπει (βλέπουν?) ὁποῦ δὲν ἔρχουνται εἰς τὴν δ. τους μὲ καθαρὴν καρδίαν καὶ γνώμην. То-же можно сказать о соединеніи указательнаго νά съ этими союзами, напр. Pass. 428,3: Καὶ νά σου τὸν κ' ἐπρόβαλε „И вотъ онъ выѣхалъ“ (le voilà qui est sorti) и 169,7: νὰ τὴν πῶρχεται „вотъ она идетъ“ (la voilà qui vient). За пониманіе ихъ въ смыслѣ союзовъ говоритъ употребленіе въ тѣхъ-же случаяхъ союза πῶς (у насъ *какъ*; см. выше переводъ 167,3), напр. 140,3: Ἀχῶ τὰ πεύκια πῶς βροντοῦν καὶ ταῖς ὀξυαῖς πῶς τρίζουν, гдѣ πῶς=ὅτι, какъ очень часто (напр. 476, 8; d. 799). Въ пользу того-же взгляда свидѣтельствуютъ и такія мѣста, въ которыхъ подлежащее придаточнаго предложенія не перешло въ видѣ дополненія въ главное, напр. d. 409, 3: Καὶ ὅταν διῇς καὶ κατεβῇ καμμιὰ φορ' ἡ κυρά μου „И когда ты увидишь, какъ (или: что) сойдетъ иной разъ моя сударыня“ (т. е. возлюбленная) и d. 356, 2: Καὶ εἶδα ποῦ σὲ μάλωνε ἡ σκύλα πεθερά σου „И я видѣлъ, какъ тебя бранила твоя сука-свекровь“. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ καὶ и ποῦ вводятъ предложенія, которыя выражаютъ плодъ непосредственнаго, физическаго дѣйствія на органы чувствъ, для чего служитъ

ную конструкцію (см. выше стр. 18): „Тамъ онъ нашелъ человѣка нищаго, бѣднаго, который былъ рыбакомъ“, при чемъ настоящее время (ἔν=ἐστί) объясняется съ точки зрѣнія нашедшаго.

также νά съ наст. вр. (Kind, Anthol. 36 и 136 β′ 8); но иногда оба союза употребляются

3) вообще послѣ глаголовъ sentiendi и declarandi, гдѣ они очевидно значатъ то-же, что ὅτι, напр. d. 286, 1: Ἔμαθα κ' ἐπανδρεύθηκες „Я узналъ, что ты вышла за-мужъ" и 436, 22 то-же („я узнала, что ты женился"), но съ ποῦ вм. καί; см. Wagner VI 42, XVII 812 и др. Въ смыслѣ того-же ὅτι они служатъ признакомъ предложенія, какъ бы превращеннаго въ одно имя сущ., напр. Fab. Rom. p. 211 (къ 64, 14): Τί εἶναι ἡ αἰτία καὶ μέλλεις νὰ καῇς; „Что за причина (тому), что ты собираешься сжечься?" и поразительно сходный съ этимъ мѣстомъ стихъ у Пассова d. 327, 1: Ἐσὺ ᾽σαι ἡ αἰτία ποῦ μέλλω νὰ χαθῶ (— долженъ погибнуть); ср. Wagner XV 390 и XVII 499. Но ποῦ въ этомъ смыслѣ возможно и съ предлогомъ, немыслимымъ при καί, напр. d. 297: Τὰ μάτια μ' ὄντες σ' εἴδανε, κάλλιο ν' ἦθε τὰ βγάλω, Παρὰ ποῦ σ' ἀγαπήσανε κ' ἔχουν καιμὸ μεγάλο „Глаза мои когда тебя увидали, лучше (было бы, если) я потерялъ бы ихъ, чѣмъ (то,) что они тебя полюбили и терпятъ бѣду великую"; въ томъ-же смыслѣ περὶ ποῦ 384, 3. Въ этихъ примѣрахъ ποῦ указываетъ на фактъ, но если разумѣется только представленіе о фактѣ, то употребляется νά; см. 86, 5; 189 посл.; 269, 52; 323, 16; 405, 14 d. 455; и др. Замѣчательно у Вагнера IX 521 (стр. 139) καλὰ καί въ смыслѣ новѣйшаго ἀγκαλά хотя (ср. итал. benchè).

4)=какъ, когда, между тѣмъ какъ, напр. 227, 36: Τὸν λόγο δὲν ἀπόσωσε, τὴν συντυχιὰ δὲν εἶπε Καὶ ζωντανὸς ἐπιάσθηκεν ὁ Ἰάννης ὁ Φαρμάκης „Слова не кончилъ, рѣчи не досказалъ, какъ живьемъ былъ схваченъ Іоаннъ Фармаки"=οὐκ ἔφθη — καὶ —; 325, 11: Τίνος ματάκια βλέπουν τον καὶ τὰ δικά μου κλαίγουν; (и т. д. до 14) „Чьи глазки видятъ его (между тѣмъ), какъ мои плачутъ?" и почти то-же 645, 11—14; Legrand, Recueil 72, 12: Μιὰ μπαταριὰ τοῦ ῥίξανε τὴν νύκτα κὴ ἀπεκρίθη· Mais, la nuit où il fit cette réponse, on lui tira un coup de fusil. Поῦ или ὁποῦ въ такой связи мнѣ не попа-

далось, хотя оно часто=ὅτε, какъ Pass. 420,6: τὸ χινζπωρο ὁποῦναι τὰ σταφύλια „осенью, когда бываетъ виноградъ“.

5)=διότι (γιατί), какъ иногда употребляется и ποῦ, напр. d. 655: Ξύπνησε, πετροπέρδικα, ποῦ 'γὼ γιὰ σέναν' ἦρθα, Νὰ μοῦ τὸ δώσῃς τὸ φιλὶ νὰ πάω κ' εἶναι νύχτα „Проснись, горная куропатка (ласкат.), такъ какъ я пришелъ ради тебя, чтобы ты дала мнѣ поцѣлуй (и) чтобы я ушелъ (т. е. чтобы получить отъ тебя п. и уйти), потому что (ужь) ночь“; см. καί 443,7;517,50;64;66, ποῦ 514, 25; d. 605, 1; Wagner XVII 783; XX 729.

6)=ὅπως, нын. νά напр. 464,5: Ὁ Ἰάννης πάει 'ς τὴν παγανιὰ (?) κὶ ἀλαφοκυνηγήσῃ „Иванъ идетъ въ ополченіе (?), чтобы охотиться за оленями“; ср. 465,8: Ὁ Κώστας βγῆκε 'ς τὰ βουνὰ (отправился въ горы), νὰ λαφοκυνηγήσῃ. Сказка у Іоаннида 266: Ντὲ δοῦς με, εἶπεν ἀτο, καὶ ἐγλυτώνω σε „Что дашь ты мнѣ, сказалъ онъ ему, (за то,)“ чтобы я тебя освободилъ? Въ смыслѣ ὅπως μή или μή у Залакосты (τοῦ Γερομούτρου ἡ κόρη): Φοβοῦμαι καὶ ὁ Βεζύρης μας δὲν εἶναι ἐκειὸς ποῦ δείχνει „Боюсь, что нашъ визирь не тотъ, за кого онъ выдаетъ себя“. Здѣсь ποῦ едва-ли возможно.

Такъ какъ эта частица можетъ служить хорошимъ образчикомъ относительныхъ частицъ вообще, замѣтимъ для полноты еще нѣсколько случаевъ ея употребленія, въ которыхъ она указываетъ на предшествующее почти такъ-же, какъ французское que. 431, 4: Τρεῖς μῆνες ποῦ σ' ἀκαρτερῶ Il y a trois mois que je t' attends (ср. 463, 19; 24; 28); 469, 18: μὲ ποιόνε ποῦ μιλεῖς —; avec qui est-ce que tu causes? Съ прилагательнымъ или нарѣчіемъ 151,3: Κακὸ ποῦναι τὸ λάβωμα, κακὸ ποῦναι τὸ βόλι „Зла же рана, зла же пуля“; 487, 21: Κακὸ ζακόνι πῶχετε ἐσεῖς οἱ χαραμίδες· Πρῶτα σκοτώνετ' ἄνθρωπο κ' ὕστερα τὸν ρωτᾶτε „Дурной же обычай у вашей братьи разбойниковъ (mauvais usage que vous avez, vous autres brigands): сначала вы убиваете человѣка, а потомъ его спрашиваете“; d. 794, 1: Πόσα τραγούδια ποὔπαμε κ' ἡ κόρη δὲν προβαίνει „Вотъ ужь сколько пѣсенъ мы сказали, а дѣвушка не выходитъ“; d. 975, 1: Τί

γλήγωρα πὼγέρασα „Какъ же скоро я состарился!“; d. 1000 (1001 и 1002), 1: Τί ὥμορφη ποῦσαι „Какъ же ты хороша!“; съ прилагательнымъ въ смыслѣ существительнаго, но на столько сохранившимъ свою первоначальную качественность, что понятіе его является растяжимымъ само по себѣ, безъ внѣшняго обозначенія количественности, 417, 7: Χάρε, κακὸ ποῦ μ' ἔχαμες „Харонъ (смерть), великое же зло ты мнѣ причинилъ“ или „жестоко же ты со мною поступилъ“. Изъ этихъ примѣровъ видно, до какой степени неопредѣленно значеніе частицы ποῦ; другая ея форма ὁποῦ, если не ошибаюсь, употребляется только въ смыслѣ, *гдѣ когда* и *который* [b]). Не вполнѣ опредѣленно и вопрос. ποῦ, такъ какъ оно не ограничивается обыкновенно придаваемымъ ему значеніемъ *гдѣ* или *куда*. 77, 3: Ποῦ ξέρεις σὺ—; „Откуда (или какъ) знаешь ты?“; также 460 a, 7 и 468, 17 слѣд. 325, 8: ἐμένα ποῦ μ' ἀφίνεις; „меня кому оставляешь?“, на что слѣдуетъ отвѣтъ: Σ' ἀφίνω 'ς τὴν μανάκα σου (матери) и т. д.

Выше было сказано, что пропуску относ. м-нія соотвѣтствуетъ пропускъ относ. союзовъ, но съ тою разницею, что союзъ пропускается гораздо легче, чѣмъ м-ніе. Впрочемъ здѣсь надобно различать два случая. Иногда вмѣсто зависимаго предложенія (съ союзомъ) мы находимъ независимое, ничѣмъ не связанное съ первымъ. Сюда относится указанный на стр. 41 пропускъ нашего *что* въ Хожд. Дан. и, можетъ быть, сходные случаи Percy I p. 49 v. 177. The boye pulld forth a well good sworde, So gilt it dazzled the ee и Legrand 66, 13: Τέτοιοι πασάδες εἶν' αὐτοὶ καὶ τέτοιοι βεζιράδες, Τοὺς ἔχω σὰν τὸ κάψαλον, σὰν καλπικρυς παράδες „Это такіе паши и такіе визири—для меня они то-же, что хворостъ, что фальшивыя цары“ (деньги); но сомнительны такіе примѣ-

b) Впрочемъ ср. Fab. Rom. (стр. 205 ad 28, 13): ἦτον δὲ μία γυναῖκα ἀπὸ τὸ χωρίον ἀκεῖνο, ὁποῦ ἦτον ὁ ἀγοραστής „была одна женщина изъ той деревни, что (=откуда) былъ покупщикъ“, гдѣ значеніе ὁποῦ спеціализовано предлогомъ при опредѣляемомъ словѣ. Въ книжномъ изводѣ (28,13) οὗ вмѣсто ὁποῦ.

ры, какъ Shelley, Epistle to Maria Gisborne: his fine wit Makes such a wound, the knife is lost in it, гдѣ было бы странно предполагать первобытное сочиненіе вмѣсто подчиненія, и Pass. 455, 15: Ἄλλοι τὸν λένε πέθανε, ἄλλοι τὸν λὲν ἐχάθη „Одни объ немъ говорятъ: умеръ, другіе объ немъ говорятъ: пропалъ“, потому что такой переводъ не совсѣмъ точенъ: „объ немъ“ по-ново-гр. δι' αὐτόν, а τόν есть привлеченное въ главное предложеніе подлежащее придаточнаго съ союзомъ ὅτι или τί, который и выраженъ 487, 25: Κἰ ἄλλοι μοῦ λὲν τ' ἀπέθανε, κἰ ἄλλοι μοῦ λὲν τ' ἐχάθη. Ὅτι пропущено и подразумѣвается 414,2: παινεύθηκε, τὸν Χάρο δὲν φοβᾶται (почти также 416,2 и 417,1) „хвалилась, (что) Харона не боится“, гдѣ на пропускъ союза указываетъ тождественность подлежащихъ въ 3-мъ лицѣ, какъ и d. 574, 2: Καὶ τὴν καρδιά μ' ἐρώτησα καὶ μοῦπε, σένα θέλει „И я спросилъ свое сердце, и оно мнѣ сказало, (что) хочетъ тебя“; съ союзомъ 413, 1: Μιὰ λυγερὴ (красавица) παινέθηκε, πῶς (=ὅτι) Χ. δ. φ. Такимъ-же признакомъ служитъ прошедшее время въ придаточномъ предложеніи, когда событія въ обоихъ предложеніяхъ современны, напр. Percy I p. 11 v. 79: An archar of Northomberlonde Say slean was the lord Persè, и 1-е или 2-е лице вмѣсто 3-го, какъ тамъ-же p. 37 v. 40: For it is told in my fathers halle, You dye for love of mee; также зависимость отъ придат. предл.—въ керасунтской пѣснѣ 544, 1: Κοράσιον εἶδεν ὄρομαν, κοιμᾶται μὲ το ταῖρ' ἀτς (=αὐτῆς), Κἰ ὄντες γνεφίζει καὶ τερεῖ, κοιμᾶται μοναχέσσα, Μαλλών' μὲ τὰ παπλώματ' ἀτς καὶ μὲ τὰ μαξιλάρι' ἀτς „Дѣвушка видѣла сонъ, (что) она спитъ со своимъ дружкомъ, а когда просыпается и видитъ, (что) она спитъ одна, она ссорится со своими простынями и подушками“. Но нѣтъ никакой надобности подразумѣвать союзъ по-нѣмецки и по-итальянски, такъ какъ въ этихъ языкахъ при отсутствіи dass и che зависимость достаточно выражается сослагательнымъ наклоненіемъ, возможнымъ при союзѣ по требованію смысла, но не грамматики. Точно такъ-же мѣсто *чтобы* можетъ заступать самостоятельная конструк-

ція, какъ по-латыни velim facias, или sociis tunc, arma capessant, edico (Вергилій) и много другихъ случаевъ, о чемъ см. Жолли стр. 241, по-гречески βούλεσθε δῆτα κοινῇ σκώπτωμεν Ἀρχέδημον; (Аристоф.); по-чешски nemám perce, nemám blánky, bych pisala listek (Краледв. рук.), по-польски: Jadrzey zadal racoyemstwa, by mu to Pawel obraczil „Андрей желалъ поруки, чтобы Павелъ въ томъ представилъ ему ручательство“ (актъ 1430 г.), по-нѣмецки ich wollt', er schösse mich todt (Heine), по-англійски I would we were in merry Carleile (Percy I- p. 44 v. 181), по-арабски γazâlun marratân 'atasa fa-'ataí 'ilaí 'ajni mâ'in jasrubu „газель однажды почувствовала жажду и пошла къ водяному источнику напьется“ (=чтобы напиться, точнѣе γattaí или li-jasruba) и т. п. Сюда-же относятся предложенія, выражающія боязнь, какъ metuo, ne cadas; δέδοικα, μὴ πέσῃς; боюсь, не упалъ бы ты; temette forte, non l'avessero uccisa (Bocc.) и т. д. Такіе примѣры безсоюзія есть и въ ново-гр., какъ 437,3: Καὶ τρεῖς καλαῖς συντρόφισσαις πᾶν τὴν παρηγορήσουν „И три добрыя сверстницы идутъ ее утѣшить“ или 495, 4: Καὶ 'ς τὴν ποδιὰ τὸν ἔβαλε νὰ πᾷ τὸν ῥεμματίσῃ „И въ передникъ его положила, чтобы пойти утопить его“; но такъ какъ сослагательное наклоненіе въ ново-гр. всегда зависитъ отъ союза, то и здѣсь приходится подразумѣвать νά, γιὰ νά или, пожалуй, καί. Точно такъ-же не достаетъ союза въ такихъ выраженіяхъ, какъ ср.-в.-нѣм. ine weiz ez ê geschach (Nibel.) „Я не знаю, бывало ли это когда-либо“ [г]), лат. plus (*quam*) decem milia, греч. πλέον (ἢ) μύριοι. Само собою разумѣется, что не всегда возможно рѣшить, подъ которую изъ двухъ категорій слѣдуетъ подвести данный случай безсоюзія, такъ какъ между той и другой нѣтъ рѣзкой границы: пропускъ союза очень часто основывается на привычкѣ выражать свои мысли въ самостоятельныхъ предложеніяхъ. Ку-

г) Ср. у Іоаннида: 'κὶ ξέρω σ' πέτραν καθεται, 'κὶ ξέρω σ' περιβόλιν „Не знаю, на скалѣ-ли отъ сидитъ, не знаю, въ саду-ли“, гдѣ не достаетъ ἄν, какъ въ нѣмецкомъ примѣрѣ: об.

да напр. относятся наше простонародное *потому* и татарское anin iċin (того ради) въ смыслѣ *потому что?* По этому мѣриломъ для рѣшенія въ пользу пропуска или простаго сочиненія въ извѣстномъ языкѣ могутъ служить степень его выработки, склонность его къ сочиненію или къ подчиненію и бо́льшая или меньшая заботливость о грамматической точности; важность послѣдняго условія видна изъ сравненія напр. англійскаго языка съ латинскимъ.

Выше, гдѣ шла рѣчь о пропускѣ относ. м-нія въ новогреческомъ языкѣ, я высказалъ предположеніе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ пропущено не ποῦ, а καί. Какъ бы то ни было, но такъ какъ καί нерѣдко совпадаетъ съ ποῦ и притомъ подразумѣвается сравнительно легко, то очень не мудрено, что оно отчасти и проложило дорогу къ подразумѣванію ποῦ,—по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ. Καί послѣ глагола непосредственнаго впечатлѣнія не выражено напр. 440, 18: Εὗρεν καὶ τσοὶ πομπίδες του, κάθουν καὶ λογαριάζουν, гдѣ καί можно замѣнить двоеточіемъ или чертой: „Засталъ онъ своихъ дружекъ (? въ указателѣ Пассова: " comites ? „)— сидятъ да считаютъ". Слѣдовательно въ этой связи иногда можно обойтись и безъ καί и пропустить, его какъ пропускается всякое другое слово, когда оно разумѣется само собою, напр. изъ предъидущаго. Такимъ образомъ καί не достаетъ во второ́й половинѣ стиха, котораго первая половина была приведена выше, 418, 26: Βρίσκει ψαλτάδες κ' ἔψαλλαν, μυριολογίστραις κλαῖνε (причитальщицы—плачутъ), гдѣ оно выпущено наравнѣ съ какимъ угодно словомъ на основаніи особенной вольности народнаго „политическаго стиха" (по древней терминологіи tetrameter iambicus catalecticus), состоящей въ томъ, что во второмъ полустишіи можно не повторять тѣхъ словъ, которыя уже есть въ первомъ, напр. 462, 31: Ἂν εἶσαι Τοῦρκος, φάγε με, κ' Ἐβριὸς, κατάλυσέ με „Если ты Турокъ, съѣшь меня, и (если ты) Еврей, уничтожь меня". Но такъ какъ καί совпадаетъ въ этомъ случаѣ съ ποῦ, то при такихъ-же обстоятельствахъ и ποῦ подвергается одной

участи съ καί, что представляется совершенно наглядно при сравненіи 418, 26 съ его копіей, ст. 31, также отчасти приведеннымъ выше: Βρίσκει σκαφτάδες ποὔσκαφταν, μυριολογίστραις κλαῖνε. Совершенно сходный стихъ мы видѣли на стр. Εἶδα τὸν ἥλι' ὁπῶλαμψε καὶ τὸ φεγγάρ' ἀστράφτει; разница лишь въ томъ, что здѣсь ποῦ разумѣется несомнѣнно въ смыслѣ относ. м-нія, что видно изъ сравненія со слѣдующимъ стихомъ. Полную противоположность къ этимъ примѣрамъ представляетъ по внѣшности 434, 16: βλέπω ταῖς νιαῖς χορεύουνε, τοὺς νιοὺς καὶ τραγουδοῦνε „Я вижу дѣвушекъ—пляшутъ, юношей—и поютъ"; но здѣсь καί, очевидно, не имѣетъ относительнаго значенія и служитъ лишь къ сопоставленію занятія юношей съ занятіемъ дѣвушекъ, такъ что этотъ примѣръ стоитъ на ряду съ 440, 18. Такимъ-же образомъ καί могло облегчить пропускъ νά, который мы видѣли въ двухъ примѣрахъ. Вотъ другіе два изъ средне-греческаго — Wagner XVII 282 (стр. 257): Ἔτυχεν ὁ Ἀρχίστρατος, ἦτον εἰς τὸ κυνήγι (гдѣ запятая едва-ли поставлена вѣрно) „Случилось, что Архистратъ былъ на охотѣ" и 426 (стр. 263): Ἀνὲν (читай Ἂν ἐν) ποτὲ θελήσουσιν τοῦτοι νὰ σ' ἀδικήσουν „Если когда-нибудь случится, что они захотятъ тебя обидить",— примѣры, въ которыхъ, какъ мы видѣли, было бы возможно какъ νά или ὅτι, такъ и καί. Ср. Христопула стр. 65 изд. 1814 (въ Корфу): Κὶ ἀρχίζει τὴν μαθαίνει „И начинаетъ ее учить", гдѣ правописаніе показываетъ, что авторъ (или издатель) сознавалъ сомнительное ταθεπί какъ изъявительное, а не какъ сослагательное наклоненіе, т. е. имѣлъ въ виду скорѣе καί, чѣмъ νά.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Въ дополненіе къ тому, что было сказано на стр. 24 и 25 о переходѣ м-ній вопросительныхъ въ относительныя я считаю нужнымъ прибавить нѣсколько замѣчаній объ этомъ явленіи въ греческомъ языкѣ, въ которомъ оно не такъ ося-

зательно, какъ напр. въ латинскомъ, и кромѣ того представляетъ нѣкоторыя особенности. Въ языкахъ латинскомъ съ романскими, въ германскихъ, славянскихъ и другихъ этотъ переходъ объясняется совершенно удовлетворительно изъ прямаго вопроса, тогда какъ въ греческомъ точкой отправленія служилъ—если не всегда, то по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ—вопросъ косвенный. Извѣстно, что въ древнегреческомъ языкѣ косвенный вопросъ имѣлъ свои особые значки—союзъ εἰ (какъ въ ром. нарѣчіяхъ и отчасти по-лат. si) и мѣстоименія и нарѣчія, сложенныя изъ относительныхъ и вопросительныхъ корней: ὅς τις, ὁποῖος и т. п. Мы видѣли въ примѣч. 5, какъ вопросительныя м-нія переходятъ въ неопредѣленныя; такимъ образомъ и эти сложныя греческія м-нія принимаютъ нерѣдко значеніе относительныхъ неопредѣленныхъ, т. е. подходятъ очень близко къ простымъ относительнымъ. Этой близостью объясняется частая замѣна первыхъ послѣдними въ косвенномъ вопросѣ, гдѣ напр. по-латыни qui вмѣсто quis или cum вмѣсто quando были бы просто непонятны. Съ другой стороны въ косвенномъ вопросѣ употреблялись нерѣдко и вопросительныя м-нія и нарѣчія, что̀ должно было повести къ сближенію относительныхъ съ вопросительными. И въ самомъ дѣлѣ древній греческій языкъ представляетъ случай полнаго смѣшенія этихъ двухъ родовъ м-ній, именно замѣну вопросительныхъ относительными въ восклицаніяхъ, къ οἷος ὢν οἵως ἔχεις (Софоклъ), гдѣ въ новогреческомъ, какъ и во всѣхъ тѣхъ изъ извѣстныхъ мнѣ языковъ, которые отличаютъ м-нія вопросительныя отъ относительныхъ внѣшнимъ образомъ, употребляются первыя: Τί καλῆς ψυχῆς γυναῖκα! [a]) (Алекс. Суцо) „*Что за* прекрасной души жена!“ Was für eine brave Frau! Quelle excellente femme! по-тур. Ne çâliy qary! Происхожденіе подобныхъ восклицаній изъ косвеннаго вопроса съ

---

a) Уже въ такъ называемыхъ Anacreontea 39. Τί καλόν ἐστι βαδίζειν.

умолчаніемъ главнаго предложенія доказывается тѣмъ, что кромѣ м-ній относительныхъ въ нихъ допускаются по-гречески и неопредѣленно-относительныя (Kühner Ausführl. Gramm. II. стр. 943). Въ средне-греческомъ языкѣ происходитъ смѣшеніе косвеннаго вопроса съ прямымъ, т. е. съ одной стороны въ первомъ м-нія неопредѣленно-относительныя всѣ болѣе и болѣе вытѣсняются относительными, съ другой—появляются прямые вопросы съ грамматическими признаками косвенныхъ—съ εἰ, какъ въ Fabulae Romanenses стр. 16, 1: εἰ ἀληθῶς σὺ τῷ ἀνδρί μου τὰ πραχθέντα μοι πάντα ἀνήγγειλας; и съ неопредѣленно-относительными м-ніями, какъ тамъ-же 178, 2—4: Ὁποίαν—καὶ ὁποίας—; (также 192, 4 и 196, 7), особенно во второй части вопроса, напр. 151, 7: Τίς—καὶ ὅτου; ср. Kühner § 587, 4 вмѣстѣ съ примѣч. 1. Въ ново-греческихъ пѣсняхъ мнѣ извѣстенъ всего одинъ примѣръ этого употребленія, именно у Пассова d. 709, 1: Ὁποιὰς πίκρας, ποιὰ βάσανα δὲν ἔχω περασμένα—; „Какихъ огорченій, какихъ мукъ я не прошелъ?“, гдѣ кромѣ неопредѣленно-вопросительнаго м-нія бросается въ глаза старинное окончаніе вин. пад. мн. ч. 1-го скл. на —ας вмѣсто современнаго —κις (—ες); но въ этомъ примѣрѣ вопросъ очень близко подходитъ къ восклицанію, въ которомъ и ново-греческій языкъ, по крайней мѣрѣ книжный, допускаетъ неопредѣленно-относительныя м-нія, напр. въ стихѣ Александра Византія: Ὁποία δόξα ἀνθρωπίνη! Можетъ быть, такимъ-же путемъ совершился переходъ славянскихъ относительныхъ *якъ*, *якій* и сербскаго jer (потому что) въ вопросительныя (см. стр. 24 и Miklosich, Vergleichende Grammatik d. slav. Sprachen IV стр. 84).

Если не ошибаюсь, смѣшеніемъ м-ній относительныхъ съ вопросительными объясняется и ново-греческое м-ніе ἴντα, встрѣчающееся уже въ средне-греческомъ и употребительное во многихъ нарѣчіяхъ. По значенію оно совершенно совпадаетъ съ вопросительнымъ τί (Legrand 3, 75—76: Ἴντα κακὸ—Ἤτι κακὸ—;) но употребляется и какъ неизъ-

мѣняемое относительное (Pass. 403 кон.: τοῦτ' ἴντα θὰ γενοῦν ea, quae futura sunt). Корай считаетъ ἴντα искаженіемъ однозначащаго, τίντα, которое онъ объясняетъ изъ τί' ν' τά вм. τί εἶναι τὰ=qu' est ce que—? Большинство послѣдующихъ грамматиковъ, напр. Муллахъ (Grammatik der griech. Vulgarsprache. Berlin 1856 стр. 211), Маврофриди (Δοκίμιον ἱστορίας τῆς ἑλληνικῆς γλώσσης. Ἐν Σμύρνῃ 1871 стр. 614), держатся этого объясненія; Яннараки въ словарѣ къ своему собранію критскихъ пѣсенъ, пословицъ и пр. (см. выше примѣч. 25) производитъ ἴντα изъ ἴνα τί (для чего—у 70 толк. и въ ср.-греч.), съ чѣмъ едва-ли кто согласится въ виду необычности перехода ι въ α. Но и мнѣніе Корая, какъ оно ни кажется правдоподобнымъ съ перваго взгляда, не выдерживаетъ критики. Въ самомъ дѣлѣ, если ἴντα образовалось изъ τίντα, а послѣднее изъ τί εἶναι (или ἔναι, ἐν) τά, мы въ правѣ ожидать, что въ памятникахъ, въ которыхъ употребляется не только ἴντα, но даже хоть τίντα, мы не найдемъ подлиннаго выраженія, изъ котораго образовались эти странныя формы, какъ въ латинскомъ языкѣ рядомъ съ fortasse или fortassis не находимъ породившаго ихъ соединенія forte an si vis или даже forte an sis и какъ въ старо-французскомъ рядомъ съ oil (нын. oui) не встрѣчаемъ его первообраза hoc illud или даже какого-нибудь искаженія этихъ соединенныхъ м-ній въ ихъ первоначальномъ смыслѣ,— мало того: не встрѣчаемъ въ латинскомъ языкѣ an съ тѣмъ значеніемъ, благодаря которому могло образоваться реченіе fortassis, а во французскомъ—м-нія hoc. Тѣмъ не менѣе есть памятники, въ которыхъ всѣ три реченія уживаются другъ съ другомъ; напр. въ „Поэмѣ о жестокомъ и ненасытномъ адѣ" Іоанна Пикатора (Wagner стр. 224—241) мы читаемъ τί ἐν τ' ἀκούγω—; (ст. 191), τί ἔναι τὸ 'ρωτᾷς, τί ἔναι αὐτὸ τὸ λέγεις; (358) и тутъ-же ἤντα πρόφασιν—; (77), ἤντα δρυλειὰ—; (103), εἰς ἤντα τόπον—; (124), т.-е. искаженное (по мнѣнію Корая) ἴντα даже не въ ближайшемъ смыслѣ *что*, а въ производномъ *что за* — или *какой*. Въ томъ-же описательномъ выраженіи мѣсто τί заступаетъ иногда ἴντα,

напр. въ поэмѣ Николая Дримитика „Прекрасная пастушка“ ст. 374 (стр. 31 изд. Legrand. Paris 1870): Κ' ἴντα 'ναι τὰ διηγᾶται καὶ τὰ λέγει „Что (есть, что̀ она) толкуетъ и (что̀) говоритъ“. Правда, и французское aujourd'hui заключаетъ въ себѣ повтореніе одного и того-же — ad illum diurnum de hodie (т.-е. hoc die), но здѣсь недоразумѣніе произошло въ предѣлахъ двухъ языковъ, изъ которыхъ уже латинскій забылъ составъ своего выраженія для понятія *сегодня*. Съ фонетической стороны объясненіе Корая также представляетъ трудности, такъ какъ отпаденіе τ въ началѣ слова—явленіе чуть-ли не безпримѣрное въ ново-греческомъ языкѣ. Правда, греческіе переселенцы въ Калабріи говорятъ ὄ вмѣсто τό и ἄ вмѣсто τά, но они-же вмѣсто ἤτανε произносятъ ηανε и т. п., выбрасывая τ и въ серединѣ, и потому примѣры изъ ихъ нарѣчія не могутъ служить доказательствомъ въ пользу происхожденія ἴντα изъ τίντα. Вообще особенность какого-нибудь одного нарѣчія или говора въ данномъ случаѣ недостаточна для объясненія, потому что ἴντα употребительно отъ Кипра до Корсики включительно.

Оба приведенныя возраженія предполагаютъ принимаемое Кораемъ полное тождество обѣихъ формъ въ употребленіи; но въ самомъ-ли дѣлѣ онѣ совершенно безразличны? Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, замѣтимъ, что онъ касается, конечно, не новѣйшихъ нарѣчій, въ которыхъ многое уже перепуталось и затемнилось, а средне-греческаго языка, создавшаго то и другое м-ніе. Къ тому-же теперь употребляется почти исключительно ἴντα; по крайней мѣрѣ мнѣ извѣстенъ только одинъ новѣйшій примѣръ формы съ τ и то не изъ непосредственнаго источника, а изъ ссылки у Маврофриди стр. 615: ἐν τῷ ᾀσματίῳ: Τίντο, μωρὴ, τιντό Τὸ φουστάνι σου κοντό;, при чемъ нѣтъ никакого указанія на мѣстность, въ которой поется эта пѣсенка. Что-же касается средне-греческаго языка, для рѣшенія нашей задачи важны тѣ изъ его памятниковъ, въ которыхъ попадаются обѣ формы; таковы въ собраніи Ваг-

нера III (Эммануила Георгиллы „Родосскій Моръ“) и VI (Стефана Сахлики „Стихи и толкованія, а также и расказы“). Τίντα является III 243 и 252, VI 327, 345 и 440, во всѣхъ пяти мѣстахъ открывая собою косвенный вопросъ и притомъ такъ, что не допускается впереди ни одно слово изъ тогоже предложенія; гдѣ м-ніе соединено съ предлогомъ, тамъ мы находимъ его безъ τ въ такихъ-же косвенныхъ вопросахъ—διὰ ἤντα III 397 (стр. 44), εἰς ἤντα τρόπον VI 366 (стр. 91—по codex Parisinus, τἤντα Montepessulanus), также εἰς ἤντα τόπον XV 124 (стр. 228) b). Ἴντα встрѣчается какъ въ прямыхъ вопросахъ (V 300,324, IX 33, XV 77, 103), такъ и въ косвенныхъ (кромѣ только-что приведенныхъ мѣстъ еще VI 219, гдѣ τίντα, не допускающее передъ собою элизіи, нарушило бы законное число слоговъ). И такъ хотя τίντα свойственно косвенному вопросу, оно уступаетъ свое мѣсто формѣ безъ τ, какъ только вопросъ долженъ начинаться съ другаго слова, будь то даже предлогъ. Не наводитъ ли это на мысль, что τ есть нѣчто такое, что̀ 1) должно стоять непремѣнно въ головѣ предложенія и 2) что̀ разобщило бы два тѣсно связанныя слова, какъ предлогъ съ относящимся къ нему падежемъ, иначе сказать,—что τ есть нѣчто постороннее и что слѣдовательно первоначальный видъ разбираемаго м-нія—не τίντα, а ἴντα? Но что же такое это пришлое τ? Отвѣтъ можетъ дать VI 331 (стр. 90): Κι οὐδὲν ἐξόρθονα νὰ 'πῶ κυρίως τὸ ἤντάνε „И я не умѣлъ сказать точно, что̀ они такое:“ загадочное τ есть собственно τ', какъ и пишетъ Вагнеръ III 243 и 252, т.-е. τό. Послѣ этого понятно сродство формы τίντα съ косвеннымъ вопросомъ: ново-греческій языкъ по крайней мѣрѣ со временъ Малалы (см. Sophocles, Romaic or Modern Greek Grammar, London 1862 p. VIII) охотно начинаетъ косвенный (рѣже прямой) вопросъ членомъ ср. р. Въ этомъ отношеніи

b) Въ ссылкахъ на Вагнера я удерживаю его правописаніе, хотя оно не отличается постоянствомъ.

поучительны примѣры формы τίντα во второй части косвеннаго вопроса при членѣ въ первой, какъ VI 327 (стр. 89): Κ' εἶδα τὸ πῶς ἐδιάγασιν καὶ τήντα τάξιν εἶχαν „И я увидѣлъ, какъ они вели себя и какого образа дѣйствій держались“ и 344 (стр. 90): Ἐδᾶ λοιπὸν νά σᾶς εἰπῶ διὰ τὸν φυλακάτοράν μου, Τὸ πῶς τὸν εἶχ' αὐθέντη μου καὶ τήντα τάξιν εἶχεν „И такъ теперь я вамъ раскажу про своего тюремщика, какъ я имѣлъ въ немъ господина и какого образа дѣйствій онъ держался“ c). И такъ τ' есть членъ, опредѣляющій цѣлое предложеніе; отсюда понятно, почему предлогъ, относящійся къ одному ἴντα, не можетъ предшествовать этому τ'. Чтò касается элизіи ο въ τὸ передъ звукомъ і, то она, правда, противорѣчитъ общему правилу, по которому напр. τὸ εἶπα даетъ τῶπα или τό 'πα (см. грамм. Софокла § 6); но это правило приложимо далеко не безусловно: въ пѣснѣ у Кинда Anthol. Διάφορα δ' (стр. 50; Pass. 556) ст. 7 (дважды), 9 и 10 читается τ' εἶπε, у Вагнера XVII 369 (стр. 260, XIX 48 (стр. 305) и въ другихъ мѣстахъ τὸ ἤκουσεν въ три слога, чтò произносилось если и не τ' ἤκουσεν, какъ Вагнеръ произвольно пишетъ въ текстѣ, то, очевидно, и не какъ τό' κουσεν, встрѣчающееся у него напр. XXI 95, а такъ, что звукъ і былъ ясно слышенъ; у него-же τ' οἰνάριν VI 480 (стр. 96) и τ' οἶστρον XVIII 664 (стр. 295), первый слогъ которыхъ долженъ звучать или *той* или просто *ти*, а ужъ конечно не *то*.

Такимъ образомъ первональною формой оказывается inda, каково бы ни было его греческое правописаніе. Такъ какъ всѣ греческія вопросительныя м-нія и нарѣчія начинаются или съ π или съ τ (то и другое изъ kv) и ни тотъ, ни другой звукъ у Грековъ въ началѣ словъ не отпадаютъ, исконное значеніе м-нія inda не можетъ быть вопросительнымъ.

---

c) Такой примѣръ представляетъ 138—139 (стр. 83), если вѣрно чтеніе, принятое Кораемъ и Маврофриди въ 139—τίντ', гдѣ у Вагнера τοὺς τ'.

Съ другой стороны inda нельзя отдѣлить отъ índan, средняго рода м-нія índzan, употребляемаго Трапезунтянами до нашихъ дней въ значеніи древняго ὅστις вмѣсто обще-греческаго ὅποιος καὶ ἄν, ὅ τι καὶ ἄν. Іоаннидъ пишетъ ἤντς ἄν, ἤντ' ἄν не обращая вниманія на то, что въ ἤν также заключается ἄν. Но, помимо этого недосмотра, онъ совершенно правъ, приписывая этому м-нію происхожденіе условное. Трапезунтское нарѣчіе изобилуетъ архаизмами, сохраняющими формы не только средне-греческаго языка, но и упоминаемой у грамматиковъ Ἀσιανὴ γλῶσσα, т.-е. той неписьменной κοινή, которая образовалась въ Азіи послѣ Македонскаго завоеванія. Извѣстно, что въ древне-греческомъ языкѣ соединеніе εἴ τις, какъ латинское siquis, нерѣдко подходило по своему значенію весьма близко къ ὅς и ὅστις, чѣмъ можно объяснить и обратные случаи, какъ Ил. III 109: Οἵς δ' ὁ γέρων μετέησιν, ἅμα πρόσσω καὶ ὀπίσσω Λεύσσει, ὅπως ὅχ' ἄριστα μέτ' ἀμφοτέροισι γένηται; ср. Kühner § 563,3 d. Во времена упадка древне-греческаго языка эта близость привела мало по малу къ полному отождествленію выраженія εἴ τις съ ὅστις или, другими словами, къ слитію союза εἰ съ м-ніемъ неопредѣленнымъ τις въ одно неразрывное реченіе, получившее смыслъ относительнаго м-нія. Такъ мы читаемъ въ надписяхъ полуграмотныхъ людей Малой Азіи (Фригіи): εἴ (τ)ις δ' ἄν ἕτερος ἐπ(ε)ισεν(έ)νκῃ τινά, ἔστε (т.-е. ἔσται) αὐτῷ πρὸς τὸν θεόν (C. I. 3902. f., 8); εἴ τις δὲ ἐπιχειρήσει (ib. 3902, n. 7—8 и 3902. q., 8—9); εἴ τις δὲ ἕτερος ἐπιβουλε(ύ)σει (ib. 3865. i. — t. III. add. et corrig. p. 1096); въ Сициліи: εἴ τις δὲ ταύτην ἠδίκησεν καὶ ἐμὲ ἐλύπησεν, μὴ λάθοιτο τὸν θεόν (ib. 4571). Но что слитіе союза съ м-ніемъ и слѣдовательно отождествленіе съ ὅστις не совершилось въ то время окончательно и безвозвратно, видно изъ того, что даже въ надписяхъ подъ тѣмъ-же № 3902 въ той-же формулѣ мы находимъ (l., 9—11; p., 3—5): εἰ δέ τις ἐπιχειρήσει (ἕτερόν τινα θεῖναι т.-е. εἰς τὸν τύμβον). Ср. въ такихъ-же предостереженіяхъ на гробницахъ тѣхъ-же мѣстностей Азіи: ἐὰν δέ τις τολμήσει 3922, 6; ἐάν τις

ἀδικήσει 4008; но съ другой стороны (съ относительнымъ м-ніемъ): ὃς ἂν ἀνύξει (т.-е ἀνοίξει) τύμβον 3893, 5—6; ὃς δὲ ἂν ἐπιτηδεύσει 3902 . г., 8—9; ὃς ἂν τούτῳ τῷ μνήματι κακῶς ποιήσει 3984, 7—9; ὃς δὲ ἄν ἕτερος (ἐπε)ισδιαβήσετε (т.-е. — ήσεται) 4007. Для того, чтобы εἴ τις потеряло свой первоначальный смыслъ безслѣдно, необходима была утрата одного изъ этихъ двухъ словъ, что̀ и случилось въ средне-греческомъ языкѣ, потерявшемъ εἰ кромѣ соединеній εἰ μή (кромѣ), εἰ καί (хотя), εἰ δέ, εἰ γάρ, которыя въ свою очередь пропали въ ново-греческомъ [d]). Сколько мнѣ извѣстно, никто еще не обратилъ вниманія на употребленіе сросшагося εἴτις въ смыслѣ относительнаго м-нія; по крайней мѣрѣ грамматики не говорятъ о немъ ни слова, издатели текстовъ пишутъ отдѣльно εἴ τις, а толкователи,—къ сожалѣнію, очень немногочисленные,—или обходятъ его, какъ Legrand въ переводѣ 2, 39, или ухищряются понимать въ древнемъ смыслѣ, напр. онъ-же переводитъ 38,5 (въ обращеніи поэта къ своему письму при отправкѣ его къ возлюбленной): Κ' εἴ τι σοῦ γράφω πρὸς αὐτὴν νὰ τῆς τὸ 'πῇς θυμήσου—„et, si tu portes en écrit quelques mots à son adresse, souviens-toi de les lui dire“, какъ будто можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что письмо, написанное къ кому-нибудь, заключаетъ въ себѣ нѣчто, написанное къ этому лицу. Вотъ нѣсколько мѣстъ въ доказательство полнаго совпаденія εἴτις съ ὅστις и даже съ ὅς Fab. Rom. (искусственный языкъ) 50,5: εἴ τι ζητήσεις παρ' ἐμοῦ, εὐκόλως σοι ἀποδώσω „чего ты попросишь у меня, безъ затрудненія тебѣ отдамъ“, гдѣ толкованіе въ смыслѣ условія было бы натяжкой; 101,23: πώλησόν με τὴν πραγματείαν σου ὅλην, καὶ εἴτι θέλεις, δώσω σοι εἰς πινάκιν γεμάτον или по другому изводу 167,18: διάπρασον μοι πάντα τὸν φόρτον σου, καὶ εἴ τι βούλει, παράσχω σοι ἐν πλήρει πίνακι „продай мнѣ весь свой товаръ, и я дамъ тебѣ, чего

d) Условный союзъ средне-греческаго языка — ἐάν или ἄν; отдѣльные случаи употребленія древняго εἰ слѣдуетъ отнести къ подражанію древнему языку.

ты хочешь, въ полномъ блюдѣ"; 109,9: Ἀπόδος μοι, φίλε, εἴ τι συνεβιβάσθημεν περὶ τοῦ φόρτου, οὗ σε ἐπώλησα. Ὁ δὲ μῖμος ἔφη· Ζήτησον, εἴ τι βούλει „отдай мнѣ, любезный, въ чемъ мы условились относительно товара, который я тебѣ продалъ. Мимъ сказалъ: Проси, чего хочешь" (другой изводъ 174,3:—εἴ τι συνεφώνησας παρασχεῖν); 142,26: πᾶν εἴ τι θυμῆρές μοι „все, что̀ мнѣ любо"; (просторѣчіе) 211 (ad 67,5): καὶ εἴ τι πρᾶγμα θέλεις ζητήσει τὸν θεὸν μὲ τοὺς λόγους ἐκείνους, θέλει σοῦ δοθῇ „и какой вещи ты попросишь у Бога этими словами, тебѣ дастся", чему въ книжномъ подлинникѣ соотвѣтствуютъ слова: καὶ οἷον ἂν διὰ τῶν τριῶν λόγων ζητήσῃς παρὰ θεοῦ, εὐθὺς δοθήσεται [e]). Wagner IX 482 (стр. 138): εἰς εἴτι πόλεμον ἐμπῇ, ἐκεῖνος νᾄχῃ νίκη „Въ какой бой онъ вступитъ, онъ останется (въ немъ) побѣдителемъ" или „въ какой бы бой онъ ни вступилъ,—", гдѣ и Вагнеръ не нашелъ возможнымъ отдѣлить союзъ отъ м-нія; XVIII 122 (стр. 280): Κ' εἴ τι θέλει θεὸς ἂς πάθω „И что угодно Богу, да претерплю". Изреченіе пророка Іереміи 17,5: Ἐπικατάρατος ὁ ἄνθρωπος, ὃς τὴν ἐλπίδα ἔχει ἐπ' ἄνθρωπον Алексій Комнинъ ст. 63 (Wagner стр. 4) передаетъ такъ: Εἴ τις εἰς ἄνθρωπον θαρρεῖ· κ' εἰς ἄνθρωπον ἐλπίζει, Ἐπικατάρατός ἐστιν μᾶλλον κ' ἀπελπισμένος. См. также V 206, X 120 слѣд., 124 [f]). До какой

---

e) Οἷος употреблялось въ средне-греческомъ языкѣ (но, кажется, только въ книжномъ) также въ смыслѣ относительнаго м-нія, напр. Fab. Rom., помимо 67,7, также 107,3: οἷος τὸν ἕτερον νικήσει „который другаго (т.-е. кто кого) побѣдитъ"; поученіе Алексія Комнина ст. 46 (Wagner стр. 3): Καὶ οἷον εὕρῃς ὀγαθὸν, θές τον εἰς τὴν ψυχήν σου „и который (стихъ) ты найдешь хорошимъ, вложи его въ свою душу"; Жизнь и дѣятельность нѣкоего почтеннѣйшаго и мудрѣйшаго старца ст. 89 (ib. стр. 279): Ἂν πηδήσῃ φῶς ἐκ ταύτης, Οἷον ν' εὕρῃ πλεὸν τῶν ἄλλων Πλησιέστερον τῶν πάντων, Ἐκεινοῦ τὰ γένει' ἀνάπτει „если выскочитъ огонь изъ него (съ очага?), кого онъ найдетъ ближайшаго изо всѣхъ остальныхъ, того бороду онъ зажигаетъ".

f) Вѣроятно, такъ-же слѣдуетъ толковать два темныхъ мѣста въ сборникѣ Вагнера—VII 73 (стр. 108): Εἴ τε καὶ ἂν ἔναι φρόνιμη, μὲ τοῦ καιροῦ τὸ θαρρος и VIII 327 (стр. 121): Ἀλλ' εἰ τὴν δώσῃ μιὰν φοράν, ζωὴν ποσῶς οὐκ ἔχει. Въ первомъ изъ этихъ мѣстъ καὶ ἂν указываетъ на присутствіе неопредѣленнаго

степени это новое м-ніе отождествилось съ прежнимъ ὅστις, видно изъ того, что для усиленія неопредѣленности оно, какъ послѣднее, сочиняется съ сослагательнымъ наклоненіемъ и обобщающими частицами: εἴ τι καὶ ἄν Fab. Rom. 210 (къ 63,5 и 21), 217 (къ 94,2), 219 (къ 105,1) въ изводѣ, составленномъ на живомъ языкѣ; εἴ τι ἄν 15,9; 63,5; εἴ τι καί 94,4 (и 161,6); 102,8; 167,21; 186,22 (съ желат. накл.); εἴ τι ἄν καί 143,1 и т. п. въ двухъ другихъ изводахъ, языкъ которыхъ обличаетъ въ ихъ авторахъ желаніе, хотя и тщетное, выражаться по-древнему. Съ существительнымъ у Алексія Комнина ст. 160 (Wagner стр. 7): Εἴ τι κακὸν ἂν πολεμῇς, γνώριζε, οὐ λανθάνεις „Чтобы ты ни совершалъ худое, знай: ты не можешь скрыться“; у Стефана Сахлики ст. 25 (ib. стр. 63): Εἴ τι κακὸν καὶ ἂν σ' ἐλθῇ „Какая бы бѣда на тебя ни напала“. Сравнивъ только-что названные памятники по времени ихъ происхожденія, мы увидимъ, что м-ніе εἴτις, εἴτι соединялось прежде съ однимъ ἄν (или съ однимъ καί), впослѣдствіи съ καὶ ἄν. Непосредственно къ древнѣйшему соединенію примыкаетъ трапезунтское εἴντ'ς ἄν, εἴντ' ἄν со вставкою ν передъ τ, какъ въ χλιμιντρίζω (χρεμετίζω), ὅντε (ὅτε), ὅνταν (ὅταν), μήν (μή) и νάν (νά) передъ τ слѣдующаго слова, особенно м-нія 3-го лица, а у Критянъ въ томъ-же

относительнаго м-нія или нарѣчія, а смыслъ требуетъ послѣдняго: „Какъ бы она ни была благоразумна, со временемъ (приходитъ) смѣлость“. Εἴτε есть, вѣроятно, искаженіе правильнаго εἴτι, какъ πάλε изъ πάλι(ν); что-же касается приданнаго ему значенія относительнаго нарѣчія, то совершенно такъ-же употребляется передъ прилагательными τί въ восклицаніяхъ (см. стр. 72). Во второмъ мѣстѣ, гдѣ рѣчь идетъ объ опасности отъ разсвирѣпѣвшаго осла, главное предложеніе „никакъ не останется въ живыхъ“ можетъ относится только къ тому, кому оселъ „дастъ одинъ разъ“, т.-е. ударитъ; слѣдовательно для того, чтобы въ главномъ предложеніи грамматика позволяла подразумѣвать то подлежащее, котораго требуетъ логика, безсмысленное εἰ τὴν должно быть относительнымъ м-ніемъ, опредѣляющимъ это подлежащее. Изъ падежей родительнаго и винительнаго, замѣнившихъ дательный въ средне-греческомъ языкѣ, окончаніе —ν указываетъ на послѣдній. Форма εἴτιν мнѣ, правда, неизвѣстна, но вполнѣ мыслима.

случаѣ вообще послѣ конечной гласной, напр. въ сборникѣ Яннараки 5,5: ἡ μανοῦλάν των ихъ матушка; 6,4: μασχαρεύγουνταίν την насмѣхаются надъ ней; 11,6: τ' ἀρνιάν του его ягненка; 13, 12: τοῦ δούλευν του его раба (род. пад.); 19, 38: οἱ γι ὀμυαλοίν του его мозги; 20,15: πάνταν του всегда его, т.-е. все остававшееся ему время; 21,36: ὀπίσων του за нимъ и т. п. По значенію εἴντ'ς ἄν совершенно совпадаетъ съ средне-греческимъ εἴτι; сравни напр. въ пѣснѣ у Іоаннида стр. 283, 14: ἔπαρον ἤν τ' ἂν θέλῃς съ приведеннымъ выше мѣстомъ изъ Fab. Rom.: Ζήτησον, εἴ τι βούλει. Сходство вопросительнаго ἴντα съ трапезунтскимъ εἴντ' ἄν таково, что, принявъ въ расчетъ близость вопросительныхъ м-ній съ относительными, едва-ли можно видѣть здѣсь простую случайность. Отпаденіе конечнаго ν — одно изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій въ ново-греческомъ языкѣ. Въ Кипріотской пѣснѣ у Пассова (395 кон.) встрѣчается даже ἴνταν,—правда, въ значеніи *когда;* но и трапезунтское εἴντ'ἄν нельзя понять иначе въ пословицѣ у Іоаннида стр. 268: "Ηντ' ἂν στέννε τὰ τεμέλια, προσκυνοῦν τὰ κεραμίδια „Когда стоятъ основанія, кланяются кирпичи". Едва ли иное значеніе имѣютъ εἴτι и ὅσα (множ ч. къ ὅτι, о чемъ см. Маврафриди стр. 609) въ слѣдующемъ мѣстѣ у Вагнера — X 247 (стр. 150): Καὶ εἴ τι φᾷς καὶ εἴ τι πῇς καὶ ὅσα κι ἂν κοιμᾶσαι, Οὐδὲν σὲ λείπει πώποτε ὁ φόβος καὶ ὁ τρόμος „И когда ты ѣшь и когда пьешь и каждый разъ, какъ спишь, тебя не покидаетъ никогда страхъ и трепетъ". Самое ὅ τι получаетъ иногда, по крайней мѣрѣ у Критянъ, смыслъ временной при помощи союза νά для будущаго времени и союза καί для прошедшаго (см. въ словарѣ при сборникѣ Яннараки ὅ τι νά, гдѣ исправь 255 въ 254).

Противъ производства вопросительнаго ἴντα отъ относительнаго εἴτι (ἄν) могло бы, повидимому, свидѣтельствовать его исключительно - вопросительное употребленіе въ средне-греческомъ языкѣ. Точно, ἴντα въ смыслѣ относительнаго м-нія я не могу указать ни въ одномъ старинномъ

памятникѣ, да и въ новыхъ такіе несомнѣнные примѣры, какъ приведенный выше Pass. 403 кон., очень рѣдки. Но новѣйшимъ примѣрамъ, если бы даже ихъ было много, я не придалъ бы большого значенія въ виду легкости перехода вопросительныхъ м-ній въ относительныя. Однако такое недовѣріе едва-ли было бы умѣстно по отношенію къ архаистическому трапезунтскому нарѣчію, въ которомъ м-ніе εἶντ'ς ἄν, εἶντ' ἄν имѣетъ только относительные значеніе. Важность этого обстоятельства нисколько не ослабляется тѣмъ, что трапезунтское вопросительное ντέ=τί есть, вѣроятно, не что иное, какъ то-же εἶνταν, утратившее кромѣ конечнаго ν и начальную гласную подобно (ἐ)ντροπή, (ἀ)νταμώνω и др.: если данное слово употребляется одновременно въ двухъ формахъ, первоначальной и искаженной, и въ двухъ значеніяхъ, древнѣйшемъ и позднѣйшемъ, не мыслимо, чтобы первое было присвоено послѣдней. Но и въ средне-греческомъ есть по крайней мѣрѣ слѣдъ употребленія формы εἶντα(ν) въ смыслѣ относительнаго м-нія, сохранившійся въ нарѣчіи σίντα (когда), напр. Legrand 19,5; 20,3; dist. 72 (стр. 362). Другія формы этого нарѣчія—σίνταν, σίντας или безъ носовой σίτι, σίτια, σίτα, σίτ (послѣднія четыре въ живомъ употребленіи у Трапезунтянъ [g]). Іоаннидъ пишетъ ихъ съ ει, что совершенно правильно, такъ какъ это нарѣчіе, очевидно, сложено изъ предлога (εἰ)ς и м-нія εἴτι въ разныхъ формахъ,

g) Это нарѣчіе или союзъ представляетъ у Трапезунтянъ любопытный примѣръ перехода относительнаго значенія въ указательное,—слѣдовательно примѣръ явленія, противоположнаго обыкновенному чередованію значеній (см. стр. 20—24), именно при повтореніи, какъ у Іоаннида 289,22· Σείτ' ἔπαιγναν, σείτ' ἔκλαιγαν, σείτ' χαμελὰ τραγῴδιεν „Когда шелъ, тогда плакалъ, тогда тихо пѣлъ“ или: „Идучи, онъ плакалъ и (плача) тихо пѣлъ“, т.-е. всѣ три дѣйствія вполнѣ совпадали по времени. Ср. Θεοκρίτα 2,82: Χὡς ἴδον, ὡς ἐμάνην, ὡς μευ πέρι θυμὸς ἰάφθη Δειλαίας и примѣчаніе Frizsche къ этому стиху. Нѣкоторые пишутъ ὡς — ὥς = ut — ita, какъ переводитъ La Roche къ Ил. I 512, но Вергилій, знавшій, конечно, по слуху, какъ произносилось въ этомъ случаѣ ὡς, перевелъ его иначе — Ecl. 2,82: Ut vidi, ut perii, ut me malus abstulit error. Такъ и Овидій Her. 13, 89: Ut vidi, ut gemui.

которыя наглядно доказываютъ возможность отпаденія конечной гласной этого м-нія передъ ἄν: σείτι происходитъ отъ простаго εἴτι, σείτια—отъ εἴτι ἄν, σείτα—отъ сокращеннаго εἴτ' ἄν, σείτ можетъ одинаково относиться къ εἴτι и къ εἴτα(ν). Точно такъ-же σίντα(ν) есть несомнѣнно (εἰ)ς εἶντ' ἄ(ν), откуда объясняется и σίντας (правильнѣе σείντας) съ приставкой ς, какъ ὄντα-ς вмѣсто ὄντα(ν) изъ ὅταν, какъ однозначащія ἀπ-είτι-ς или, сокращенно, ἀπείς (у Критянъ), и ἀφ-ότι-ς или ἀπ-ότι-ς у Іоанна Пикатора ст. 252 (Wagner стр. 232), какъ πάντοτε-ς у него-же ст. 292, ὅποτε-ς тамъ-же ст. 324, ὅντε-ς, τότε-ς, τίποτε-ς, ἀντί-ς, συν-άμα-ς и т. п. [h]).

Такимъ образомъ существованіе εἴτι ἄν или εἴντι ἄν, εἴντα(ν), какъ относительнаго м-нія, въ средне-греческомъ языкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ первоначальность этого значенія, если не ошибаюсь, можно считать доказанными. Но все-таки еще остается одно сомнѣніе: отчего-же εἴντα никогда или, можетъ быть, почти никогда не является въ средне-греческихъ памятникахъ относительнымъ м-ніемъ? Вѣроятно, вслѣдствіе того, что двумъ формамъ м-нія εἴτις, первоначальной и искаженной, если онѣ уживались одна возлѣ другой, очень рано были приданы различныя значенія, изъ которыхъ первоначальное, какъ было замѣчено выше, осталось, конечно, за первоначальной-же формой. Нарѣчіе σείνταν образовалось еще тогда, когда εἴτι ἄν и εἴντι ἄν или εἴνταν не были различены по смыслу. Въ это-же время та разновидность средне-греческаго языка, изъ которой развилось впослѣдствіи нынѣшнее трапезунтское нарѣчіе, утратила первоначальную форму εἴτις, εἴτι, и потому форма εἴντ(ι)ς, εἴντ(ι), хотя подверглась у Трапезунтянъ такому-же искаженію, какъ и

---

h) Не такое-ли же распространеніе посредствомъ ς слѣдуетъ видѣть и въ формѣ εἶντας, которая, по увѣренію Муллаха Grammatik der griechischen Vulgarsprache. стр. 92, въ ходу на островахъ Кіонѣ, Хіосѣ и Псирѣ? Если она дѣйствительно значитъ τίς, какъ утверждаетъ Муллахъ, такое употребленіе можно объяснить развѣ недоразумѣніемъ, возникшимъ вслѣдствіе истолкованія конечной ς въ смыслѣ окончанія мужескаго рода.

у другихъ Грековъ, неразрывно сросшись съ частицей ἄν, тѣмъ не менѣе сохранила въ этомъ нарѣчіи свое подлинное значеніе. Если позднѣйшее вопросительное м-ніе Трапезунтянъ ντέ въ самомъ дѣлѣ образовано путемъ искаженія изъ εἶντα, которое замѣнило въ немъ общее средне-греческое εἴτι (ἄν), тогда трапез. вопрос. ντέ : трапез. относ. εἶνταν = средне-греч. вопрос. εἶντα(ν): средне-греч. относ. εἴτι (ἄν), т. е. трапезунтское нарѣчіе въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, осталось вѣрно тому пути, которымъ шелъ средне-греческій языкъ, и потому его свидѣтельство относительно первоначальнаго значенія формы εἶντα(ν) въ высшей степени важно.

Въ трапезунтскомъ нарѣчіи есть и другое относительное м-ніе — ντό, употребляемое для опредѣленія существительныхъ средняго рода или обозначающихъ животныя и вещи, напр. въ пословицѣ у Іоаннида стр. 268: Ἡ βοῦκα ντὸ 'κὶ θᾷν' τ' ἐμὸν, ἂς τρώῃ ἀτο ὁ σκύλλος „Кусокъ, что̀ не будетъ моимъ, пусть ѣстъ (его) собака“ [1]). Оно-же употребляется и какъ

---

1) Опредѣляемое слово передъ ντό ставится въ томъ падежѣ, который логически заключается въ м-ніи. То-же передъ общегреческимъ ποῦ или ὅπου, напр. въ пословицѣ, которая соотвѣтствуетъ выше приведенной: Ἀπὸ πῆττα ποῦ δὲν τρῷς, μὴ σὲ μέλῃ κι ἂν καῇ „Отъ пирога, что̀ не ѣшь, да не заботитъ тебя, если (онъ) и сгоритъ“, т. е. о пирогѣ, отъ котораго ты не получишь куска, не безпокойся и т. д.; Pass. 470,31: Τῆς Ἀρετῆς τὸ λείψανο, τῆς Ἀρετῆς τὸ ξόδι, Ἐκείνην ἐπ' ἠγάπησες κι ὅπου Θέλες (читай: Θελες) νὰ πάρῃς „Ареты останки,Ареты выносъ, ту что̀ (—той, которую) ты полюбилъ и что̀ хотѣлъ взять (за себя)“, тогда какъ другіе языки въ такихъ случаяхъ, если не употребляютъ того падежа, котораго требуетъ смыслъ или грамматическія условія главнаго предложенія, прибѣгаютъ къ именительному падежу, напр. въ польскомъ актѣ 1415 г. у Пршиборовскаго Programm d. königlichen Mariengymn. zu Posen 1860—61 стр. 1 (откуда я заимствовалъ и другой примѣръ на стр. 69): ta niua czso yey Swansek dobil na Gnewomirze, tey yandrzey ma trzeczą czanscz „та нива, что̀ ее (=которую) Сваншекъ добылъ на Гнѣвомірѣ, той Андрей имѣетъ третью часть“; Percy II стр. 15 ст. 71: He that had no gode hors, He gat hym a mare. Изъ приведеннаго правила о падежѣ опредѣляемаго при ποῦ видно, правъ-ли былъ Legrand, поставивъ Ἐκείνους ὅπου ἐγύρισεν ὁ γέρων φιλομούστης Κρασὶ μ' ἤλοῦσαν παρευθὺς „Тѣхъ (вм. тѣ,) что̀ собралъ (?) старикъ

вопросительное м-ніе средняго рода и можетъ такимъ образомъ совпадать съ чисто-вопросительнымъ ντέ, не исключая даже такихъ частныхъ случаевъ, какъ восклицаніе, напр. у Іоаннида стр. 276: ντὸ μεγάλ'σσα εἶσαι! „какая ты большая!". Откуда происходитъ это м-ніе и которое изъ двухъ его значеній первоначально? Іоаннидъ считаетъ его сложеннымъ изъ ντέ и ὅ, что̀ невозможно, потому что первое образовалось тогда, когда послѣднее было давно забыто. Но ничто не препятствуетъ видѣть въ немъ средній родъ члена τό съ усиленіемъ начальнаго τ посредствомъ ν, какъ по-цаконски въ род. и вин. пад. ед. ч. м-нія 2-го лица—ντι и ντε изъ дорическихъ τύ, τεοῦς, τείν. Въ примѣчаніи 3 было сказано, что то указательное м-ніе, которое впослѣдствіи за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ выраженій употреблялось въ качествѣ члена, встрѣчается въ смыслѣ относительнаго м-нія не только у Гомера, но и въ ново-греческомъ языкѣ (въ обширномъ смыслѣ этого выраженія). Любой памятникъ средне-греческаго языка, представляющій не искусственную книжную, а живую народную рѣчь, изобилуетъ примѣрами этого употребленія, въ томъ числѣ и такими, которые свидѣтельствуютъ о томъ, что членъ въ этомъ значеніи вполнѣ принялся и усвоенъ народнымъ сознаніемъ, какъ относительное м-ніе. Придаточное предложеніе съ членомъ въ этомъ смыслѣ ставится очень часто передъ главнымъ, т. е. является

винолюбецъ, тотчасъ смыли меня виномъ", гдѣ можно было бы оставить въ покоѣ и ὁκοῦ, допустивъ слитіе ου съ ε, какъ напр. ст. 37 и 42. Такое притяженіе возможно и при склоняемомъ относительномъ м-ніи, напр. Wagner XI 183 (стр. 184) Ἐγὼ τὰς κάλτσας τὰς φορῶ ἔνε ἀπὸ σκαρλάτο „Чулки, которыя я ношу, изъ кармазина". О томъ-же въ древне-греческомъ см. Kuhner II стр. 918,4, въ латинскомъ — примѣчаніе Уссинга къ ст. 1002 Плавтова Amphitruo.—Хотя ντό не частица, а м-ніе, оно употребляется довольно свободно, напр. у Іоаннида стр. 267: ἐσὰ ὥρας, ντ' ἔρθαμ', οἱ ἀθρώπ' ποίων καλὸν γνώριζνε; „во времена, что̀ мы пришли (т. е. до которыхъ мы дожили?) люди чье добро признаютъ?", что̀ напоминаетъ русское *что* (третье) на стр. 15 и французское que на стр. 55; 282: Ἂν θέλεις καὶ τὸ ἄλογομ μ', ντὸ 'κ' ἔχ' ὁ βασιλέας „Если ты хочешь и лошадь мою, какой нѣтъ у царя"; ср. примѣч. 9 и 14.

уже извращеніе естественнаго порядка (см. стр. 24). Членъ подвергается всѣмъ тѣмъ видамъ притяженія, какіе допускаются при относительныхъ м-ніяхъ; примѣры см. въ примѣчаніяхъ 21 и і и ниже. Даже въ книжной рѣчи, если она хоть нѣсколько приближается къ разговорной, можетъ быть, противъ воли писателей проскакиваютъ отдѣльные примѣры члена въ смыслѣ относительнаго м-нія, какъ Fab. Rom. 95,11: Πέμψον ἡμῖν τὸ χρυσίον τό σε (= σοι) ἐδώκαμεν. Въ новѣйшемъ языкѣ это употребленіе исчезаетъ и сохранилось чуть-ли не исключительно въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ оно завѣщано преданіемъ, напр. въ пословицахъ: Ἀλλοὶ 'ς τὸν δέρνουν δεκοκτὼ καὶ δὲν τὸν δέρν' ὁ νοῦς του „Горе тому, кого бьютъ восемнадцать (человѣкъ), а не бьетъ (его) его сознаніе!"; Τὸ δὲν σὲ μέλει, μὴ 'ρωτᾷς, ποτὲ κακὸν νὰ μὴ ἔχῃς „Что тебя не касается, не спрашивай, чтобы когда-нибудь не нажить себѣ бѣды" (Βενετοκλῆς, Βραχεῖαι παρατηρήσεις εἰς τινας λέξεις καὶ παροιμίας τῆς καθ' ἡμᾶς ἑλληνικῆς γλώσσης. Ἐν Ἀθήναις 1872—стр. 88,40 и 129,32; ср. 127,32); три другія пословицы приведены у Муллаха стр. 191, у Софокла стр. 128, и двѣ изъ нихъ повторены у Яннараки на критскомъ нарѣчіи, 168 и 172 (стр. 311), послѣдняя въ нѣсколько иномъ видѣ. Хотя пѣсни обыкновенно болѣе подвержены измѣненіямъ, чѣмъ пословицы, однако-же и въ пѣсняхъ тамъ и сямъ попадается этотъ старинный, но, очевидно, еще понятный оборотъ. Особенно часто онъ встрѣчается въ извѣстныхъ выраженіяхъ, освященныхъ употребленіемъ, каковы τὸν (τὴν, τὸ) λέγουν или λέγαν и τὴν ἀγαπῶ,— ᾶς [k]). Послѣдняя формула какъ-бы окаменѣла въ значеніи „моя

---

[k]) Примѣры перваго выраженія Pass. 218,19; 253,25; 257,2 (см. Legrand 58 кон. съ переводомъ); 463,2; 492,2; 637,10, втораго 527,3; 532 e, 5; d. 456; также 15,10; 30,11; 441,5 и др. съ формулой καλῶς τὸν ἀγαπῶ, которая 588,6 неправильно написана καλὸ στὸν ἀγαπῶ. Для незнакомыхъ съ ново-греческимъ языкомъ замѣтимъ, что καλῶς не значитъ просто *хорошо* (какъ καλά, напр. Pass. 437,5 и 9: ὁποῦ τὴν ἀγαπᾷ καλά celle qui l'aime bien), но выражаетъ благопожеланіе, причемъ названіе лица, къ которому оно относится, ставится

(твоя) возлюбленная", чѣмъ, повидимому, объясняется смѣлое притяженіе Pass. 443,2 (по варіянту): 'ς τῆς ἀγαπῶ τὴν πόρτα „у двери моей возлюбленной"; ср. Legrand 3,124: 'ς τῆς λυγερῆς (красавицы) τὴν πόρταν. Тѣмъ болѣе странно въ сфакіотской пѣснѣ Pass. 245,14: Ὁ πρῶτος ὁ σκοτώθηκεν ἦτον ὁ Μπούζο Μάρκος „Первый, кто былъ убитъ, былъ Бузо Маркосъ", потому что въ средне-греческомъ такимъ образомъ употребляются только формы съ τ; къ тому-же у Яннараки (43) здѣсь читается: Πρῶτος ἀπού σκοτώθηκε. Что касается трапезунтскаго нарѣчія, то оно въ этомъ случаѣ не составляетъ исключенія; но, если вѣрно правописаніе Іоаннида, Трапезунтяне и въ живой рѣчи до сихъ поръ употребляютъ членъ вмѣсто относительнаго м-нія послѣ ἄμμον *какъ* (ἄμμον ἐσέν какъ ты), напр. 278,6: ἄμμον τὸ λές „судя по тому, что ты говоришь" (Legrand 143,29: κατὰ ποῦ λές); ἄμμον τό передъ цѣлымъ предложеніемъ значитъ также *какъ только*, какъ теперь у прочихъ Грековъ одно ἅμα, или просто *какъ*, напр. 279,8: ἄμμον τὸ ἔσαν πρῶτα „какъ они были прежде", съ чѣмъ поучительно сравнить тамъ-же: ἄμμον καὶ πῶς ἔσαν „такъ-же, какъ они и были". Но можно-ли поручиться, что въ этихъ случаяхъ не слѣдуетъ писать ἄμμον ντό или ἄμμο ντό? [1]). Какъ бы то ни было, предложенное мною объясненіе ντό не нуждается для своего подтвержденія ни въ какихъ особенныхъ аналогіяхъ изъ современнаго трапезунтскаго нарѣчія: нѣкоторые слѣды употребленія члена въ смыслѣ относительнаго м-нія, хотя бы и очень слабые именно въ этомъ нарѣчіи, и существованіе этого употребленія въ средне-греческомъ языкѣ, отъ котораго это нарѣчіе про-

---

въ вин. пад. Ср. καλῶς τονε τὸν Χρόνη 48,4 καλῶς τον τὸν λεβέντην (молодца) 426,7; 427,1; 429,5, гдѣ καλὸ 'ς невозможно, потому что м-ніе 3-го л. τόν, нерѣдко энклитическое, не соединяется съ предлогомъ.

1) Полную параллель къ этому реченію представляетъ употребительное у греческихъ поселенцевъ въ Калабріи нарѣчіе μότι (motti) *когда*, если справедливо предположеніе Компаретти Saggi dei dialetti greci dell' Italia meridionale (Pisa 1866), Note (42,3): forse proviene da ὅμα ὅτι.

исходитъ, совершенно достаточны для того, чтобы это объясненіе не казалось по крайней мѣрѣ невѣроятнымъ. Эта вѣроятность значительна усиливается свидѣтельствомъ нарѣчія, близкаго къ Трапезунтскому, синопскаго, въ которомъ вмѣсто ντό говорится прямо τό; да и въ Трапезунтѣ, по завѣренію уроженца той-же мѣстности, г. Сакова, нерѣдко слышится τό, какъ пишетъ и Пассовъ въ трапезунтской пѣснѣ 481,6, а во мн. ч. всегда τά. Если такъ, ντό представляетъ другой примѣръ перехода относительнаго м-нія въ вопросительное, — перехода, которому въ данномъ случаѣ содѣйствовало, вѣроятно, созвучіе съ ντέ.

Въ нарѣчіи Трапезунтянъ есть и еще одинъ примѣръ того-же явленія — нарѣчіе apoten (=πόθεν), если только вѣрно правописаніе Іоаннида ἀπ' ἔθεν. Legrand пишетъ ἀπόθεν, но какъ онъ понимаетъ это слово, неизвѣстно. При усвоенномъ имъ правописаніи возможно дѣленіе ἀ—πόθεν, гдѣ ἀ можетъ имѣть значеніе или благозвучной или указательной приставки; но первая допускается чуть-ли не исключительно передъ знаменательными частями рѣчи, а послѣдняя—, конечно, только передъ указательными словами: ἀτόσον, ἀέτς (обще-греч. ἔτσι такъ), ἀτώρα (τώρα, т. е. τῇ ὥρᾳ, теперь), ἀδά (δά тамъ, особенно въ τουτο-δά и др.), ἀοῦτος (устарѣлое οὗτος), также, можетъ быть, ἀεῖκος (такой), происхожденіе котораго мнѣ неизвѣстно. Искаженіе изъ ἀπ' πόθεν не мыслимо, потому что ἀπό теряетъ конечную гласную только передъ формами члена съ τ, да и то не въ трапезунтскомъ нарѣчіи, въ которомъ вмѣсто сокращеннаго ἀπ' употребляется ἀς [m]); но вполнѣ возможно ἀ(πο)-

---

m) Это ἀς есть, конечно, не что иное, какъ предлогъ ἐκ или ἐξ, удержанный въ первой формѣ нѣкоторыми нарѣчіями до нашихъ дней, а въ древности у Віотянъ, Ѳессалійцевъ, Аркадянъ и близкихъ къ послѣднимъ Кипрянъ звучавшій ἐς. Слѣдовательно форма ἐς составляла принадлежность Эолянъ и потому была употребительна въ Азіи,—по всей вѣроятности, не только на островѣ Кипрѣ, но и на материкѣ, чѣмъ и объясняется ея существованіе въ трапезунтскомъ нарѣчіи. Переходъ начальнаго ε въ α, очень распространенный въ ново-греческомъ, коснулся и предлога ἐκ; напр. въ повѣсти объ Аполлоніи форма ἀκ засвидѣтельствована рукописью четырежды: ст. 477 (Wagner стр. 264), 493 (ib.), 535 (265), 664 (270).

πόθεν съ сокращеніемъ двухъ одинаковыхъ слоговъ въ одинъ, какъ Morosi (Studi sui dialetti greci della terra d' Otranto. Lecce 1870 стр. 146) объясняетъ и калабрское apoten. Уже въ древности, по свидѣтельству Гесихія, жители Пафоса говорили: ἔσποθ' ἔρπες; вмѣсто πόθεν ἦκεις. Что касается объясненія Іоаннида, то, принявъ его, необходимо признать у Трапезунтянъ за ὄθεν болѣе долгое существованіе, чѣмъ за густымъ дыханіемъ, которое должно было обратить π въ φ. Или мы можемъ допустить здѣсь эолизмъ?

Обратное вліяніе косвеннаго вопроса обнаруживается въ употребленіи вопросительныхъ м-ній въ значеніи относительныхъ. Мы видѣли на стр. 24, что этотъ переходъ можетъ совершаться путемъ прямаго вопроса; но въ греческомъ языкѣ, какъ было замѣчено на стр. 72, измѣненіе смысла нѣкоторыхъ вопросительныхъ м-ній совершилось преимущественно вслѣдствіе безпримѣрной въ другихъ языкахъ близости косвеннаго вопроса къ относительнымъ предложеніямъ. Еще къ древности относятся первые случаи смѣшенія τίς съ ὅστις и ὅς, которое можно прослѣдить исторически по примѣрамъ, хотя и немногочисленнымъ, приведеннымъ у Кюнера II стр. 1018; смотри также Шнейдерово изданіе Каллимаха I стр. 422. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ надписей. Двуязычная надпись на столбѣ, находящемся въ Капитолійскомъ музеѣ, C. I. G. 6184: Ἀννία Ῥηγιλλα,—Ἡρώδου γυνή, τὸ φῶς—τῆς οἰκίας, τίνος ταῦ—τα τὰ χωρία γέγοναν.—Annia Regilla,—Herodis uxor,—lumen domus,—cuius haec—praedia—fuerunt, гдѣ поправка издателей ἧς τινος неправдоподобна по причинамъ какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ: это м-ніе находится не въ началѣ, а въ серединѣ строки, и форма γέγοναν, которую они-же напрасно исправляютъ въ γέγονεν, указываетъ на позднѣйшій простонародный языкъ, не допускающій классической мѣрки. Стихотворное окончаніе надписи найденной во Фригіи, 3827 ν. (t. III add. et corrig. p. 1055): Τίς ἂν προσάξει χεῖρα τὴν βαρύφθονον, Πολλαῖς ἀώροις περιπέσοιτο συμφοραῖς. Искаженія той-же формулы въ надпи-

сяхъ той-же мѣстности—3843: Τὶς (издатели: ὃς) ἂν δὲ χεῖρα προσαγάγῃ βαρύφθονον, ταῖς αὐταῖς περιπέσοιτο συνφοραῖς и 3883: Τὶς ἂν προσ(άξε)ι χεῖρα τὴν (β)αρύφθονον, (οὕτω)ς ἀ-(ώρ)οις..... [n]); см. также найденную въ Италіи 6223. b., которая впрочемъ такъ испорчена, что я ограничусь указаніемъ на примѣчаніе къ ней въ Addenda. Для уясненія смысла этого τίς (если только онъ не ясенъ и безъ того) сравни 3846. z. [60] (t. III add. p. 1077): Ὅστις νεκρὰν πρόσοψιν ἀφανίσει τέκνου, Οὕτως ἀώρον (читай:—ροις) περιπέσοιτο συμφοραῖς. Оттуда-же 3882. i., 8 слѣд. (ib. add. p. 1101):... Ἀμια—νῷ: Τὶς ἂν δὲ τούτῳ—τῷ μνημείῳ κακὸν προσποιῇ—σει.....,—ἀποτείσει τῷ ἱερωτάτῳ τα—μείῳ ὀηνάρια δισχίλια πεντα—κόσια. Издатели, какъ мы видѣли, большею частію исправляютъ это τίς въ ὅστις или ὅς или, по крайней мѣрѣ, объясняютъ его изъ перваго [o]). Въ такомъ случаѣ τις было бы энклитикой или проклитикой, а между тѣмъ замѣтка схоліаста къ первымъ стихамъ Софоклова Эдипа въ Колонѣ (у Шнейдера тамъ-же) свидѣтельствуетъ о тождествѣ относительнаго τίς съ вопросительнымъ,—стало быть, и объ одинаковомъ удареніи, которое впрочемъ при относительномъ значеніи, вѣроятно, подлежало общему правилу объ ὀξύτονα передъ другими словами. И такъ въ позднѣйшемъ древне-греческомъ языкѣ, между прочимъ и въ Ἀσιανὴ γλῶσσα, было относительное м-ніе τίς и даже, какъ видно изъ надписей 3843 и 3882 (τὶς ἂν δὲ—), τὶς ἄν, произносившееся, вѣроятно, τισάν, такъ какъ

---

n) Текстъ этой надписи значительно пострадалъ,—по крайней мѣрѣ, въ томъ спискѣ, которымъ пользовались издатели C. I. Заключенныя въ скобки дополненія и поправки принадлежатъ имъ кромѣ προσ(άξε)ι, гдѣ они читаютъ προσ(αγάγῃ), не обративъ вниманія на сохранившуюся въ концѣ слова ι: въ позднихъ надписяхъ, особенно такого качества, ι не подписывалась; такъ въ приведенной выше 3843 на камнѣ значится προσαγαγῃ. Что же касается будущаго времени въ относительныхъ неопредѣленныхъ предложеніяхъ даже при ἄν, сравни надписи, текстъ которыхъ выписанъ здѣсь и на стр. 79.; то-же при εἰ помимо случаевъ, допускаемыхъ классическимъ языкомъ, стр. 78.

o) Add. ad 6223: Quippe inter pronuntiandum ὅτις in τις depravatum absorpta priore syllaba.

при соединеніи двухъ словъ въ одно реченіе тяжелое ударе-ніе перваго пропадаетъ передъ ударѐніемъ втораго, напр. ἐπε-(ι)-άν, ἐπει-δή р). Это τισάν должно было облегчить сложеніе εἴτισαν, сохранившееся въ трапезунтскомъ εἴντσαν. Изъ средне-греческаго языка, кромѣ сомнительнаго мѣста въ повѣсти объ Аполлоніи (см. стр. 24), мнѣ извѣстенъ только одинъ при-мѣръ относительнаго τίς, именно Fab. Rom. 220 (къ 109,19): διπλὴν καὶ τριπλὴν τὴν τιμὴν ἀπὸ τί ἐζυγίαζαν τὰ ξύλα „двой-ную и тройную цѣну противъ (того,) что̀ вѣсило дерево“ (lignum), гдѣ рукописное искаженіе изъ обыкновеннаго ἀπ' ὅτι невѣроятно. Но Трапезунтяне до сихъ поръ употребля-ютъ въ относительномъ смыслѣ вин. пад. τινάν, напр. Pass. 527,3: Ἐμάγεψαν τὴν ἐγαπῶ, κ'ἐπῆραν τινὰν θέλω. Τὴν ἐγαπῶ φορεῖ σακκὶν, τινὰν 'κὶ θέλω ῥοῦχον „Околдовали (ту), которую я люблю, и взяли (ту), которой желаю; которую я люблю, (та) носитъ мѣшекъ (?), которой не желаю, (та носитъ) платье.“ г); у Іоаннида 281,13: Τὴν κόρ', τινὰν αἰγάπανες, κρατοῦν καὶ πᾶγνε, θάφνε. — Ἐγὼ... τινὰν αἰγάπανα, ἐπῆραν, πᾶγνε, θάφνε; „Дѣвушку, которую ты любилъ, держатъ (на рукахъ) и несутъ хоронить. — Я... которую любилъ, взяли

р) Пока греческое ударѐніе сохраняло свою музыкальность, т. е. было осно-вано не на усиленіи, а на повышеніи голоса, на напряженіи не выдыхатель-ныхъ мышцъ, а голосовыхъ связокъ, въ упомянутомъ случаѣ тяжелое ударѐніе пропадало, вѣроятно, только на письмѣ, а въ живой рѣчи напр. ἐπεάν звучало ерѐан, какъ мы можемъ условно изобразить восходящее соединеніе трехъ нотъ, интервалы которыхъ намъ неизвѣстны. Но чѣмъ ближе ударѐніе въ греческомъ языкѣ подходило къ нашему, чѣмъ болѣе оно смѣшивалось съ прежнимъ метрическимъ ударѐніемъ (ictus), тѣмъ слабѣе звучало тяжелое уда-рѐніе внутри словъ.

г) Это темное мѣсто станетъ нѣсколько понятнѣе, если вторую половину перваго стиха мы будемъ читать такъ: πῆραν τινὰν 'κὶ θέλω „взяли (ту), которой я не желаю“. Глаголъ παίρνω употребленъ здѣсь, можетъ быть, въ томъ-же смыслѣ, какъ въ приведенномъ выше отрывкѣ критской пѣсни (примѣч. 25). Въ такомъ случаѣ второй стихъ будетъ указывать на различіе между двумя дѣвицами по ихъ состоянію. Но если эта разница состояній находится въ отношеніи слѣдствія къ первому стиху, то ἐπῆραν или испорчено или упо-треблено въ неизвѣстномъ мнѣ значеніи.

и несутъ хоронить?". Вотъ еще три примѣра, очевидно, разговорные, сообщенные мнѣ г. Саковымъ: τὸν ἄνθρωπον, τιναν (sic) 'χ' εἶδες, μὴ κατηγορᾷς „человѣка, котораго ты не видалъ, не порицай"; ἐμεῖς τιναν 'χ' εἴδαμεν, ἄλλοι πάλ' ἂς μὴ θωροῦν ἀτον „мы кого не видали, пусть и другіе на того не глядятъ"; ναὶ παῖ! ἐψές τιναν εἶδες, ἀτός ἐτον „о дитя, кого ты видѣлъ вчера, былъ онъ". Изъ сопоставленія всѣхъ пяти примѣровъ можно вывести, 1) что употребителенъ только вин. пад. ед. ч. м. и ж. р.; 2) что, хотя и нельзя назвать это τιναν м-ніемъ относительнымъ неопредѣленнымъ, какимъ не всегда было и древнее относительное τίς, однако-же въ немъ есть извѣстная неопредѣленность, такъ какъ оно, повидимому, не можетъ относиться къ лицамъ, обозначеннымъ вполнѣ опредѣленно, напр. именемъ; 3) что оно употребляется въ извѣстныхъ выраженіяхъ, напр. съ ἐγαπῶ или однозначащимъ θέλω и съ εἶδα; 4) что удареніе формы τινάν до такой степени слабо, что самое существованіе его можетъ казаться сомнительнымъ. При легкости отпаденія начальныхъ гласныхъ въ ново-греческомъ языкѣ, казалось бы возможнымъ произвести и это τινάν отъ соотвѣтственной формы м-нія ὅστις; но въ виду того, что по ново-гречески она звучитъ ὅτινα, хотя вмѣсто τις, вин. τινα говорится τινάς, τινάν, такое объясненіе оказывается неправдоподобнымъ, а потому гораздо естественнѣе поставить τινάν въ непосредственную связь съ позднѣйшимъ древне-греческимъ относительнымъ неопредѣленнымъ τὶς ἄν, вин. пад. τίν' ἄν, позже, по законамъ тоническаго ударенія въ греческомъ языкѣ, съ однимъ повышеніемъ, именно съ тѣмъ, которое получило перевѣсъ въ именительномъ падежѣ,—τιν' ἄν.

У греческихъ поселенцевъ въ Калабріи употребляется также относительное τίς, передъ согласными и въ среднемъ родѣ τί, вин. пад. м. и ж. р. τινό. Компаретти въ текстѣ своихъ Saggi dei dialetti greci dell' Italia meridionale пишетъ 'tis, 'ti, намекая тѣмъ, конечно, на происхожденіе

изъ ὅστις; но могла-ли отпасть гласная съ согласной? Если бы мы имѣли право указать, какъ на первообразъ этого м-нія, на гомерическое ὅτις, дѣло объяснялось бы очень просто; но послѣдняя форма, сколько мнѣ извѣстно, чужда среднегреческому языку. Возможны два объясненія этихъ формъ: онѣ или такой-же остатокъ старины, какъ трапезунтское τινάν, или переводъ итальянскаго chi. Послѣднее можетъ показаться даже болѣе вѣроятнымъ при множествѣ всякихъ итальянизмовъ въ этомъ нарѣчіи, между прочимъ, можетъ быть, и πόσος (ит. quanto) и πόα (ит. quando) вмѣсто общегреческихъ ὅσος и ὅτε; но въ такомъ случаѣ какъ объяснить сложное τίς-που, употребляемое тамъ-же въ смыслѣ древняго ὅστις? переводомъ итальянскаго chiunque? но какимъ-же именно? Ποτε, которое могло бы соотвѣтствовать частицѣ unque, точно, можетъ сокращаться въ сложеніи, но не въ που, какъ видно изъ м-нія τί-πο или τί-πι (обще-греч. τί-ποτε=древне-греч. τι или οὐδέν); см. Morosi стр. 125. Къ тому-же чуть-ли не такое-же образованіе мы находимъ въ трапезунтскомъ upan, т. е. οὔπ᾽ ἄν (Legrand 89,20) вмѣсто обще-греческаго ὅπου καὶ ἄν (гдѣ бы ни) [8]).

Но употребительный въ нарѣчіи тѣхъ-же переселенцевъ союзъ τί вмѣсто ὅτι находится, можетъ быть, въ неразрывной связи съ обще-греческимъ τί, которое, вѣроятно, произошло изъ ὅτι, никогда не умиравшаго въ греческомъ языкѣ. Это усѣченіе только кажущимся образомъ противорѣчитъ правилу о неприкосновенности высокой гласной, которое Г. Курціусъ отвергаетъ безъ достаточныхъ основаній: начальную гласную потеряло не полнозвучное ὅτι, а произносимое

---

8) И такъ мы видѣли въ трапезунтскомъ нарѣчіи уже три относительныхъ образованія съ приросшимъ ἄν — *εἴντσαν, τινάν* и *οὔπαν*, какъ пишетъ Legrand, или, какъ, вѣроятно, слѣдуетъ писать, *οὔπαν* изъ οὔπ᾽(ου) ἄν. Τὶς ἄν находится уже въ *Ἀσιανὴ γλῶσσα*, въ которой употреблялось и ὃς ἄν, напр. во фригійской надписи 3865. i. (t. III add. p. 1096): ὃς ἂν δὲ κακῶς ηυησε (читай: ποιήσει) τέκνα ἄωρα.... (ср. ново-гр. ὡσάν какъ). Такимъ образомъ это нарѣчіе и здѣсь осталось вѣрно унаслѣдованному имъ пріему.

въ быстрой рѣчи вмѣстѣ съ послѣдующими словами ὅτι; такъ и нашъ союзъ *что* произносится безо всякаго ударенія, какъ показываетъ его неопредѣленная гласная. Такою временною утратой ударенія объясняется множество случаевъ усѣченія высокой гласной въ самыхъ разнообразныхъ языкахъ; сюда относятся ново-греч. (ἴ)να, лат. (i)ste и (i)lle, срб. (je)сам, пол. (i)że и т. п.

Вопросительною формой въ смыслѣ относительной, а не сокращенною изъ относительной неопредѣленной надобно признать πῶς вмѣсто древняго ὡς, какъ въ трапезунтскомъ примѣрѣ на стр. 88. Мы видѣли на стр. 64, что πῶς употребляется между прочимъ въ смыслѣ союза ὅτι; такъ какъ это значеніе указываетъ на косвенный вопросъ, а эта форма вопроса въ ново-греческомъ не отличается отъ прямой, относительное πῶς, очевидно, тождественно съ вопросительнымъ. Совершенно такое-же явленіе представляетъ союзъ διατί или γιατί въ смыслѣ διότι, по переходу значеній прямо противоположный сербскому јер *почему*. Что же касается относительныхъ ποιός (который) и ποῦ (нарѣчіе и частица), то какъ союзъ τί образовался изъ ὅτι, такъ, вѣроятно, и они сократились изъ ὁποῖος и ὁποῦ. Послѣднее есть новообразованіе изъ перваго, уже утратившаго неопредѣленность, какъ наоборотъ ὅποιος (произноси óрjos) произведено изъ ὅπου, получившаго смыслъ относительнаго неопредѣленнаго м-нія, но сохранившаго и свое прежнее значеніе. И такъ, если изъ корня πο явилось новообразованіе съ ὁπ- (ὁποῦ), трудно предположить, чтобы языкъ началъ употреблять въ то-же время въ томъ-же значеніи отъ того-же корня формы съ π- (ποῦ и ποῖος — ποιός, о чемъ см. примѣч. 5 въ концѣ). Слогъ ὁ- могъ впослѣдствіи отпасть, какъ въ μολογῶ, μονοιάζω, μιλῶ, σπίτι (hospitium) и т. п.; въ данномъ случаѣ отпаденію этого слога могло содѣйствовать смѣшеніе его съ членомъ, такъ какъ въ средне-греческомъ языкѣ употреблялось и ὁ ποῖος, ἡ ποία, τὸ ποῖον, смѣнившееся въ новѣйшей книжной рѣчи соединеніемъ ὁ ὁποῖος и т. д. (ср. примѣч. 11).

Утрата понятія качественности въ ποιός или ὁ ὁποῖος и ὅποιος напоминаетъ то-же явленіе въ нѣкоторыхъ другихъ языкахъ, напр. романскихъ, и германскихъ, въ которыхъ видоизмѣненія м-ній качественныхъ qualis и hvîliks употребляются въ смыслѣ простыхъ относительныхъ. То-же мы видѣли въ средне-греческомъ οἷος, не пустившемъ однако прочныхъ корней въ языкѣ. Это превращеніе качественныхъ относительныхъ м-ній въ простыя въ греческомъ языкѣ имѣетъ также нѣчто общее съ косвеннымъ вопросомъ, особенности котораго такъ важны для вѣрнаго пониманія позднѣйшихъ греческихъ относительныхъ м-ній и союзовъ. Ὅστις есть неопредѣленное относительное м-ніе классическаго древне-греческаго языка, но оно можетъ относиться и къ опредѣленному лицу или предмету, указывая при этомъ на его качество или на тѣ особенныя обстоятельства, въ которыхъ находится это лицо или предметъ, и такимъ образомъ соотвѣтствовать латинскому qui (съ сослагательнымъ или съ изъявительнымъ наклоненіемъ), а не quicumque или quisquis; см. Ellendt-Genthe, Lexicon Sophocleum s. v. и кромѣ того Lys. 1,27; 6 (подложная), 45; Dinarch. in Demosth. 93; Hyper. Epitaph. X 9—21; Thucyd. III, 57,3; 64,4 (съ примѣчаніемъ Классена); IV, 18,1; Alciphr. epist. II, 4,5 (Epistolographi graeci ed. Hercher p. 65). Другой случай, когда ὅστις можетъ обозначать опредѣленное лицо или предметъ, и есть косвенный вопросъ. Но въ позднѣйшемъ древне-греческомъ языкѣ мы встрѣчаемъ ὅστις при названіи опредѣленнаго лица или предмета безъ оттѣнка качественности даже внѣ косвеннаго вопроса, напр. C. I. 6391: Εὐτυχίῳ—, ὅστις ἔζησεν μῆνας ιά, ἡμέρας ια΄; 6405: Ζωτικῇ- , ητις ἔζησεν μετ' ἐμοῦ ἔτη ϛ΄; 6437: Μελιτίνῃ—, ητις συνεβίωσέ μοι ἀπὸ ἐτῶν ια΄ ἅμα ἔτῃ λε΄; также-же 6141 b; 6474,5; 6503,4; 6545,6, 6667 5; 6769,2 и др. Такимъ образомъ м-ніе ὅστις, потерявъ свою неопредѣленность внѣ косвеннаго вопроса вмѣстѣ съ тѣмъ утратило и значеніе качественности

и превратилось въ простое относительное м-ніе, какъ позже ὁποῖος—ποῖος—ποιός.

Что касается нынѣшняго употребленія разсмотрѣнныхъ здѣсь ново-греческихъ относительныхъ м-ній, то значеніе опредѣленныхъ имѣютъ ὁ ὁποῖος въ книжномъ языкѣ и частица ὁπού или ποῦ (рѣже ὅπου, какъ у Христопула: Ἐκεῖνον ὅπου ξεύρεις „того, кого ты знаешь"), а въ смыслѣ неопредѣленныхъ употребляются безразлично ὅποιος и ὅπου, въ ср. р. также ὅ τι, въ род. падежѣ всѣхъ родовъ иногда ὅτινος, въ вин. м. ὅτινα. Относительное опредѣленное ποιός значитъ теперь большею частію то-же, что ὅποιος, и, по замѣчанію Софокла стр. 74, „обветшало или ветшаетъ". Но оно живетъ и сохранило прежнее, т.-е. средне-греческое, значеніе въ трапезунтскомъ нарѣчіи, гдѣ оно употребляется рядомъ съ ποῦ для обозначенія лицъ,—кажется, только мужескаго рода: ποιά мнѣ не встрѣчалось. Косвенные падежи отъ ποιός, кромѣ развѣ винительнаго, у Трапезунтянъ неупотребительны; но вотъ примѣръ чрезвычайно поучительный изъ народнаго расказа у Іоаннида стр. 266: εἶπεν καὶ ἕτερον, ποιὸς ἔσαν βλαμμένα τὰ χέρια 'τ' (вмѣсто ἀτου) „сказалъ и другой, который были повреждены руки его" (т.-е. котораго руки б. п.), гдѣ падежъ м-нія ποιός выраженъ посредствомъ личнаго м-нія, какъ падежъ частицы ποῦ или несклоняемыхъ арабскаго 'allaḏî и болгарскаго *кои-то*. По своему образованію ποιός (или, какъ обыкновенно произносятъ въ Трапезунтѣ, ποῖος), есть вполнѣ склоняемое м-ніе; и такъ, если оно по чему бы то ни было является несклоняемымъ или, по крайней мѣрѣ, безъ родительнаго падежа и должно прибѣгать къ косвеннымъ падежамъ личнаго м-нія, то такой образъ выраженія основанъ, очевидно, на неумѣньѣ справляться даже съ готовымъ относительнымъ м-ніемъ. Впрочемъ дивиться этой путаницѣ нечего, и если въ данномъ случаѣ она кажется намъ чѣмъ-то дикимъ и чуждымъ, то это зависитъ развѣ отъ того, что мы ее видимъ, а не слышимъ; иначе мы, вѣроятно, не обратили бы на нее ни ма-

лѣйшаго вниманія, потому что, благодаря весьма распространенной у насъ привычкѣ говорить какъ попало, лишь бы поняли, намъ не нужно ходить за такими примѣрами въ Трапезунтъ. Иную неправильность при склоняемомъ относительномъ м-ніи представляетъ стихъ изъ сербской пѣсни, приведенный въ сравнительной грамматикѣ Миклошича IV стр. 94: Бошњаци, које си јих скоро преварио „Босняки, которыхъ ты ихъ недавно обманулъ“, гдѣ падежъ относительнаго м-нія повторенъ въ личномъ вслѣдствіе того-же неправильнаго пониманія относительнаго м-нія. Какъ бы то ни было, примѣры и того и другаго рода въ высшей степени поучительны для языковѣда, какъ живыя доказательства тѣхъ усилій, которыхъ стоило человѣку соединеніе въ одномъ и томъ-же словѣ понятій относительной связи и опредѣленной части рѣчи, особенно части склоняемой, какъ qui, qualis, quantus. Трудностью этого процесса и объясняется необыкновенное распространеніе такого своеобразнаго способа, какъ сочетаніе относительныхъ частицъ съ личными или указательными м-ніями и нарѣчіями.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Стр. 7 Представленіе предмета боязни, какъ ея источника, не чуждо и нѣмецкому и греческому языкамъ: въ средневерхне-нѣмецкомъ erschrecken сочиняется съ род. пад., въ ново-греческомъ φοβοῦμαι иногда съ предлогомъ ἀπό.

Стр. 9 строка 11 снизу: труга — читай: друга.

Стр. 16. Примѣромъ первобытнаго относительнаго построенія можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ литовской пѣсни (Ф. Фортунатовъ и Всев. Миллеръ, Литовскія народныя пѣсни Москва 1872 — № LXXIII 5): Не присамдиси, Мано тетужели, Сункем дабрялем дирбтё, Дидej пошнялej артё. (6) Ту пасамдиси, Мано тетужели и т. д. (7) Пер дёна аре, Варсно не ужаре и пр. — слово въ слово: „Не принаймешь, мой батюшка, тяжелыя работы работать, большую запашку орать. Ты наймешь, мой батюшка.... за день оралъ, полосы не взоралъ", т.-е. ты не принаймешь никого, кто бы (или: чтобы).... ты наймешь такого, который (или: что) день попашетъ и полосы не вспашетъ". Ср. тамъ-же 14 до конца пѣсни. Въ 5 отрицательное *никто* пропущено, какъ въ Отфридовомъ nist untar in thaz thulte (см. стр. 46) или въ критской пѣснѣ у Legrand 56,1: 'ς τὸ κόσμο δὲν εὑρέθηκεν οὔτε 'ς τὴν 'Εγγιλτέρα, Νὰ πολεμήσῃ τὴν Τουρκιὰν ὡσὰν τὸν Ξεπατέρα „На свѣтѣ не находился ни даже въ Англіи, чтобы воевалъ съ Турціей, какъ Ксепатерасъ", гдѣ по-литовски можно было бы употребить неопредѣленное наклоненіе, какъ въ выше приведенной пѣснѣ; въ 6 дополненіе къ *пасамдиси* (что-нибудь въ родѣ *такого*) пропущено, вѣроятно, въ соотвѣтствіе съ предшествующимъ *не присамдиси*. Въ 7 нѣтъ ни

относительнаго м-нія, ни союза, но, очевидно, ничто не пропущено, такъ какъ время глагола показываетъ, что это предложеніе самостоятельно не только грамматически, но и логически; ср. стр. 68 и дополненіе къ стр. 17.

Тамъ-же стр. 8 снизу: maqtûa — читай: maqtû'a.

Стр. 17. Подобное употребленіе *a* очень обыкновенно въ старо-польскомъ, напр. въ актѣ 1423 г. у Пршиборовскаго стр. 16: Iaco czsso moy ludze wczandzaly wlodarza czaczskego, to wcądzaly w mem lesse prawem, a on rwe chmel „Что мои люди задержали приказчика Чацкаго, то задержали въ законно мнѣ принадлежащемъ лѣсу, а онъ рветъ хмель", гдѣ *a* значитъ не только *за то, что*, но и *когда*, и въ соединеніи съ настоящимъ временемъ указываетъ на то, что виновный былъ накрытъ на мѣстѣ преступленія; ср. примѣч. б. Съ прошедшимъ временемъ несовершеннаго вида, кажется, безъ существенной разницы въ актѣ 1428 г. (стр. 21): czso moy rzanczya wszyął sedmyoro kony y dwa vozy y dwe szyekyrze y nosz y szyodlo Bartoszewy a Pyotrowy, tho wszyął w mem prawem zapuscze, a ony rąbili „что мой управитель взялъ семь коней, двѣ телѣги, два топора, ножъ и сѣдло у Варѳоломея и Петра, то взялъ въ законно мнѣ принадлежащей заросли, а они рубили". Но въ другомъ смыслѣ съ прошедшимъ совершеннаго вида, какъ въ актѣ 1424 г. (стр. 17): Iaco czssom zayął conye Przybcowi, ti-m zayął w mem zicze, a ony my zyadly zyta za corą „Что я захватилъ коней у Пршибка, тѣхъ я захватилъ въ моемъ житѣ, а они у меня съѣли жита больше копы", гдѣ *a* значитъ, очевидно *когда уже* или *послѣ того, какъ*. Ср. Miklosich, Vergleichende Gramm. IV стр. 78—80.

Стр. 21 примѣч. 4. *Же*, означающее тождество (въ *тотъ-же, такой-же* и т. п.), попало сюда безъ оговорки лишь по недосмотру, такъ какъ въ этомъ случаѣ оно замѣняется у нѣкоторыхъ Славянъ другою частицею, первоначальная форма которой не ga (црк. *же*), а dja (црк. *жде*); обѣ

частицы являются въ сербскомъ *такодьер* (также). Сущность примѣчанія не потеряла бы своей силы отъ исключенія этого *же* = *жде*; но его не за чѣмъ даже исключать: м-нія и нарѣчія тождества образуются при помощи *же* не только въ русскомъ языкѣ, въ которомъ *ж* нерѣдко представляетъ первоначальное *dj*, но и въ западныхъ славянскихъ, гдѣ *dj* переходитъ въ сложныя *дз*, *ц* и (въ верхнелужицкомъ нарѣчіи) *дж*; слѣдовательно обѣ частицы имѣютъ приблизительно одинаковое значеніе. Объ упомянутомъ въ томъ-же примѣчаніи относительномъ *и* (вмѣсто *и-же*) см. Miklosich ib. 83.

Стр. 25 примѣч. 5. Для исторіи перехода вопросительныхъ м-ній въ неопредѣленныя важны такіе примѣры, какъ „Несторъ както“ Nestor quidam (Miklosich ib. 86), напоминающіе не только греческое τις, но и соотвѣтственные обороты арабскаго языка. Противъ непосредственной связи относительныхъ м-ній съ неопредѣленными свидѣтельствуютъ такіе языки, въ которыхъ послѣднія тождественны съ вопросительными (лат. quis, quid; црк. *кто, что*; хорут. kdo, kaj), тогда какъ относительныя образуются иначе, хоть иногда отъ того-же корня (лат. qui, quae, quod; црк. *иже, яже, еже;* хорут. kdor, kar).

Стр. 28 — 31. О соединеніи относительныхъ частицъ съ личнымъ м-ніемъ см. Miklosich ib. 92 — 94, откуда въ нашемъ очеркѣ слѣдуетъ прибавить словацкое ǒo и верхне-лужицкое kiž; кромѣ того на стр. 84 упоминаются старочешскія jenž и ježto. Что касается недостающихъ у меня украинскаго *же* и словинскаго kir (стр. 93), то обѣ частицы засвидѣтельствованы у Миклошича примѣрами безъ личнаго м-нія и только въ именительномъ падежѣ. Послѣднее Миклошичъ считаетъ нарѣчіемъ мѣста (=*къдеже*); но въ такомъ случаѣ странно, что въ смыслѣ относительной частицы оно никогда не звучитъ kjer, какъ обыкновенно произносится нарѣчіе мѣста. Поэтому, кажется, вѣрнѣе отождествить kir съ обыкновеннымъ ki, къ которому r=*же* могло

присоединиться точно такъ-же, какъ оно присоединилось ко многимъ другимъ относительнымъ образованіямъ вопросительнаго корня въ словинскомъ языкѣ: kdor, kar, kjer, kedar, kakor и пр. Возможность существованія двухъ однозначащихъ формъ — простой и съ *же* — въ одномъ и томъ-же языкѣ подтверждается такими примѣрами, какъ црк. *яко* и *якоже*, чешскія ktery и kterýž.

Стр. 30 примѣч. 11. Съ указательнымъ м-ніемъ сложены также чешскія jež-to и kterýž-to и болгарскія *што-то*, *ка-то* (ὡς), *кога-то* (ὅτε); см. Miklosich ib. 94. Греки усиливали иногда относительное м-ніе указательнымъ, напр. Каллимахъ Anthol. Pal. XII 118 (XLIII Schneider): Ἄκρητος καὶ Ἔρως μ' ἠνάγκασεν, ὧν ὁ μὲν αὐτῶν εἶλκεν, ὁ δ' οὐκ εἴα σώφρονα θυμὸν ἔχειν (или τὴν προπέτειαν ἐᾶν, какъ дополняетъ Бюхелеръ конецъ этого стиха ετηνεαν на обломкѣ камня, найденномъ недавно при раскопкахъ на Эсквилинскомъ холмѣ); ἡ γραμματικὴ κυροῦ Γεωργίου τοῦ Λεκαπηνοῦ въ рукописи № 316 Московской Синодальной Библіотеки л. 32 б: Ἀμήχανον κάλλος, ὅπερ οὐ δυνατὸν, μιμήσασθαι αὐτὸ τινὰ (sic)· οὐδὲ διὰ μιμήσεως ἐφικέσθαι τούτου; сверхъ того съ существительнымъ въ видѣ общаго приложенія къ опредѣляемымъ словамъ въ рѣчи Гиперида за Эвксенippa XIX 14—XX 2: Διογνίδης μὲν καὶ Ἀντίδωρος ὁ μέτοικος εἰσαγγέλλονται ὡς πλέονος μισθοῦντες τὰς αὐλητρίδας ἢ ὁ νόμος κελεύει, Ἀγασικλῆς δὲ ὁ ἐκ Πειραέως ὅτι εἰς Ἀλιμουσίους ἐνεγράφη, Εὐξένιππος δ' ὑπὲρ τῶν ἐνυπνίων ὧν φησιν ἑωρακέναι, ὧν οὐδεμία ὁήπου τῶν αἰτιῶν τούτων οὐδὲν κοινωνεῖ τῷ εἰσαγγελτικῷ νόμῳ или съ род. пад. мн. ч. опредѣляемаго слова у Геродота IV 44: Ἰνδὸν ποταμόν, ὃς κροκοδείλους δεύτερος οὗτος ποταμῶν πάντων παρέχεται. Замѣтимъ кстати, что упомянутое на той-же страницѣ въ строкѣ 6 св. и 7 сн. болгарское *дѣто* правильнѣе писать *дето* (црк. *кѣде*).

Стр. 31 строка 11 св. вмѣсто ὅπου (ὁποῦ) читай ὁποῦ (ὅπου). Ср. стр. 97.

Стр. 33. Какъ въ ново-греческомъ ὁποῦ можетъ соеди-

няться съ м-ніями 1-го и 2-го лица, такъ Византійцы сочиняли и древнее ὅς, напр. Wagner XXI 714 (стр. 369): Ὅν βασιλεὺς ἐτίμα με.

Стр. 54 примѣч. 22. Если относительное предложеніе предшествуетъ тому, въ которомъ находится опредѣляемое слово, частица можетъ занимать и не первое мѣсто, какъ въ трапезунтской поговоркѣ, сообщенной мнѣ г. Саковымъ: 'σὰν ἐσὲν τὸν γιοῦχαν π' ἔχ', ἔργον καὶ δουλείαν 'κ' ἔχ' „У кого сынокъ, какъ ты, у того дѣла и работы нѣтъ".

Стр. 61. Въ числѣ описательныхъ выраженій заслуживаетъ вниманія трапезунтское ἔχω καὶ—, напр. у Іоаннида 267: εἶχεν καὶ παίεινεν „шелъ"; тамъ-же: ποῦ ἔ(χ)εις καὶ πᾷς; „куда ты идешь?"; 280,12: Τὸ κόρα'σον ἐπέντεσαν σ' σὸν Ἅιδ' εἶχεν καὶ παῖγνεν „Дѣвушку они встрѣтили (которая или: она) въ адъ шла"; 282,14: εἶχεν καὶ ἔρτεν „пришелъ". Повидимому, этотъ оборотъ соотвѣтствуетъ древнему τυγχάνω или древне-русскому и англійскому существительному глаголу съ причастіемъ.

Стр. 81. Современный примѣръ относительнаго εἴ τι у Спиридона Ламброса Πρὸς τὸν Γκαίτην (къ Гёте): Ἂν ἀγαπῶ τοὺς στίχους σου καὶ πᾶν, πᾶν εἴ τι ψάλλεις. Безо всякой разницы въ смыслѣ употребляются до сихъ поръ καὶ εἴ τι ὅμοιον и καὶ ὅσα τὰ τοιαῦτα=и т. п.

Стр. 82 стр. 18 и 19 сн. Στέννε (чуть-ли не правильнѣе σταίν'νε) значитъ не „стоять", а „ставять", почему смыслъ пословицы долженъ быть иной, но какой именно, я не знаю.

Стр. 85. По свидѣтельству г. Сакова, которому я обязанъ всѣми послѣдующими замѣчаніями о трапезунтскомъ нарѣчіи, ντό можетъ относиться и къ лицамъ, напр. ὁ ἄρθεπον ντὸ ἔρθεν ἐψές „человѣкъ, который пришелъ вчера". Такъ-же широко употребляется и τσί=τί (ср. σί βόλε. τί θέλεις. Κύπριοι у Гесихія), собственно средній родъ къ вопросительно-относительному τίς, о которомъ ср. ниже.

Стр. 87 и примѣч. k. Очень употребительна у Грековъ, по крайней мѣрѣ въ пѣсняхъ, формула καλῶς τὸ κάνεις или

πολεμᾷς и т. п., т.-е. (да идетъ) благополучно (то,) что̀ ты дѣлаешь и т. п.,—пожеланіе въ родѣ нашего „Богъ въ помочь“, напр. у Іоаннида: Καλῶς τὸ τρώγω κ' ἀγρυπνῶ καὶ κεῖμαι καὶ κοιμοῦμαι.

Стр. 89. Кромѣ только-что приведеннаго стиха изъ пѣсни относительное τό встрѣчается у Іоаннида еще въ слѣдующемъ: 'Εσὲν νι'σιὰν (нишан) θὰ δοίγω σε, τὸ 'κ' ἔχ' ἡ δωδεκάρα „Тебѣ орденъ я дамъ, какого нѣтъ у (членовъ) Совѣта Двѣнадцати“.

Стр. 93. Кромѣ вин. τινάν или τιναν=ὅν, ἥν Трапезунтяне употребляютъ род. τίνος или τινος (или τινός?)=οὗ, ἧς, напр. въ пословицахъ: Τινος εὑρέθεν τ' ἄλογον, ἐκεῖνος ἂς κεράΐ(ῃ) „Чья лошадь нашлась, тотъ пусть поитъ (виномъ)“ и: Τινος ἒν τὸ σπίτιν, ἂς ἔχ' καὶ τ' ἀνεγάρια „Чей домъ, у того пусть будутъ и ключи“. Какъ самая форма род. падежа, такъ и неопредѣленность или слабость ея ударенія заставляютъ сомнѣваться въ предложенномъ выше объясненіи формы τινάν изъ τιν' ἄν: и τινος и τινον, каковы бы ни были ихъ настоящія ударенія, произведены одинаково отъ простыхъ τίς и τίνας, что̀ впрочемъ безразлично относительно сущности вопроса о переходѣ вопросительныхъ м-ній въ относительныя. Если бы даже можно было утверждать, что трапезунтскія формы относительнаго τίς, взятыя внѣ связи съ послѣдующими словами, произносятся τινός и τινάν, а не τίνος и τίναν, это значило бы, конечно, не то, что онѣ относятся къ неопредѣленному τις, а то, что вопросительное τίς или τίνας при переходѣ въ относительное м-ніе замѣнило свое сильное удареніе менѣе знаменательнымъ, какъ древнія вопросительныя ποῖος и πόσος, превратившись въ неопредѣленныя, звучали ποιός и ποσός. Два слѣдующіе вывода изъ приведенныхъ въ текстѣ примѣровъ м-нія τιναν при болѣе обширномъ матеріалѣ оказались также невѣрными, такъ какъ оно 2) можетъ относится и къ опредѣленнымъ лицамъ, даже обозначеннымъ именами, и 3) употребляется со всѣми возможными глаголами. Такимъ образомъ относительное м-ніе

является у Трапезунтянъ въ слѣдующихъ формахъ: им. пад. м. р. ποῖος (или ποιος, рѣже ποιός=пѣс), ср. р. ντό или τό, иногда τσί (также для всѣхъ родовъ и чиселъ); род. τινος; вин. м. и ж. р. τιναν и для м. р., быть можетъ, ποῖον, ср. р. ντό или τό (τσί); мн. ч. ср. р. τά; кромѣ того частица ποῦ для всѣхъ родовъ, чиселъ и падежей (съ личнымъ м-ніемъ).

NB. Здѣсь не перечислены нѣкоторыя опечатки, которыя читатель безъ труда исправитъ самъ.

Пользуясь послѣдними страницами, которыя оказались лишними, я представляю на судъ знатоковъ нѣкоторыя изъ своихъ попытокъ къ исправленію текста Проперція.

I, 2, 13: Litora nativis collucent picta lapillis
Et volucres nulla dulcius arte canunt.

Такъ въ Groninganus, которому слѣдуетъ большинство издателей; въ Neapolitanus (лучшемъ) L. n. persuadent p. l., въ чемъ, очевидно, скрывается подлинное чтеніе. Смыслъ мѣста требуетъ глагола со значеніемъ превосходства — praestant, который мы и находимъ въ буквахъ persua — nt; de перенесено изъ depicta вслѣдствіе приблизительно такого начертанія этихъ словъ въ codex archetypus:

p$_{\text{r}}^{\text{de}}$stantpicta или p$_{\text{r}}^{\text{nt}}$stadepicta.

II, 8, 8: Vinceris aut vincis, haec in amore rota est.

Короткій слогъ въ сѣченіи элегическаго стиха не мы слимъ у поэта золотаго вѣка. Вѣроятно: sic in a. r. e., какъ I, 4, 27: maneat (Cynthia) sic semper, adoro. Путь искаженія: vincissic—vincisic, откуда уже сознательно: vincis hic—vincis haec. Такимъ-же образомъ Гейне исправилъ Tibull. II, 4, 38: Fecit ut infamis *hic* deus esset Amor.

II, 9, 3: Penelope poterat bis denos salva per annos
Vivere, tam multis femina digna procis.

Salva въ смыслѣ integra (IV, 6, 40) или casta (IV, 12, 37 также о Пенелопѣ) неясно, и если бы Проперцій имѣлъ въ виду эту мысль, онъ могъ бы употребить именно casta. Но какъ ст. 20—21 (At tu non una potuisti nocte vacare, Impia, non unum *sola* manere diem), такъ и противоположность (ср. III, 20, 27: Cum te *tam multi* peterent, tu me *una* petisti) заставляютъ думать, что здѣсь вмѣсто salva слѣдуетъ читать sola.

III, 3 (II, 12); 9: Et merito hamatis manus est armata sagittis
Et pharetra ex humero Gnosia uterque iacet.

Такъ въ Neapolitanus; въ Groninganus: cnosia utroque, что̀ вмѣстѣ съ поправкой Якоба iacit принято большинствомъ издателей, хотя utroque есть очевидная интерполяція, которая при iacit становится сверхъ того почти безсмысленной. Смыслъ слѣдующаго стиха (Ante ferit quoniam, tuti quam cernimus hostem—прежде чѣмъ мы, считая себя въ безопасности, усматриваемъ въ Амурѣ врага), указываетъ на то, что вмѣсто iacet слѣдуетъ читать latet, именно за спиною—a tergo, что̀, вѣроятно, и было надписано надъ подлиннымъ словомъ въ видѣ глоссы и, вытѣснивъ это слово, превратилось впослѣдствіи въ uterque. Вытѣсненное слово было, конечно, pone, которое могло нуждаться въ толкованіи, какъ устарѣлое (Quintil. VIII, 3, 25). Ср. Моска объ Эротѣ въ Anthol. Pal. IX, 440, 20: χρύσεον περὶ νῶτα φαρέτριον. О вольности въ употребленіи предлога (latere ex —) см. изданіе Герцберга I стр. 133.

III, 5, 39 (II, 13, 55): Illis formosum iacuisse paludibus, illuc
Diceris effusa tu, Venus, isse coma.

Iacuisse, относящееся къ Адонису, по признанію многихъ толкователей, вытѣснило собою другое неопредѣленное наклоненіе, относящееся къ Венерѣ, но какое? вѣроятно, te-

nuisse. Ср. Θеокрита 20,35: αὐτὸν Ἄδωνιν Ἐν ὀρυμοῖσι φίλασε καὶ ἐν ὀρυμοῖσιν ἔκλαυσεν.

III, 7 (II, 15), 17: Quod si pertendens animo vestita cubares,
Scissa veste meas experiere manus.

Обыкновенное исправленіе cubaris (= cubueris) не годится по смыслу мѣста: ἐὰν διατελῇς κειμένη. Было: pertendes—cubare; s въ концѣ присталъ отъ послѣдующаго слова. Ср. Ovid. Am. I, 5, 14: Pugnabat tunica sed tamen illa tegi.

III, 27 (II, 29), 41: Sic ego tam sancti custode recludor
amoris.

Въ Neapolitanus: custode reludor—очевидно, простая описка; въ editio Regiensis: custodis rector — отчасти интерполяція ради размѣра, отчасти настоящій варіантъ, наводящій на мысль, что слоги clu-do въ recludor возникли изъ повторенія буквъ *ct* съ *a*, занимающимъ по своему начертанію середину между *u* и *o*. При нерѣдкомъ смѣшеніи *r* и *n* довольно вѣроятно, что rector и reclu(do)r представляютъ искаженія слова nectar. Выраженіе nectar amoris необычно, но, если съ одной стороны поэзія одинаково называется медомъ (Lucr. I, 947; Hor. Epist. I, 19,44) и нектаромъ (Pindar. Ol. 7, 7; Anthol. Ries. 483, 3; Pers. prol. extr.), гдѣ tertium comparationis есть, очевидно, сладость (нектаръ= медъ Eurip. Bacch. 143; Martial. XIII, 104), и если съ другой Лукреція говоритъ IV, 1059: primum Veneris dulcedinis in cor Stillavit gutta, оно, безъ сомнѣнія, возможно. Ср. у подражателя Проперція, Павла Силенціарія, въ Anth. Pal. V 226: Ὀφθαλμοὶ, τέο μέχρις ἀφύσσετε νέκταρ Ἐρώτων, Κάλλεος ἀκρήτου ζωροπόται θρασέες; Припомнивъ встрѣчающіяся въ текстѣ Проперція смѣшеніе *c* и *g* (см. изданіе Л. Мюллера стр. XIV) и перестановку слоговъ (ср. выше I, 2, 13 и ниже), мы найдемъ и глаголъ, соотвѣтствующій Павлову ἀφύσσειν—degusto, искаженное въ custode.

III, 30 (II, 32), 23: Nuper enim de te nostras me laedit ad aures
Rumor et in tota non bonus urbe fuit.

Можетъ быть: nostras malus accidit aures, какъ C. I. R. III (p. 12) 47: Meas quoque auris Memnonis vox accidit; ср. Лахманна ad Lucr. IV 568 и V 608 и Plauti Capt. 548: Ne tu, quod istic fabuletur, auris inmittas tuas.

Тамъ же 61: Quodsi tu Graias tuque es imitata Latinas,
Semper vive meo libera iudicio.

Вмѣсто es необходимо sis, которое, конечно, должно было стоять передъ tuque. Путь искаженія: graiassistuq. — graiasistuq., потомъ

graiastuq.[is] или, можетъ быть, прямо graiastuq.[es]

IV (III), 1, 19: Mollia, Pegasides, date vestro serta poetae.

Такъ въ Neapolitanus и чуть-ли не во всѣхъ изданіяхъ; въ Groninganus: vestro date, что̀ слѣдуетъ принять: Проперцій, какъ и многіе другіе, ставитъ послѣ caesura semiquinaria сперва спондаическое, потомъ пиррихическое слово.

IV (III), 10 (11), 5: Venturam melius praesagit navita mortem,
Vulneribus didicit miles habere metum.

Смерть грозитъ одинаково мореплавателю и воину; но то, что̀ для воина vulnera, для мореплавателя не mors, а procella, какъ и здѣсь, вѣроятно, читалось: nauta procellam (въ codex archetypus: p$_{r}$cellā, отчасти стершееся). Ср. совершенно такъ-же построенный стихъ III, 20 (II, 25), 23: An quisquam in mediis persolvit vota procellis. Кромѣ того Avien. Arat. Phaen. 122: In caput inque humeros Helice Cynosuraque versae Praescia venturis dant semper signa procellis. Id. Progn. 72: Sol quoque venturas aperit tibi saepe procellas. Ib. 396: venturae praenoscere signa procellae Convenit.

Тамъ-же 57: Septem urbs alta iugis, toti quae praesidet orbi,
Femineas timuit territa Marte minas.

Такъ въ Gr.; въ N. toto, а второй стихъ пропущенъ. Было, вѣроятно: Femineo extimuit, гдѣ *o* и *e* слились въ *a*, а *x* превратился въ *s* подъ вліяніемъ итальянскаго произношенія.

IV (III), 13 (14), 9: Nunc ligat ad caestum gaudentia bracchia loris.

Hyallage, сама по себѣ странная, оказывается неумѣстною при сравненіи съ niveum latus (11) и virgineum caput (12). Читай: candentia bracchia. О смѣшеніи c и g см. изданіе Л. Мюллера p. XIV.

V (IV), 3, 7: Te modo viderunt iteratos Bactra per ortus,
Te modo munito Neuricus hostis equo
Hibernique Getae pictoque Britannia curru,
Ustus et Eoa discolor Indus aqua.

Въ N. нѣтъ словъ Bactra per ortus, которыя вмѣстѣ съ iteratos многіе считаютъ испорченными; и въ самомъ дѣлѣ вмѣсто темнаго iteratos per ortus слѣдовало ожидать эпитета къ Bactra,—можетъ быть, auratis (или aeratis?) B. pharetris. Въ ст. 10 discolor давно исправлено въ decolor. Тамъ же Л. Мюллеръ, слѣдуя Грутеру, читаетъ Eoo — equo; но у Римскихъ поэтовъ Lunae biga datur semper Solique quadriga (Anthol. Ries. 197, 17). Вѣроятнѣе, что слѣдуетъ исправить ustus въ aestus—Индѣйскій Океанъ, который древніе представляли себѣ предѣломъ земли на востокѣ и потому багрянымъ отъ зори (Eoa aqua).

V (IV), 8, 87: Atque ita mutato per singula pallia lecto
Respondi et toto solvimus arma toro.

Безсмысленное respondi перенесено сюда изъ ст. 81, но вытѣсненное имъ слово было, конечно, похоже на него начертаніемъ, — слѣдовательно не глаголъ въ 1-мъ л. мн. ч., котораго можно было бы ожидать въ соотвѣтствіе съ solvimus. Поправки despondi, in sponda и res pacta (L. Müller praef.) даютъ невыносимыя тавтологіи — первая и третья

послѣ 81, вторая передъ toro. Смыслъ и стихъ допустили бы, пожалуй, ascendi, но зачѣмъ было бы замѣнять его отдаленнымъ respondi? Это относится и къ повелительному ascende (въ смыслѣ приказанія со стороны Цинтіи); кромѣ того оно было бы понятно только при глаголахъ inquit или ait, которые нарушили бы размѣръ. Но всѣмъ требованіямъ удовлетворяетъ Scande, ait: послѣднее слово легко могло выпасть передъ et, и возникшая такимъ образомъ неполнота стиха вызвала замѣну слишкомъ короткаго scande сходнымъ съ нимъ словомъ, попавшимъ подъ перо переписчика всего за шесть стиховъ выше. Ср. V, 4, 90: Nube, ait, et regni scande cubile mei. Эта поправка указываетъ на то, что неумѣстное toto, занесенное сюда, вѣроятно, изъ 85, должно быть измѣнено въ tacto; ср. Ovid. Her. 12, 57: Ut positum tetigi thalamo male saucia lectum, Actast per lacrimas nox mihi, quanta fuit.

ПОЛОЖЕНІЯ.

1. Сравненіе явленій синтактическихъ, кромѣ вопросовъ чисто историческаго свойства, не должно необходимо ограничиваться предѣлами извѣстной семьи языковъ, такъ какъ отдѣльные языки въ своемъ синтактическомъ развитіи слѣдуютъ не только преданію своей семьи, но и общимъ законамъ человѣческой мысли.

2. Выведеніе языковъ основныхъ или родоначальниковъ отдѣльныхъ семей путемъ взаимнаго сравненія вѣтвей каждой изъ нихъ не только желательно, но и возможно, хотя на самомъ дѣлѣ основные языки, конечно, распадались на говоры, изъ которыхъ впослѣдствіи развились нарѣчія и наконецъ языки, какъ романскіе изъ латинскаго.

3. Этимологическое сравненіе неродственныхъ языковъ возможно только въ примѣненіи къ родоначальникамъ отдѣльныхъ, точно ограниченныхъ семей, каковы арійская (индоевропейская), семитская и туранская.

4. Подчиненіе посредствомъ относительныхъ мѣстоименій и нарѣчій въ единичныхъ языкахъ или, по крайней мѣрѣ, вѣтвяхъ отдѣльныхъ семей языковъ принадлежитъ къ числу самыхъ позднихъ родовъ синтактической связи.

5. Позднѣйшимъ относительнымъ предложеніямъ соотвѣтствовали первоначально самостоятельныя съ соединительными союзами.

6. Самостоятельныя предложенія безъ союзовъ и вообще безъ всякихъ положительныхъ признаковъ, соотвѣтствующія позднѣйшимъ относительнымъ, указываютъ на вполнѣ со-

зрѣвшую потребность въ относительной связи, и потому, хотя этотъ способъ слѣдуетъ признать однимъ изъ древнѣйшихъ, онъ значительно новѣе того, который указанъ въ положеніи пятомъ.

7. Логически-подчиненныя предложенія становятся относительными тогда, когда во главѣ ихъ утверждается мѣстоименіе или мѣстоименное нарѣчіе.

8. Посредствомъ постановки во главѣ логически-подчиненныхъ предложеній не только слова мѣстоименныхъ корней, но и знаменательныя могутъ пріобрѣтать относительное значеніе, напр. греческое πρίν и латинское dum.

9. Въ тѣхъ языкахъ, въ которыхъ употребляются или употреблялись относительныя мѣстоименія двухъ корней—указательнаго и вопросительнаго, первыя древнѣе вторыхъ.

10. Первоначальный порядокъ предложеній при относительныхъ мѣстоименіяхъ указательнаго корня обратенъ ихъ порядку при такихъ же мѣстоименіяхъ вопросительнаго корня.

11. Относительныя мѣстоименія вопросительнаго корня произошли отъ вопросительныхъ безъ посредства неопредѣленныхъ.

12. Мѣстоименія неопредѣленныя по своему значенію болѣе сродны указательнымъ, чѣмъ относительнымъ.

13. Латинское неопредѣленное мѣстоименіе quis получило при удвоеніи (quisquis) относительное значеніе только по аналогіи другихъ неопредѣленно-относительныхъ образованій того же вида, каковы quamquam, utut, ubiubi, составныя части которыхъ имѣли въ одно и то же время и неопредѣленное и относительное значеніе.

14. Арабскія конструкціи, основанныя на согласованіи причастія (въ сокращенномъ относительномъ предложеніи) по требованіямъ грамматическихъ условій опредѣляемаго слова (въ главномъ предложеніи), представляютъ сдѣлку смысла съ грамматической формой.

15. Древне-нѣмецкіе, ново-скандинавскіе и англійскіе относительные обороты безъ относительнаго мѣстоименія не

должны быть смѣшиваемы со способомъ, упомянутымъ въ положеніи шестомъ.

16. Пропускъ относительныхъ мѣстоименій и нарѣчій въ ново-скандинавскихъ и англійскомъ языкахъ, упомянутый въ положеніи 15-мъ, основанъ на перетолкованіи и расширеніи нѣкоторыхъ древнѣйшихъ оборотовъ.

17. Въ нѣмецкихъ, славянскихъ и латинскихъ вводныхъ опредѣлительныхъ предложеніяхъ, въ которыхъ недостаетъ мѣстоименія въ именительномъ или винительномъ падежахъ (напр. Urbs antiqua fuit, Tyrii tenuere coloni, Carthago), пропущено мѣстоименіе не относительное, а личное.

18. Къ пропуску относительныхъ мѣстоименій и нарѣчій особенно склонны тѣ языки, въ которыхъ развито употребленіе относительныхъ частицъ (напр. въ англійскомъ языкѣ that вмѣсто which и т. п.).

19. Положенія 4-е и 5-е одинаково примѣняются и къ союзамъ, происходящимъ отъ относительныхъ мѣстоименій.

20. При отсутствіи союза, соотвѣтствующаго нашему *что*, послѣ глаголовъ sentiendi и declarandi признаками того, что мы имѣемъ дѣло съ пропускомъ союза, а не съ самостоятельнымъ предложеніемъ вмѣсто подчиненнаго, служатъ особыя явленія, каковы: тождество подлежащихъ главнаго и второстепеннаго предложеній въ третьемъ лицѣ, прошедшее время во второстепенномъ предложеніи послѣ прошедшаго въ главномъ при одновременности событій, зависимость отъ придаточнаго предложенія. Кромѣ того мѣриломъ при рѣшеніи вопроса въ пользу пропуска или простаго сопоставленія въ извѣстномъ языкѣ могутъ служить степень его выработки, склонность его къ сочиненію или подчиненію и бо́льшая или меньшая заботливость о грамматической точности.

21. Союзъ καί, часто замѣняющій въ ново-греческомъ относительную частицу ποῦ въ смыслѣ союза, будучи легко опускаемъ, содѣйствовалъ пропуску этой частицы въ смыслѣ мѣстоименія.

22. Переходу вопросительныхъ мѣстоименій въ относительныя въ греческомъ языкѣ способствовалъ косвенный вопросъ.

23. Въ позднѣйшемъ древне-греческомъ языкѣ союзъ εἰ и неопредѣленное мѣстоименіе τις слились въ относительное мѣстоименіе εἴτις, употребленіе котораго особенно развилось въ средне-греческомъ языкѣ.

24. Трапезунтское неопредѣленно-относительное мѣстоименіе εἴντσαν, εἴνταν и обще-греческое вопросительное εἴντα происходятъ изъ εἴτις ἄν, εἴτι ἄν.

25. Трапезунтское вопросительное и относительное мѣстоименіе ντό искажено изъ τό.

26. Относительное мѣстоименіе отъ корня τι—, употребляющееся у Трапезунтянъ и у греческихъ поселенцевъ въ Калабріи, не сокращено изъ ὅστις, но происходитъ прямо отъ позднѣйшаго древне-греческаго относительнаго τίς.

27. Соединенія τὶς ἄν и ὃς ἄν въ позднѣйшемъ древне-греческомъ языкѣ слились въ самостоятельныя неопредѣленно-относительныя мѣстоименія.

28. Ново-греческое ὁποῦ образовано изъ ὁποῖος, какъ наоборотъ ὅποιος изъ ὅπου.

29. Ново-греческое относительное мѣстоименіе ποιός сокращено изъ ὁποῖος, а частица ποῦ—изъ ὁποῦ.

...ЕНАЯ
...ЕКА
...Наук
...Наук СССР

Институт литературы
ЦИК СССР
... Горького

По опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго Московскаго университета печатать разрѣшается. 31-го августа 1877 года.

Испр. д. декана о. п. *Нилъ Поповъ.*

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ).
на Страстномъ бульварѣ.